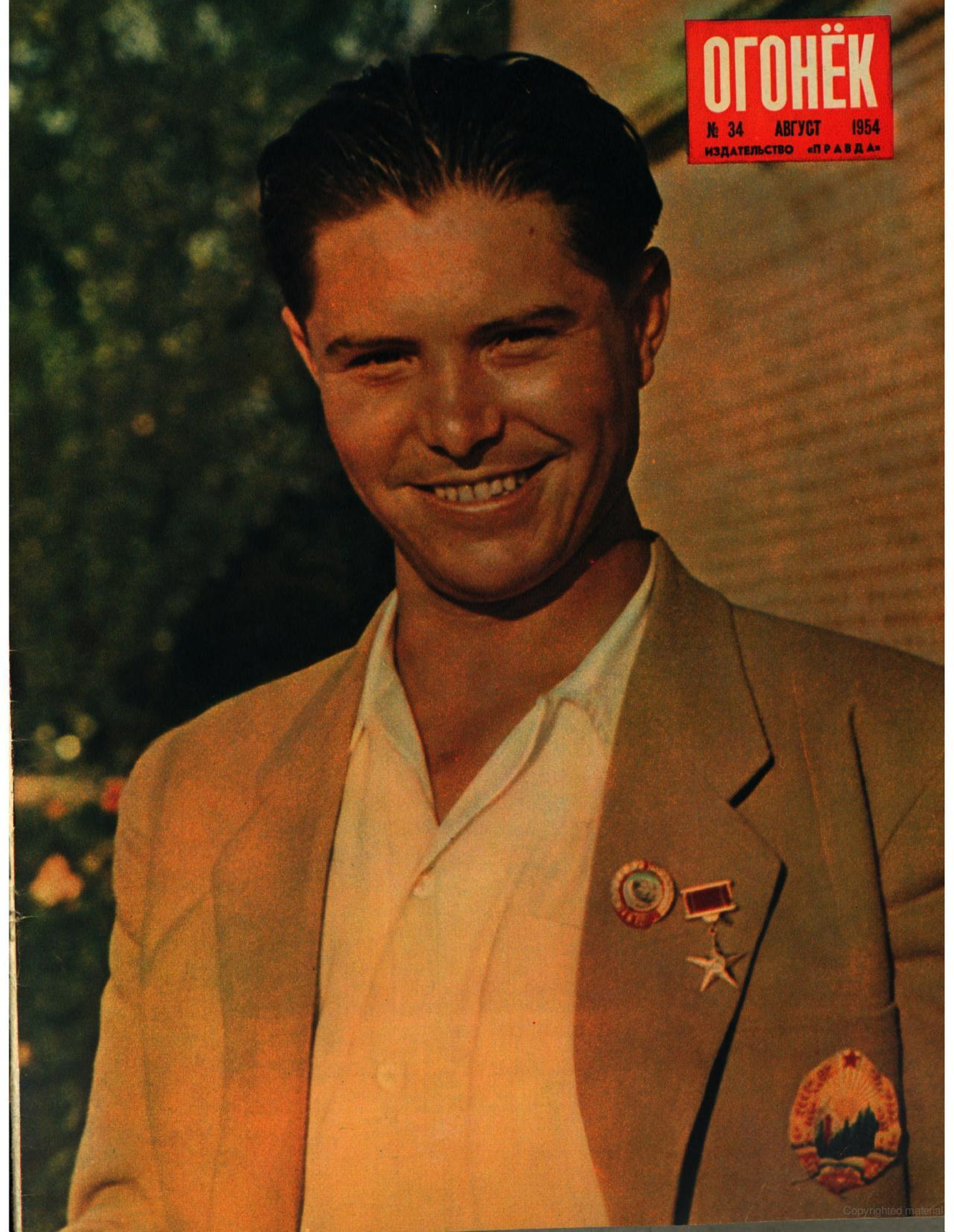
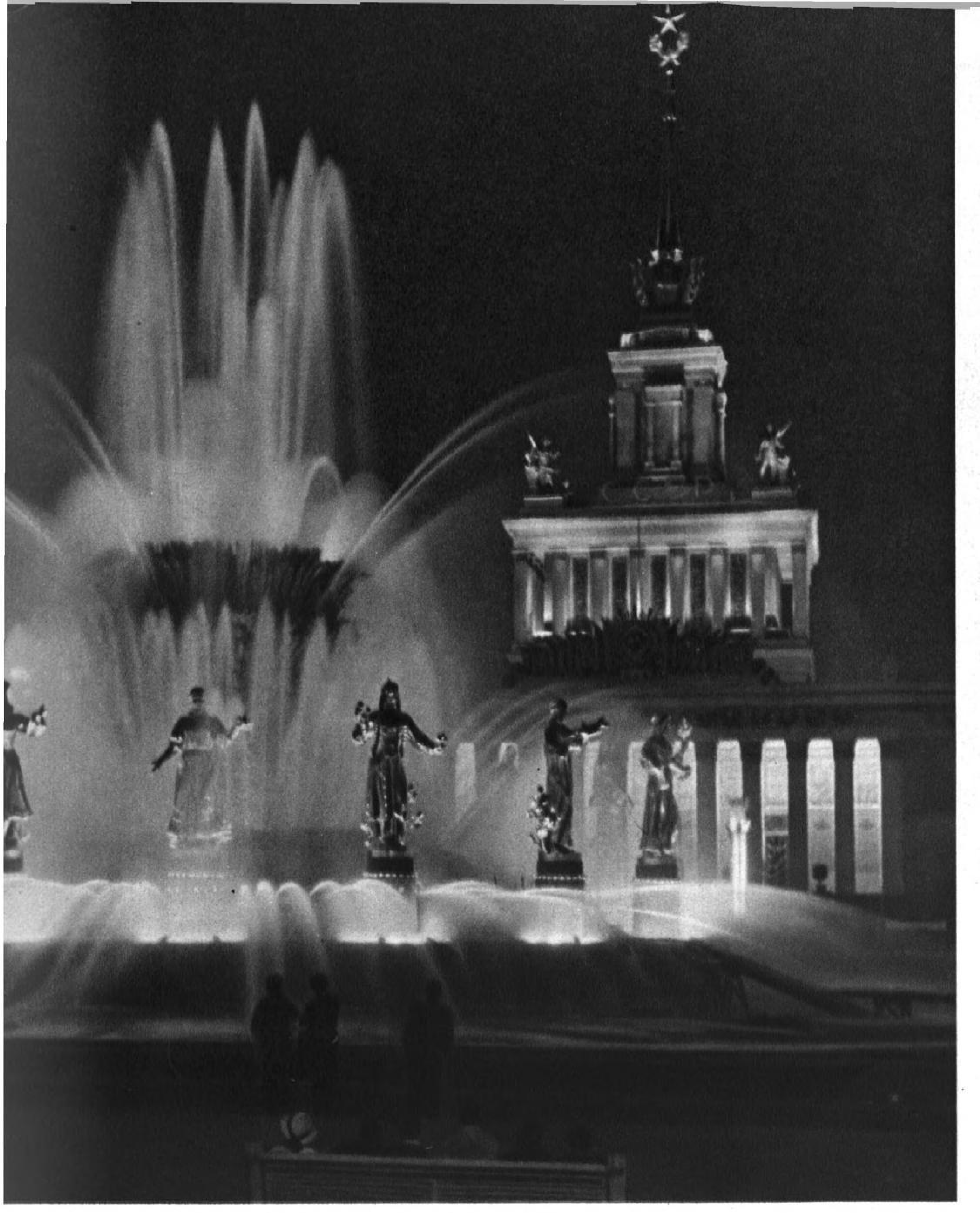

ОГОНЁК
№ 34 АВГУСТ 1954
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
Copyrighted material

Всесоюзная сельскохозяйственная выставка. Фонтан «Дружба народов».

Фото С. Фридлянда и Е. Умнова.

На первой странице обложки: Герой Труда Румынской Народной Республики токарь завода имени М. Ракоши Николай Васу.

Фото Дм. Бальтерманца.

На последней странице обложки: Румынская Народная Республика. В бывшем королевском дворце в Синае ныне находятся музей и здравница.

Фото Дм. Бальтерманца.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК № 34 (1419) 22 АВГУСТА 1954

32-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Бухарест. Бульвар имени Бэлческу. *Август. 1954 год.*

В НАРОДНОЙ РУМЫНИИ

Если бы нам вздумалось совершать это путешествие, пользуясь картой военных лет, то, наверное, мы сбились бы с дороги. Вернее, лучше сказать так: та, прежняя карта позволила бы нам еще нагляднее представить себе, какие замечательные перемены произошли за эти годы в жизни румынского народа.

И вот теперь перед нами Румыния 1954 года.

Последнее десятилетие занимает особое место в истории румынского народа. Это годы народной власти, сменившей власть банкиров и бояр, годы, принесшие с собой преображение жизни простого человека, расцвет материальных ресурсов страны, рост благосостояния и духовных сил народа.

Мы беседовали с крестьянами и выдающимися учеными, ткачихами и артистами, портовыми грузчиками и врачами, рабочими нефтяных промыслов и агрономами. Новая, народная, солнечная Румыния открылась перед нашими глазами.

* * *

...В городе Сталин секретарь обкома Рабочей партии Георге Аугустин подробно рассказал нам о том, как выросла за эти годы индустрия области. Он советовал обязательно повидаться с директором завода «Красное знамя» Георге Рэдою.

— Он у нас старый автомобилист,— пошутил секретарь.

Эту шутку мы поняли позже, увидев директора завода: он оказался совсем молодым, почти юношей.

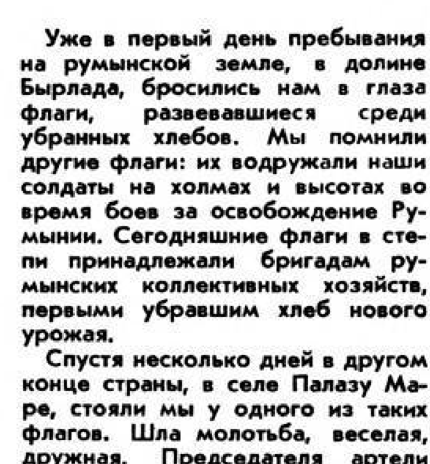
Через минуту мы слушали рассказ «старого автомобилиста» о его жизни.

Георге родился в семье крестьянина Бакэуского района. Он был единственным сыном, но образования родители дать ему не смогли. Мальчишкой его отправили в город учиться ремеслу, он поступил в частную автомастерскую. Научиться там чему-либо было трудно: это была обычная

жизнь мальчика на побегушках. Все же природные способности помогли, он кое-что усвоил. В дни Освобождения Георге добровольно поступил в румынскую бригаду имени Владимиреску и стал работать «по специальности», в автомастерских. В армии, где он пробыл до 1946 года, и началась у него настоящая учеба. Потом работал, учился дальше, участвовал в общественной жизни, в девятнадцать лет вступил в партию. В июне 1953 года Рэдою был послан партией на завод «Красное знамя», а в марте нынешнего года завод стал выпускать первые румынские грузовые автомашины. Теперь эти машины можно встретить на всех дорогах Румынии...

Мы подробно останавливаемся на биографии Рэдою потому, что не раз встречали его сверстников на постах руководителей крупных предприятий. Например, на новой электростанции «Овидий II» мы познакомились с ее директором Блау Франчиском. Начал он свой трудовой путь простым электротехником, потом, уже в наши дни, окончил политехнический институт. Электростанция, которой он руководит, изменила жизнь целой области, расширив возможности постройки новых предприятий и снабдив светом и энергией многие села.

* * *

Уже в первый день пребывания на румынской земле, в долине Бырлада, бросились нам в глаза флаги, развевавшиеся среди убранных хлебов. Мы помнили другие флаги: их водружали наши солдаты на холмах и высотах во время боев за освобождение Румынии. Сегодняшние флаги в степи принадлежали бригадам румынских коллективных хозяйств, первыми убравшим хлеб нового урожая.

Спустя несколько дней в другом конце страны, в селе Палазу Маре, стояли мы у одного из таких флагов. Шла молотьба, веселая, дружная. Председателя артели Георге Билека мы не застали: он уехал в Москву на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку. Беседовал с нами Николае Пурча.

Односельчане почти не давали ему говорить. Флаг был лишь поводом для разговора,— Пурче, конечно, хотелось рассказать всю историю хозяйства. И тут уж каждому хотелось вставить свое слово. Молчали только старый крестьянин с черными усами, в серой шляпе с опущенными полями, по имени Петре Ангел, и Бадою Фларя — женщина с большими, натруженными руками. Потом и Ангел вступил в беседу, а Бадою Фларя все так же молча слушала, что говорят земляки.

Почти вся земля села Палазу Маре принадлежала раньше трем помещикам. Крестьяне искали спасения от этих кровопийц, уходя на работу в город. После 23 августа 1944 года земли Палазу Маре были розданы крестьянам. Георге, нынешний председатель, подсчитал, что выгоднее организоваться в коллектив и пользоваться услугами МТС. Было тогда в хозяйстве 7 коров — сейчас их 114; 14 овец — сейчас 700. Не было свиней — теперь одних свиноматок 34.

Тут Петре Ангелу захотелось вставить словечко о своей семье:

— У меня раньше в доме никогда не было лишней горсти зерна. Тридцать лет я молотил помещику хлеб. А сейчас — милости прошу вас зайти: есть хлеб, есть и мясо, и брынза, и овощи. Я уже успел заработать 610 трудодней, а до конца лета еще далеко! Если даже дадут на трудодень по пять

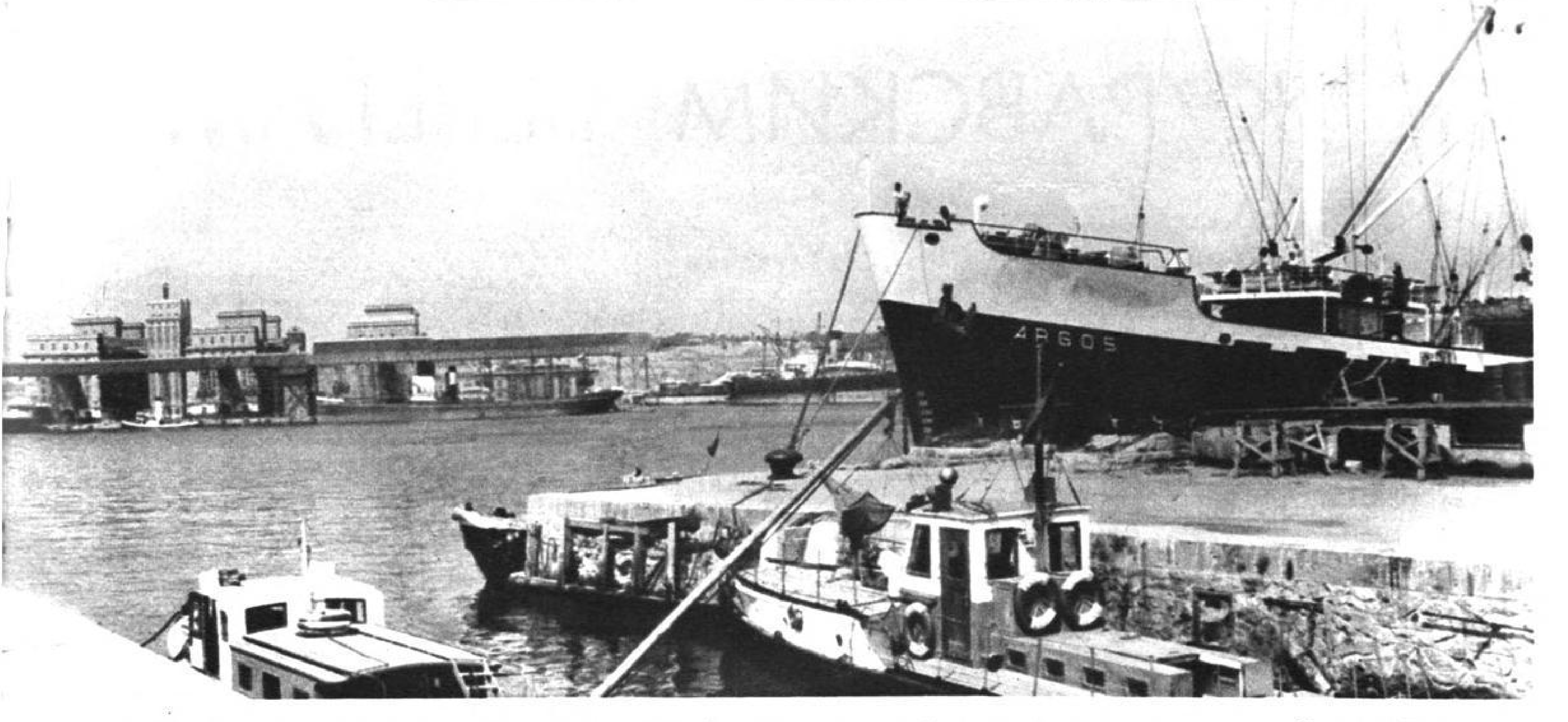
Директор электростанции «Овидий II» Блау Франчиск (справа) и начальник цеха турбин Джоадэ Аурэл.

Констанца. Швартовщики Василий Петрое и Иван Кичорга (справа).

Крестьянка Бадою Фларя.

Констанца. Порт.

килограммов зерна, то можете сами сосчитать!..

Наконец заговорила и молчавшая все время Бадою Фларя, первым делом — о муже. По ее мнению, лучшего работника во всем коллективе Палазу Маре не сыскать. Он у нее мастер на все руки. Еще хотелось бы ей, чтоб мы записали о единоличниках. Их в селе еще двадцать восемь. Ну, и что же, если хотите знать, они тоже болеют за коллектив, он им нравится, да вот стыд берет: сразу не вступили. Но они вступят, все вступят, с улыбкой заключает Бадою Фларя, и в голосе ее звучит твердая уверенность.

Флаги над степью...

В другом коллективном хозяйстве флаги развевались над огромными массивами кукурузы. Она посажена квадратно-гнездовым способом — тем самым, которым пользуются колхозники у нас, в Советском Союзе.

* * *

Многие иностранные заказчики приезжают в румынский порт Констанцу. Они приезжают в Румынию для того, чтобы взглянуть на предприятия, где изготовляются товары. В той же гостинице, где мы жили в Бухаресте, остановился крупный швейцарский промышленник. Он приехал познакомиться с предприятиями своих румынских поставщиков. Осмотрев их, он сказал:

— Хорошие у вас фабрики, продали бы мне парочку...

Конечно, швейцарец шутил: ему хорошо известно было, что в Румынии кончились времена, когда возможны были такого рода «сделки».

На причалах в Констанце стояли иностранные суда. Тут были итальянские пароходы, французские, финские, болгарские, греческие. С итальянского парохода «Анджелико Аура» слышались звуки губной гармошки. Болгары у себя на «Дмитро Кондове», собравшись в круг, читали газету.

В порту шла оживленная работа возле нефтяных резервуаров, у элеватора, на лесном причале... И все-таки двое швартовщиков — Василий Петрое и Иван Кичорга,—повстречавшихся нам на одиннадцатом причале, где только что ошвартовался турецкий пароход, на наше замечание о бурной жизни порта только махнули рукой. Потом они объяснили, что август здесь — самый тихий месяц, что настоящая жизнь начинается в октябре. «Вот уж когда присесть некогда, а сейчас что!»

Румыния торгует ныне с сорока четырьмя странами. К традиционным румынским товарам прибавились такие, о которых старая Румыния представления не имела: например, станки, всевозможное промышленное оборудование, тракторы. А старая Румыния ввозила из-за границы 99 процентов оборудования!

* * *

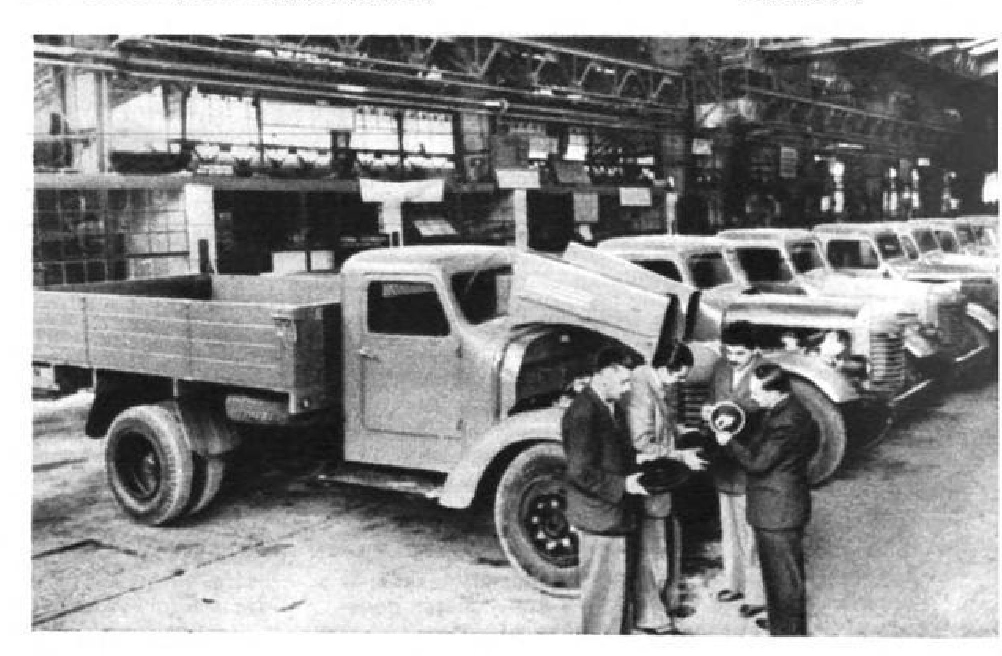
Румынские товарищи посоветовали нам подняться на высоту «1 400», где сейчас дом отдыха профсоюзов. Когда-то этот дом предназначался под казино для бухарестских богачей. В самом Бухаресте сохранилось еще здание, на фронтоне которого можно прочитать: «Объединение крупных промышленников и финансистов», в просторечии — «клуб миллиардеров»; сейчас там помещается городская партийная библиотека.

На высоте «1 400» нас задержала сильная гроза с градом. Вынужденная задержка не могла не огорчить нас, но, принявшись рассматривать книгу для записи приезжающих в дом отдыха, мы не могли оторваться. Да, это была вся народная Румыния! Нефтяники, кочегары, текстильщики, токари, писатели, ученые, инженеры, художники. Людей всех этих профессий мы увидели в столовой за одним столом; у всех была общая тема для живого, дружеского разговора, для горячих споров. И никого не удивляло, когда во время народного танца «Переница» в круг приглашали убеленного сединой профессора, а простая работница, накинув ему на шею платочек, заставляла стать перед ней на колени и расцеловать в обе щеки...

Мастеру электроцентрали бумажно-целлюлозного комбината в Бакэу, Стратулат Думитру, хотелось, чтобы мы написали, что он получил от завода квартиру в новом доме, что в боярской Румынии он вечно не вылезал из долгов, а сейчас каждый месяц остаются деньги для какой-нибудь обновы...

...В Бухарест мы возвращались в жаркий августовский вечер. Все вагоны были набиты загорелыми курортниками, возвращающимися домой. Мы их видели на пляже в знаменитом доме отдыха Мамае, видели детей, резвящихся в море. Это была юность Румынии, страны строящегося социализма.

З. ХИРЕН, А. НОВИКОВ,
специальные корреспонденты «Огонька».

На автозаводе «Красное знамя». Третий слева — Рэдою Георге.

На пляже курорта в Мамае.

К ЖУРАВСКИМ БЕРЕГАМ

Главы из нового романа

Семен БАБАЕВСКИЙ

Рисунки О. Верейского.

— Сергей, взгляни на домик под кручей, не тот ли это полустанок?

— Нет, Семен, это не полустанок, а настоящая станция.

— Отчего же я не вижу ни людей, ни духового оркестра?

— Оттого, Семен, что нам сейчас не до шуток. Я хочу знать: почему ты не выехал в Ставрополь? Почему не выполнил указаний райкома? Есть решение бюро. Или оно не для тебя писано?

Семен не ответил, и старые друзья продолжали молча сидеть на берегу Кубани вблизи Усть-Невинской ГЭС. Небо над ними стояло чистое, голубизна его была яркая, даль прозрачна. Был конец июня. Солнце опустилось низко и светило не жарко. Со степи и от разлившейся Кубани веяло прохладой. Именно теперь, в этот светлый июньский предвечерний час, Семену не хотелось продолжать неприятный для него разговор. Сердито бросая в воду камни, Семен смотрел на тот берег — за рекой лежала Усть-Невинская в садах, по берегу расстилался низкий и густой, как щетка, кустарник.

Сергей тоже молчал и смотрел себе под ноги... Пощипывая пальцами сухую траву, он прислушивался к протяжно-ровному шуму, который доносился от работавшей невдалеке турбины. Звуки рождались в глубине реки и, с трудом вырываясь из воды, улетали туда, куда убегали по степи серые, обмытые дождями столбы.

— А помнишь, Сергей,— мечтательно заговорил Семен, — помнишь, как семь лет тому назад мы сошли на безлюдном полустанке... а по дороге медленно двигались огненно-красные быки с огромными белыми лысинами, а на бричке девушка в белой косынке... А кругом пшеница, как море, цветы у дороги... И стоим мы, а?..

— Ни к чему, Семен, эти воспоминания! — резко перебил Сергей. — Я хочу знать: почему ты не выехал в Ставрополь?

— Эх, Сергей, Сергей, какой же ты стал черствый!

— Зато ты сделался слишком мягким. Лирик!

— Ну, скажи, разве тебе не приятно вспомнить?..

— Я заехал сюда, чтобы узнать, почему ты не выполнил решение бюро.

— Выполнил бы...

— Что ж помешало?

Семен промолчал, глаза его потемнели. Снова сердито бросил камень в воду, затем долго и внимательно смотрел на густую щетку кустарников за рекой.

— Сережа, я же здесь привык... — заговорил он, как бы обращаясь к станице за рекой и к кустарникам. — Я привык за эти годы... Как же я уеду, брошу... Ты ж меня знаешь. Я люблю жизнь спокойную, без переездов... На войне мы с тобой и так вволю наездились. Хватит, пора пожить на одном месте.

Сергей слушал, рассыпая на ладони желтые травинки. И когда Семен вспомнил фронт, Сергей нахмурился, привычным движением руки сдвинул на затылок кубанку и сурово посмотрел другу в глаза. Семен отвернулся.

— Не могу тебя понять, — сказал Сергей, сжимая в кулаке травинки. — И чего ты тянешься к спокойной жизни? Да и не время, Семен, сидеть на привольном кубанском бережку. Ты нужен сейчас среди людей, а не в этом домике. Райком рекомендует тебя на должность директора машинно-тракторной станции. Ты подумай, какое доверие!

— Плохой из меня директор...

— Не прибедняйся, Семен. Ты до войны работал разъездным механиком.

— То до войны...

— А теперь?

— Не трогай меня, Сергей, я не справлюсь.

— Не хочешь — это дело другое... Да ты поезжай к Кондратьеву, поговори с ним. Я тебе советую: просись в Прикумье. Хорошие места. Земля там даже виноград родит. Приедешь как раз к сезону. Ну, не вешай голову, славный мой радист-пулеметчик!

— Сережа, — Семен поднял голову и посмотрел на друга ласковыми серыми глазами, — я написал Кондратьеву.

— О чем?

— О том, что не согласен с решением.

— Вот как! Ну, спасибо, Семен, удружил...

— Ты о нашей дружбе помолчал бы.

Сергей положил руку Семену на плечо, заглянул в лицо и увидел те же серые глаза — теперь они заслезились в уголках и оттого стали чужими и злыми.

— Что с тобой?

— Сережа, я тебя уважаю, но мне больно.— Он отвернулся, чтобы Сергей не заметил его слез.— Я нарочно заводил разговор о полустанке, о красных быках, хотел отвести ссору, хотел, чтобы нам было так радостно, как бывало прежде... Только вижу — и радости и дружбе приходит конец.

— Я же хочу как лучше, пойми!

— Лучше? — Семен хотел улыбнуться, но не смог: губы скривились жалостливо, и на глаза совсем уже заметно выступили слезы.— И чего ты хитришь? Сказал бы: уходи, Семен, мне это место нужно для другого.

— Для кого? Что ты мелешь?

— Брось, я знаю. Скоро вернется с курсов Ирина, и ты жену свою назначишь на мое место, вот я здесь и лишний. Так прямо и говорил бы, и я подчинюсь... Я привык тебе подчиняться, и не как секретарю райкома, а как другу...

— Эх, Семен, Семен, какой же ты, оказывается, самонравный, а к тому же и дурак! Послушай, что я тебе скажу...

Сергей обнял Семена за плечи и, наклонившись к нему, хотел завести душевный разговор. Но Семен, стыдясь своих слез, отвернулся и, чувствуя нестерпимую резь в глазах и боль в груди, быстро встал и не ушел, а побежал к гидростанции.

Сергей грустно посмотрел вслед Семену. «Ну, ничего, — подумал он, направляясь к машине. — Уговаривать не стану. Остынешь, сам поймешь».

— Ванюша! — Сергей тронул рукой уснувшего шофера. — В Рощенскую.

Ванюша протер тыльной стороной ладони немного опухшие глаза, пригладил пальцами смятый чуб, и «Победа», покачиваясь и глухо шурша шинами, помчалась к холмистому взгорью.

Утонула в высоких берегах гидростанция, спряталась за Верблюд-горой и Усть-Невинская, а Кубань все еще блестела перед глазами. Ее извилистое русло, обсаженное лесками, кущами вербы, островки белого песка, крутые спуски к водопою еще долго манили взор и навевали воспоминания. «Как это он сказал? «Я привык за эти годы». Ээ, время, время, как же за тобой угнаться!— думал Сергей, чувствуя лицом ласковую струю воздуха и мечтательно глядя на парившего над машиной кобчика.— Вот и ты так мчишься на своих упругих крыльях... Да, ушло еще семь лет! И когда же они успели так быстро пройти-пролететь? Где теперь и та бричка с молочными бидонами, и те первые радости любви, и то собрание в поле, и те ночи в Чубуксунском ущелье?..»

На себе, на своих товарищах трудно увидеть перемены за эти семь лет. Зато как же заметна работа времени на детях! Всякий раз смотришь на них и невольно думаешь: огого! Так вот они как летят, годы! И как же быстро растут люди!

Так думал Сергей, когда вошел в дом и усадил на колени Илью и Тимофея. Он обнимал их упругие тела, прижимал к себе, смотрел в их пытливые глаза и диву давался: давно ли лежали эти хлопчики в пеленках, как живые куклы, с маленькими, тоже кукольными, личиками!.. Теперь же их было трудно не то что запеленать, а даже минуту удержать на коленях.

С утра и до ночи в доме стояли шум и беготня, смех и плач, и Сергей, слушая эту уже ставшую привычной музыку, думал: «Славные сыночки подрастают, а все ж таки надо их определить в детский сад. Как вернется Ирина, посоветуемся... В доме будет спокойнее, да и Марфе Игнатьевне станет легче». И тут мысли его обратились к Ирине. «На ней та перемена видна, как на ребенке», — подумал он, вспоминая приезд Ирины домой. Более года она училась на электротехнических курсах и как-то с месяц тому назад приехала на один день в гости. Сергей увидел ее после долгой разлуки и удивился: она это или не она? Что-то изменилось и в ее внешности и в характере, а вот что именно, Сергей понять не смог; ясно было одно: теперь она не была похожа на ту Ирину, какую он так хорошо знал. «Ничего, скоро приедет, присмотрюсь и пойму, в чем же эта перемена».

Мысль о приезде Ирины снова привела его на берег Кубани, и перед ним опять встал Семен, нелюдимый и злой. «Ты жену свою назначишь на мое место»,— слышался его глухой голос. Сергей усмехнулся, подошел к столу, взял книгу, сел и задумался. «Неужели это сказал Семен? Да, Семен, а кто ж еще!.. Значит, и он изменился, а только перемена эта меня не радует...»

И чтобы уйти от воспоминаний об их последней встрече, Сергей стал думать об Усть-Невинской, но вспомнил смерть матери — и опять потекли невеселые воспоминания. Прикрыв ладонью глаза, он видел сырой и пасмурный день февраля. Снега тогда не было. Улица лежала темная, грязная, и несли по станице гроб. Все устьневинцы вышли проводить на кладбище Василису Ниловну — эту ласковую и со всеми приветливую старушку. Она лежала совсем маленькая, и ее седая голова в бумажных и восковых цветах чуть-чуть покачивалась. Лицо у нее было не строгое и не такое неприветливое, какими обычно бывают лица у мертвых, а ласковое, точно такое, каким оно было всю ее долгую и нелегкую жизнь. Сергей смотрел на знакомые морщинки у закрытых глаз, на пряди белых волос, уложенные чужими пальцами, на короткие, сильно натруженные работой руки, сложенные на груди теперь на вечный покой, и ему казалось, что вот мать откроет желтые, без единой реснички веки, посмотрит на эти люд-

ные проводы и скажет своим тихим голосом: «Ну вот, дети мои, я свое и отжила».

И люди, как бы прислушиваясь к тому, что может сказать Ниловна, шли молча. Слышны были шаги сотен ног, частые вздохи и неумолкающие всхлипывания Анфисы. За гробом шел Тимофей Ильич. Как же он постарел и сгорбился за эти дни! Голова его совсем побелела и поникла, как никнет сломленный ветром подсолнух, а ноги переступали старчески тяжело. Он не плакал, был молчалив, и только один раз Сергей увидел в его воспаленно-красных глазах две слезинки — они как-то робко потекли по щекам и растаяли в крупных и жестких морщинах.

Потом думал о том, как ездил на съезд партии. Стоял октябрь, и было по-осеннему свежо, а небо светлое, как бы промытое. Пассажиры, видимо, южане, с тоской посматривали на восток,— там, над темными крышами высоких зданий, подымалось солнце, багрово-красное и холодное. А на платформе слышалось шарканье ног о сухой асфальт и гудящий говор идущей толпы. По радио женский голос сообщал делегатам, куда им следует проходить и где их будут встречать.

— Послушайте, — сказал Кондратьев, обращаясь к ставропольской делегации, — москвичи нас поджидают... А ну, поторапливайтесь!

Когда же ставропольцы, разместившись на трех «Победах», помчались по широкой, сплошь запруженной машинами шумной улице, Сергей все время смотрел на убегавшие назад людные тротуары, на сиротливо желтевшие, притоптанные ногами лапчатые листья клена и липы, на дома с поясами вывесок, на огромные стекла витрин.

«Ну вот, я еще раз побывал в Москве, — думал Сергей. — А небо там все такое же низкое, как и в тот день, когда я ехал за город в свою танковую дивизию. И так же лежали листья, только там, в лесу, их было много, и они не желтели, а пламенели... В каком же году это было? Где они теперь, мои друзья-танкисты?..»

Вспомнился и март нынешнего года — холодный, нерадостный. Красная площадь в трауре и в венках. Похороны Сталина...

«К чему, оказывается, ни обратись,— думал Сергей, закрывая книгу, — на что ни посмотри,— на всем найдешь следы ушедших лет... Да и может ли быть иначе?..»

Тут Сергей начал размышлять о том, что все, что есть теперь в Рощенском районе, явилось не сразу, не в один день; что все началось с пятилетнего плана станицы Усть-Невинской и постройки гидростанции на Кубани. И Сергей понимал: не будь Усть-Невинской ГЭС, жизнь таких людей, как Прохор Ненашев, Стефан Рагулин, Алексей Артамошов, Несмашная, Варвара Аршинцева, да и собственная жизнь его, Сергея Тутаринова, Ирины, Семена сложилась бы совсем по-иному. Сергей даже подумал о том, что перемены в жизни рощенцев имеют отношение к тому, что прошлой осенью Бойченко был взят на работу в ЦК, а первым секретарем крайкома избран Николай Петрович Кондратьев. «Нет, тут наши рощенцы ни при чем,— решил Сергей.— Нужно было, вот Бойченко и взяли. А кто его мог заменить? Конечно, Кондратьев, кто ж еще?..»

За горой пламенел закат. Добрая половина неба была залита радужными красками. Белые мягкие метелки ковыль-травы порозовели, и этот красочный шелк, качаясь легкой волной, разливался по всему склону... Отсюда до Ставрополя лежали холмы, ложбины, взгорья. Любуясь вечерними красками, Сергей Тутаринов думал: зачем, по какому такому срочному делу вызывает его Кондратьев? Позвонил помощник и сказал, чтобы сейчас же выезжал. Сергей напомнил, что сегодня суббота и к тому же наступил вечер. Помощник сухо проговорил, что его дело — передать просьбу Николая Петровича.

Вот и улица. Навстречу побежали фонари и высокие темные тополя.

— Сергей Тимофеевич, а не завернуть ли нам на квартиру?

Ванюша притормозил и пристально посмотрел на постового у перекрестка.

— Пожалуй, так и сделаем.

Вскоре Сергей вошел в подъезд большого, хорошо знакомого ему дома. Подымаясь по широкой, освещенной с боков лестнице, он думал: «Если Николай Петрович еще не пришел, подожду, поговорю с Натальей Павловной. Вот у нее и узнаю заранее, по какому делу и так срочно понадобился...»

Наталья Павловна провела гостя через две комнаты в кабинет мужа и усадила на низкую кушетку. Угощая Сергея грушами, горкой лежавшими на тарелке, она сказала, что Николай Петрович только что звонил и спрашивал: «А гость из Рощенской еще не приехал?» Она присела на диван и, поправив седые, гладко зачесанные на пробор волосы, стала расспрашивать то о Рощенской, то о сыновьях, то об Ирине, а ласковая улыбка так и не покидала ее доброе, всегда спокойное и когда-то красивое лицо. Сергей отвечал охотно, признавался, что сильно соскучился по Ирине.

— Наталья Павловна,— спросил Сергей, краснея, — скажите, зачем меня вызвал Николай Петрович?

— Тебя вызвал? — искренно удивилась Наталья Павловна.

— Ну да...

— Вот это новость! — Лицо у Натальи Павловны стало строгим, вокруг светлых глаз четче обозначились россыпи мелких-мелких морщинок. — А Николай Петрович по телефону сказал мне, что ты звонил из Рощенской и обещал приехать... Вот я и ждала рощенского гостя.

— Да, точно, разговор был, — поспешно проговорил Сергей, вставая. — Да, по телефону я говорил...

Он прошел от кушетки к окну и снова сел рядом с Натальей Павловной, не зная, что ей сказать.

В прихожей щелкнул замок, отворилась тяжелая дверь, и послышались твердые, по-хозяйски уверенные шаги и шелест брошенных на столик журналов и газет. По тому, с какой проворностью ушла в прихожую Наталья Павловна, Сергей понял: пришел Кондратьев.

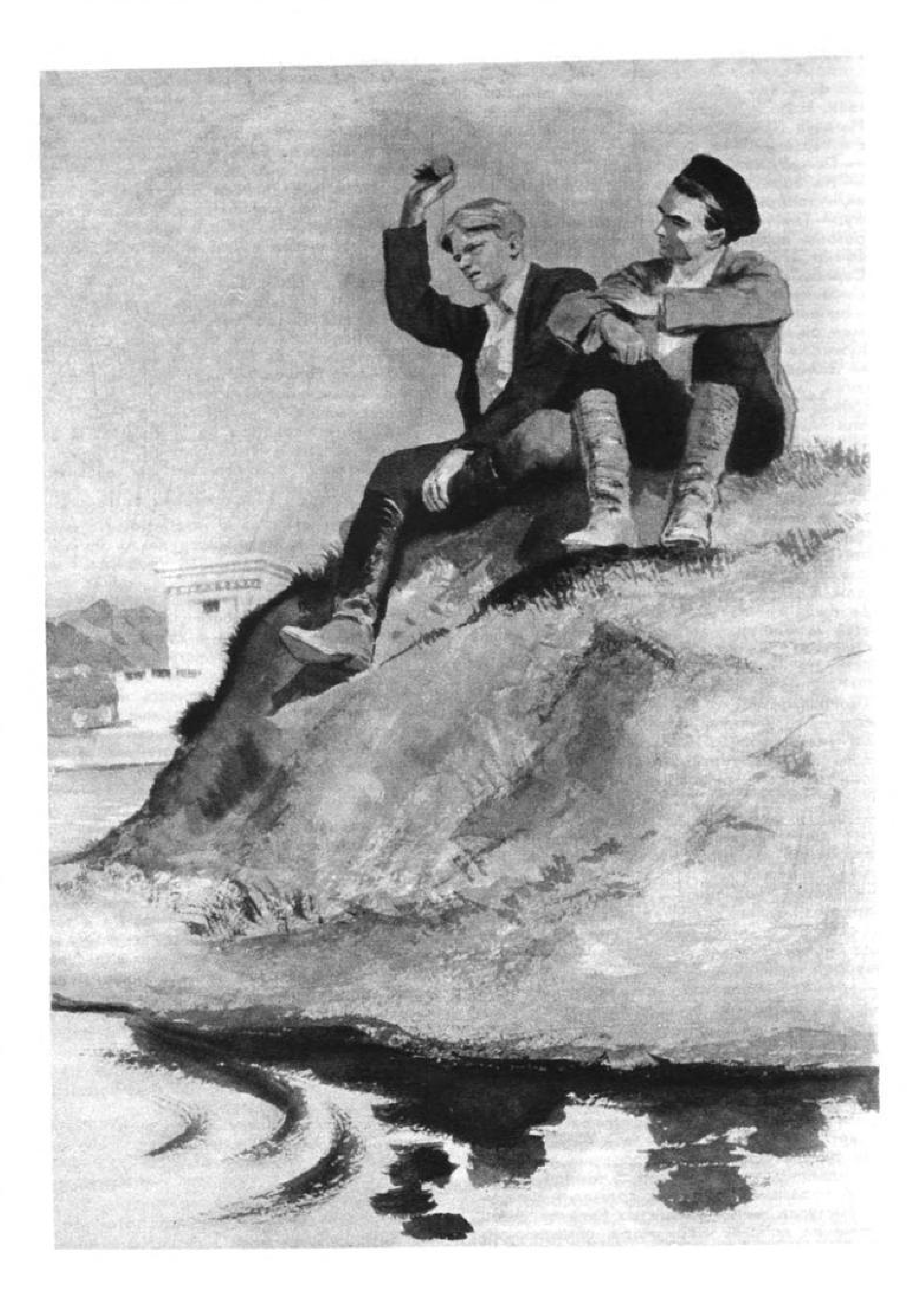
— Ну, здорово, рощенский казак! — сказал Кондратьев, протягивая руку. — Вот хорошо, что ты приехал! Завтра у нас какой день?

— Воскресенье, — ответил Сергей, еще не понимая смысла вопроса.

— Значит, на рассвете мы с тобой поедем на рыбалку. — Кондратьев сел на диван и, поглаживая седые, давно не видавшие ножниц волосы на висках, изучающе посмотрел на Сергея.— Согласен?

— Не понимаю, — проговорил Сергей. — Разве из-за этого вызывал?

— Да не вызывал,— Кондратьев рассмеял-

ся,— просто пригласил. Да и почему бы нам не порыбалить? Места есть дивные. Только надо быть там на зорьке. Наташа, приготовь рыбки. Надо ж Сергея разохотить с вечера.

Наталья Павловна ласково взглянула на мужа и сказала:

— Пожалуйста, стол накрыт.

— На зорьке, и только на зорьке клюет усач,— говорил Кондратьев, беря Сергея под руку.— Там, на концевом сбросе, есть такая огромная водная чаша. На заре усачи так и прыгают над водой.

Сергею казалось, что весь разговор о рыбе и рыбалке придуман с какой-то целью и ему умышленно не говорят правду. «Ну, что ж,— думал он, уже сидя за столом,— может, так и нужно...»

— Значит, усач клюет на зорьке?— спросил Сергей, весело глядя на Кондратьева и на Наталью Павловну.— А я как-то этому не придавал значения.

— Ну как же!— вполне серьезно ответил Кондратьев, принимаясь за рыбу.— Усач любит зорьку... Только бы нам не проспать.

— Скажем Ванюше. Он, как часы.

И они начали молча есть рыбу.

Как и надо было ожидать, Ванюша не проспал. Сергей сел за руль — любил по утрам управлять машиной. Кондратьев уселся с ним рядом, Ванюша забрался на заднее сиденье, куда были сложены закуски и рыболовецкая снасть, и «Победа» ни свет ни заря отъехала от подъезда, возле которого, кутаясь в шаль, еще долго стояла Наталья Павловна.

От деревьев, еще по-ночному молчаливых и спокойных, веяло утренней свежестью. За лесом лежала степь, изрезанная рвами и узкими темными ярами. Изгибаясь, дорога то падала вниз и скрывалась на дне узкой и сырой балки, то, петляя, снова взбиралась на высокое плато.

— Эх, и дорожка, фронтовая!..— тихонько запел Сергей, нажимая ножной тормоз.— В радиаторе чай кипит! Немного постоим, полюбуемся рассветом.

— Плохой водитель,— сказал Кондратьев, выходя из машины и поглядывая на Ванюшу.— Вот если бы опытный человек сидел за рулем, вода бы не закипела. А как там наше рыболовецкое хозяйство, Ванюша?

— Лежит,— неохотно ответил шофер.— Беда с удилищами. Бамбук же легкий, прыгает, гремит.

В небе еще не таяли звезды, и заря только-только начинала розоветь. Восток посветлел, на нем растекались нежные голубые тона. Равнина притянула к себе еще робкий отблеск зари и преобразилась — повсюду на поля упала светлая голубизна. Кое-где в низинах дремали туманы. Они были прозрачны, и сквозь них виднелись зеркала озер в темной камышовой оправе. Одно озеро, громадным парусом выступавшее из холмистых берегов, было похоже на добрый кусок моря, оставленного в этой степи на показ людям,— синева его на фоне утреннего неба была необычайно свежей. Невдалеке лентой тянулись вольные изгибы Егорлыка, серая, как дорога, только сильно изломанная полоса упиралась в село, белевшее на пригорке хатами.

— По-моему, Сергей, в озерах рыбалить неинтересно,— заговорил Кондратьев, когда «Победа» катилась вниз по извилистой дороге.— Мы с тобой люди кубанские, и нас не без причины тянет туда, где вода бурлит,— вот там поймай рыбу! Живет в озере какой-нибудь зеркальный карп — рыба тихая, ленивая. А вот в Кубани усач или головень — вот это рыба! И на вкус она сладкая, от нее не пахнет этим озерным илом. Так что мы, Сергей, поедем к истокам Егорлыка. Вот сюда, левее держи. Вот за тем холмом и чаша кубанской воды...

«Истоки Егорлыка», «чаша кубанской воды» — сказать так, не поясняя, что означают эти слова, значит совершенно ничего не сказать. Людям, никогда в этих краях не бывавшим и ничего не ведающим о том, как и когда бедная речонка Егорлык породнилась с полноводной Кубанью, разумеется, не понять, что для ставропольцев таят в себе такие слова, как «речная рыба», «чаша кубанской воды», «истоки Егорлыка».

Поэтому пусть Николай Петрович и Сергей покамест любуются этой чашей кубанской воды; пусть себе разбирают сложенные втрое удилища из светлого бамбука; пусть слушают песню рожденной реки и ощущают прохладное дыхание разбитой на мелкие брызги воды на сбросе; пусть они выбирают себе самое удобное место, и пусть Кондратьев натягивает резиновые сапоги с высоченными голенищами; пусть рыбаки перебираются на островок и там разматывают блестящие в свете зари лески,— мы же тем временем хоть вкратце поясним, какой же смысл хранят в себе слова «чаша кубанской воды» и «истоки Егорлыка».

По совести сказать, до недавних времен истоков-то у Егорлыка вообще не было, как не бывает у какого-нибудь бедняка источников дохода. Сухое, буерачное русло этой речонки испокон веков бороздило Ставропольскую степь, и где было ему начало, а где конец, никто толком не знал. Не знали люди об этом только потому, что Егорлык — степная река-времянка, и какой же, в самом деле, смысл интересоваться ее истоками! По весне, в пору таяния снега, ручейки устремляются вниз, Егорлык подхватывает эту шальную воду, быстро наполняет свои сухие глиняные берега и оживает. Он и блестит на солнце молодо и шумит на заре по-речному протяжно. А в иной день разойдется не на шутку, как какой-нибудь подгулявший забияка: играя, опрокинет подводу с бочками, сорвет мосток, затопит низину, пугая мышей и сусликов, а то и подточит глиняный берег, и он упадет, тяжким вздохом отзываясь в степи, и этот вздох как бы говорит: «Ох, и могучая ж река Егорлык!»

Такая веселая жизнь длилась неделю—две. Когда же наступал зной, Егорлык умирал тихо и безропотно: вода в нем высыхала, все живое, что успело родиться, погибало, и только на влажном дне выступала соль, да открывались пастями трещины, затканные свежей паутиной.

Таким было безрадостное прошлое Егорлыка. Теперь же он герой! Красивый и полноводный, он несется по знакомым степям, мимо хуторов и сел к Манычу; кое-где даже выходит из берегов, заливает тысячи гектаров низины, как бы говоря: «Эге-ге! Да я теперь такой богатый и сильный, что мне все нипочем!» И там, где разлились его воды, на тихих и теплых заводях буйно поросли камыши, встав над степью темнозелеными гривами. Сюда, в эти гривы, на новое жительство прилетели дикие утки, нырки, цапли, а однажды явились (видимо, на разведку: нет ли тут, возле Егорлыка, какого-нибудь моря?) две шустрые острокрылые чайки, но не нашли моря и улетели. Ковыль-трава стоит на берегу, чует и близкую влагу и прохладу, любуется водным потоком и удивляется: и что такое случилось с Егорлыком, и откуда у него столько воды?!

Да, ни камышам, ни ковыль-траве, ни даже чайкам-разведчицам не понять того, что всему причиной тут была Кубань. Это она, давняя соседка Егорлыка, напоила его и влила в него силу, и степная река ожила и преобразилась. Не знали камыши и травы, что многие тысячи лет убегала Кубань мимо горы Недреманной, держа путь на Армавир, хотя все эти годы она чутьем улавливала, что в десяти верстах от нее, за этой самой Недреманной, томится, изнывает от безводья Егорлык — река славная и очень нужная людям, но страшно бедная водой. И хотелось Кубани придти на помощь своему попавшему в беду брату. Но как? Как взобраться на такую высоченную гору? Помогли люди. Над Недреманной поднялись огромные, высотой в метр буквы: «Пойдет вода Кубань-реки, куда велят большевики». И это была правда. Люди сказали: не надо воде взбираться на гору — это не ее дело. И нашли ей удобную дорогу: прорыли новое русло и подвели его до самой Недреманной. Потом начали рыть и гору. Получился огромный тоннель. И когда этот тоннель одели в бетон, он напомнил собой метро. Казалось, вот-вот со свистом и с ветром ворвутся туда яркозеленые вагоны... Однако не вагоны пошли в тоннель, а вода. И хлынула она торопливо, подняв у входного портала белый гребень,— видимо, река волновалась с непривычки и даже боялась, как бы вдруг снова не закрыли для нее эти просторные ворота через Недреманную... Но ворота остались открытыми навсегда. Они протянулись на семь километров; под землей темно и холодно, и вода выходила оттуда студеной, как из-под ледника. И вот тут, по другую сторону Недреманной, живет готовое чудо, да и только! На отлогом склоне горы, там, где веками лежали изрытые сусличьими норками да сожженные солнцем степи, рвется из земли не какой-то фонтанчик или ручеек, а полноводная река...

Вот она-то и родила чашу кубанской воды, ибо чашей зовется то место, где Егорлык принимает даровую воду. Прикоснувшись к Егорлыку, кубанская вода разрыла глинистую почву, раздвинула ровно срезанные высокие берега и образовала просторный котлован, похожий на огромную пригоршню с водой. Если смотришь на чашу воды с горы, то невольно кажется, будто в этом месте какой-то невидимый великан пришел со Ставрополья и подставил ковшом сложенные ладони, боясь, как бы не разбрызгалась и не растеклась долгожданная влага...

У Сергея не было резиновой обуви, и поэтому он не мог брести по воде. Ему пришлось перебираться на островок, лежавший в трех метрах от берега, на спине у Кондратьева,— тот, согнув плечи и покрякивая, смело погружал ноги в илистое дно.

— А ты тяжелый,— смеясь, говорил Кондратьев.— Но рыбак из тебя никудышный. Как же ты не смог усмотреть выгоду в этом островке? Величиной он с копну, но для рыбака тут незаменимое удобство. Ты только посмотри: отсюда мы легко овладеем всей заводью. Ну, располагайся на суше, а я еще малость пойду вглубь.

Сергей нарвал жесткой и еще не сухой травы, опустился на нее коленями и начал разматывать леску,— оказалось, она и в самом деле доставала до середины реки. Кондратьев же считал, что следует забросить крючок еще дальше, и с этой целью забрел поглубже. Теперь он был доволен: на середине реки плясал поплавок, и Кондратьев, поймав его острым, наметанным глазом, по-детски улыбнулся...

Рыбаки трудились усердно и не без успеха. Не прошло и получаса, а в полотняной сумке, одним концом опущенной в воду, а другим привязанной к ноге Кондратьева, трепетала первая восьмерка усачей. (Ради справедливости следует сразу же оговориться: лишь одного, да и то небольшого усачика поймал Сергей, остальные же семь мастерски, одного за другим, выхватил Кондратьев. После этого и улыбка на его коричневом, помолодевшем лице расцвела сильнее, и блеск глаз сделался по-мальчишечьи озорным.)

Усачи бушевали в тесной сумке, тыкались в темные углы носами. Кондратьев стоял, не шевелясь, переполненный с детства знакомой радостью. Он чувствовал сквозь резину, как ноги его всасывает холодная кашица ила, видел, как волна, играя, грозила захлестнуть голенища его резиновых сапог. Но в эту минуту все его существо было обращено к поплавку,— тут было не до вязкого и холодного ила под ногами, не до Сергея, бурчавшего что-то себе под нос, не до волны, заглядывавшей за голенища. Он то косился на живую матерчатую сумку, которая неустанно дергала его за ногу, то, не мигая и не в силах удержать улыбку, подолгу не отрывал глаз от гулявшего в заводи поплавка.

— А-а-а! Вот и девятый! А ну, голубчик, иди-ка сюда, да не трепыхайся, ты ж теперь не в воде. Сейчас я увижу, что ты за герой! О! Головень! Далеко заплыл, видно, на Маныч путь держал да нечаянно с крючком повстречался...

Так, разговаривая, Кондратьев подхватил левой рукой летевшего к нему низко над водой голавля, прижал его к груди, не замечая, как по рукаву течет вода, а на мокрой волосатой груди сединой заблестела чешуя. Голавль смотрел на Кондратьева добрыми красноватосизыми испуганными глазами, широко, но бесшумно зевал, раскрывая круглый рот,— нижняя губа была разорвана крючком.

Сунув нового пленника в сумку, Кондратьев весело посмотрел на Сергея и от избытка радости рассмеялся.

— Видал, Сережа, какого выудил? Прямо из глубины подхватил! Ну, десятого поймаем, и можно заняться ухой. Только теперь очередь твоя.

— У меня что-то не клюет.

— А ты удилищем, удилищем поваживай.

Сумей раздразнить, разозлить, — вот тогда и схватит!

— Попробовал и удилищем — не идет. Помню, в детстве мы плевали на червяка.

— И помогало?

— Еще как!

— Так ты поплюй и теперь! — И Кондратьев опять рассмеялся веселым смехом.

В самом ли деле помогло то, что Сергей, вспомнив давно забытый детский способ приманки рыбы, поплевал на червяка, или так уж случилось, только вскоре он поймал небольшого усача — счет десять! Тут же, ни минуты не медля, был объявлен перерыв. Удилища оставили на острове, и опять, сгибая плечи и покрякивая, Кондратьев перенес Сергея через протоку на берег; тяжелая мокрая сумка с притихшей рыбой лежала у Кондратьева на плече, и вода с нее стекала ему на поясницу.

Уху было поручено приготовить Ванюше, и вот почему: давно, когда Кондратьев еще был секретарем Рощенского райкома, Ванюша не раз, бывая с ним на рыбалке, на деле доказал, что нет еще такого человека на Кубани, кто сумел бы лучше райкомовского шофера сварить уху, нет, не на плитке, конечно, а на костре и непременно на берегу реки. Вот почему Кондратьев и Сергей, не колеблясь, доверили Ванюше заняться рыбацким завтраком, а сами пошли прогуляться к консольному сбросу — водопад с чашей вспененной воды был от них метрах в двухстах.

Им захотелось вблизи увидеть падение воды и услышать ее новый, помолодевший голос. Они остановились у консоля — цементная плита на железобетонном каркасе венчала концевой сброс. Она как бы повисала в воздухе, языком протянувшись далеко от берега. С этого «языка» соскакивал поток с такой силой, что над кипящим котлованом то вспыхивали, то потухали столбы брызг и водяной пыли; в лучах вставшего над степью солнца они делались то красными, то розовыми, то фиолетово-синими, а то над всей водной чашей мелькала, красиво изгибаясь, радуга.

Кондратьев подошел к барьеру, наклонился, и вода — вот она! От быстрого течения по всему желобу подымались мелкие волны-барашки, и от них веяло такой прохладой, какая бывает лишь в горном ущелье.

— Наклонись, Сергей! — сказал Кондратьев, черпая рукой воду. — Сила!

Ворот рубашки у Кондратьева расстегнут, рукава засучены выше локтей, сапожища в грязи — в таком виде он был немного похож на Петра Первого из кинокартины. Вспоминая строительство этого концевого сброса, он разговаривал негромко, как бы про себя, и то смотрел куда-то вдаль, то нагибался, хватал пригоршней воду и смывал на сапогах уже засыхавшую грязь.

— Знакома ли тебе, Сергей, эта дорога? — мечтательно заговорил он, пристально вглядываясь в блестевший вдали изгиб Егорлыка. — А я ее хорошо знаю. Если идти вниз по течению, то попадешь как раз в Журавку. Это районный центр, село степное, — мимо него мчится вот эта река... Но плохо, Сергей, что в этом крупном районе нет первого секретаря райкома.

— А Борискин?

— Был, да, как говорится, весь вышел. — Кондратьев плеснул воду на голенище. — На последнем пленуме сняли...

— Когда же это случилось?

— Давно... месяца два.

— И какая ж причина?

— Простая. Съела червоточинка, имя которой — барство и высокомерие... Но не о Борискине сейчас речь. У журавцев большое будущее, и если бы там по-настоящему поставить дело, душой бы болеть... — Он не договорил и с минуту молча смотрел вдаль. — Народ там золотой. Наши кубанцы — и те не устоят. Да, да! И вот мы в крайкоме судили, рядили, думали, кого послать к этим золотым людям. И выбор наш, Сергей Тимофеевич, остановился на тебе...

— Меня в Журавку? — искренне удивился Сергей. — Это как же, Николай Петрович?..

— Нет, нет, ты ничего сейчас не говори — скажешь потом. — Кондратьев начал старательно смывать с сапога грязь. — Поднять, поставить район на ноги — дело нелегкое. Оно под силу руководителю горячему, такому, который и сам бы умел загораться на работе и умел бы зажигать других. — Кондратьев набрал в горсть воды, поднес к глазам и долго рассматривал на солнце стекавшие между пальцев капли. — Сергей Тимофеевич, а помнишь, как я говорил тебе: придет время — и ты уедешь из Рощенской, и найдутся те, кто будет жалеть, а жалеть-то как раз и не следует...

— Да, я это помню. Но как же так?

— Если не согласишься, не поедешь... Эх, Сергей, был бы я молод и мне бы предложили такое — душа бы не устояла!

Он осторожно тронул седой висок и долго, о чем-то думая, смотрел на блестевший на изгибах Егорлык. Казалось, он видел Журавку на карнизе высокого берега, а поэтому и говорил негромко, рассказывая об экономике и о людях района; о том, что есть там три машинно-тракторные станции — Сухо-Буйволинская, Чернолесская и Суркульская; что в Сухо-Буйволинской директором Иван Афанасьевич Книга, эдакий здоровяк, ставрополец, человек честный, в суждениях резкий и прямой, в работе горячий; что в Суркульской директором Нил Трофимович Горобец, родом с верховья Кубани, роста невысокого, худощав, с характером тихим; что в Чернолесской еще нет директора: станция эта новая; что вблизи Журавки стоит гидроузел с плотиной и с озером величиной с небольшое море.

— Там, веришь, даже чайки есть, — говорил он весело, — прилетели и прижились. А гидростанция несколько мощнее Усть-Невинской.

Все тем же тихим голосом было поведано и о том, что вся солончаковая егорлыкская пойма разделена на огромные, в гектар, а то и больше, гряды — это огородные и рисовые плантации.

— Ты бы только посмотрел: рис стоит по пояс в воде и, ничего себе, зеленеет, да еще как! — Он задумался, затем посмотрел на воду. — Подумать только, Сергей Тимофеевич, заливной рис у хат Журавки, той самой Журавки, которая веками сидела на голодном пайке дождевой воды. А помидоров, капусты, огурцов еще не научились выращивать. И садов нет...

Кондратьев сердито потер виски, нахмурился.

— Правду сказать, покамест и рис никуда не годится: урожай плохой. А почему? Не приладились ставропольцы к кубанской воде... А приладятся, это уж наверняка. Только нужна помощь.

С такой же подробностью рассказал Кондратьев и о животноводстве, о тех отарах, которые гуляют лето и зиму далеко в степи; о председателях колхозов Марине Николаевне Самойловой и Никите Михайловиче Лысакове. Она Герой Труда, в прошлом прославленный зоотехник, он Герой Советского Союза, в прошлом прославленный артиллерист.

— Соседи, в работе соперники, — говорил Кондратьев все так же весело. — В этом году Марина Николаевна вздумала обогнать своего соседа и посеяла заливную пшеницу. Хвалилась взять триста пятьдесят пудов с гектара, а пшеница вымокла — скандал на весь район. Бедная женщина слезами обливалась.

Узнал Сергей и о том, что председатель Журавского райисполкома Дедюхин Кирилл Михайлович старше Сергея на год, светлолицый, с гладко зачесанным льняным чубом; что вторым секретарем был Алексей Алексеевич Кашпаров — мужчина пожилой, в прошлом агрономом, друг Борискина, — «поналипло и к нему от дружка всякой пакости».

— Дедюхин — работник молодой, исполнительный, но несколько самовлюбленный, — продолжал Кондратьев, зачерпнув ладонью воды. — В разоблачении Борискина имеется и его заслуга. Возможно, есть смысл взять Дедюхина на партийную работу, скажем, вторым секретарем. Председателем райисполкома можно рекомендовать Самойлову: женщина в районе видная, авторитетная, овцевод. А это, Сергей, важно: район степной, у овцеводов там большое будущее. И на овец придется тебе обратить особое внимание.

Сергей хотя и слушал, хотя и старался представить себе и Журавку, и гидроузел, и рисовые поля, и Дедюхина с Кашпаровым, и Ивана Афанасьевича Книгу с Нилом Трофимовичем Горобцом, но не мог. И не потому не мог, что у него не было воображения, а потому, что на сердце было тревожно: как-то неожиданно все это случилось, оттого и мысли и чувства его были обращены не к Журавке с ее рисовыми полями, а к Рощенской, к своему, родному...

У Сергея почему-то сразу пропал интерес и к рыбалке и к ухе. Не хотелось ни возвращаться на островок, ни есть крутой навар из рыбы, заправленный луком и петрушкой. Не хотелось, а надо было садиться к горячему ведру и снова перебираться на спине у Кондратьева через протоку, — не скажешь же, что теперь ему не до поплавков и ухи!

Все время, пока они завтракали, Кондратьев не обмолвился ни словом. Он ел уху с завидным аппетитом, обсасывая косточки и часто вытирая ладонью щеточку седых усов и взмокший лоб. Сергею казалось, что все в Кондратьеве: и этот аппетит, и испачканные ухой усы, и потный лоб, и сам взгляд прищуренных глаз — спрашивало: «Ну как? Почему ж ты молчишь?»

И Сергей молчал. Он понимал, что вопрос о его переводе в Журавку решен. Не может же Сергей сказать Кондратьеву: я не поеду; оброненная Кондратьевым фраза: «Если не согласишься, не поедешь» — была сказана так, ради приличия, но Сергей в эту минуту никак не мог промолвить эти слова: «Да, я согласен». И оттого, что он не мог сказать: «Да, я согласен», — для него все, на что он теперь смотрел: и это солнечное, с ясным небом утро, и этот шум водопада, похожий на шум дождя в лесу, и эти вспышки радуги в мельчайших россыпях воды, и эта чаша с островком, на котором лежали, поджидая хозяев, удилища, — ну, словом, что ни попадалось ему на глаза, было не таким красивым, значительным и новым, как час тому назад...

Сергей сидел на островке и, бесцельно глядя на поплавок, на глубоко поставленные в воду ноги Кондратьева в резиновых сапогах, думал о Рощенской, о сыновьях, об Ирине. Может, и сегодня она вернется в Рощенскую, вбежит своими быстрыми шагами в дом, обнимет Илью и Тимофея и спросит: «А где же папа?» Откуда им знать? И тогда она пойдет в райком, а его и там нет. «Ирина, разве не знаешь, Сергей Тимофеевич уже в Журавке». «В какой Журавке? Зачем в Журавке?» Сергей хотел оторваться от этих мыслей и нарочито дергал леску, но в голову снова лезли слова: «Не согласишься, не поедешь». «А что, если и не согласиться и не поехать? Придет время... а жалеть-то и не надо... Да я и не жалею, но обидно... Почему именно в Журавку?» И Сергей снова мысленно уже был в Рощенской. Он сидел на диване, на коленях — Илья и Тимофей, и он думал о том, что надо было бы определить их в детский сад, а кто-то невидимый говорил ему на ухо: «Так в Журавке тоже есть детский сад».

— Эй, Сергей! Чего зеваешь? У тебя ж клюет!

Сергей спохватился, дернул леску, но было поздно: усач съел червяка — и был таков! «Ну и пусть себе гуляет...» — думал Сергей, и ему было стыдно: казалось, Кондратьев узнал, о чем он думал, зевая такой хороший клев, и потому как-то зло и крикнул. — Да, и с людьми расставаться не хочется. Семен был прав: привычка... Что я скажу Стефану Петровичу Рагулину, Нецветаевой или Прохору Ненашеву?» И опять кто-то невидимый зашептал на ухо: «И в Журавке есть хорошие люди... Есть Иван Книга». У Сергея болела голова (может быть, от солнца), и он провел по бровям крепко сжатым кулаком, устало вздохнул.

«Иван Книга-то в Журавке есть, а вот Семена там нет». И тут он увидел знакомый берег Кубани, как раз то место вблизи Усть-Невинской ГЭС, где он расстался с Семеном; увидел и Семена: лицо его теперь было не злым, а таким приятным и близким, что Сергей невольно вспомнил безлюдный полустанок и Ирину на арбе... Почему-то теперь желание Семена заговорить о полустанке и о красных быках с белыми лысинами показалось Сергею очень хорошим, и даже его отказ покинуть Усть-Невинскую Сергей теперь в душе одобрял. «Как это он тогда сказал, — думал он, в мельчайших подробностях вспоминая разговор с Семеном.— «Я же здесь привык. За эти семь... Как же я уеду, брошу?..» И правильно». Слова друга показались ему правдивыми и искренними, и он поругал себя за то, что поссорился тогда с Семеном. «А думаешь, я не привык? — продолжал он мысленно разговор с Семеном. — Привык, и еще как!.. Тебя, Семен, я хорошо понимаю, а вот поймет меня Кондратьев? Нет, ему этого не понять...»

Именно об этом ему и захотелось сказать Кондратьеву. В голове уже родилась готовая фраза: «Николай Петрович, если бы ты смог посмотреть мне в душу...» Ему эта фраза показалась такой по смыслу точной и по выражению простой, что он быстро поднялся, но как только встал и сделал первый шаг в сторону Кондратьева, готовая фраза вдруг сделалась такой незначительной и мелкой, что Сергей побагровел от стыда и громко сказал:

— Николай Петрович, так когда же ехать?

— Районная конференция в Журавке состоится в конце июля, — не отрываясь от дела, ответил Кондратьев таким тоном, точно согласие Сергея было им получено давным-давно. — Крайком будет рекомендовать тебя делегатом конференции. В Рощенской, я думаю, останется Нецветаева — женщина она деловая, с работой справится.

И когда Кондратьев увидел широко открытые, полные грусти глаза Сергея, он вышел из воды и положил на траву удилище. Затем подошел и как-то по-отцовски просто опустил руку Сергею на плечо.

— А ты не грусти, — пряча улыбку в коротко остриженных усах, сказал он. — Главное, Сережа, — вот эта вода. Она-то и заставила меня завести этот не совсем приятный для тебя разговор. Ты, очевидно, помнишь, что наши люди, когда строили канал, паруя Кубань с Егорлыком, назвали это сооружение стройкой коммунизма — и правильно назвали. И вот у нас, на Ставрополье, стройка завершена и, как говорят, пущена в дело. И тут задача: помочь журавцам взять все те богатства, которые принесла к журавским берегам кубанская вода... Хочу, чтобы ты понял: можно прорыть и сто каналов, а жизнь людей от этого не улучшится. Наши же каналы — первые зарницы будущего, и народ наш хочет, чтобы эти великие творения человеческих рук преображали жизнь на земле, как преображает землю всходящее солнце...— Он улыбнулся.— Сказано немножко пышно, но по смыслу это так.

— Понимаю, — тихо проговорил Сергей. — Я готов...

После этих слов на сердце у него стало спокойно: видно, так уж устроен человек! Достаточно ему сказать самому себе, что это так и не иначе, как все вокруг меняется в соответствии с этим утверждением. Так случилось и с Сергеем. Как только он сказал: «Когда же ехать?», а потом: «Понимаю» и «Я готов», — так настроение у него изменилось, и, хотя месяц ему еще предстояло жить в Рощенской, все мысли его сразу же обратились не к Рощенской, а к Журавке. Теперь он не только не жалел о том, что выбор пал на него, но был уверен, что именно ему и было суждено ехать в это степное село. От этого все, на что он смотрел повеселевшими глазами, опять сделалось и радостным, и светлым, и значительным, и Сергей, смеясь, начал рассказывать о своем вчерашнем разговоре с Семеном, о том, что как раз через месяц приезжает с курсов жена.

— Явится моя Иринушка в Рощенскую, а меня там уже нету. Пусть поищет! — говорил он, не в силах скрыть чувство, которое его охватило.

— Не беспокойся, Сережа, найдет, — в тон ему ответил Кондратьев. — Кто, кто, а жены умеют находить своих мужей.

Беседа на островке была обычной беседой, но она и удивляла и злила Ванюшу. Он стоял возле машины, смотрел на островок и ничего не мог понять. Казалось странным то, что Кондратьев и Сергей положили у ног удилища и оживленно разговаривали: разве нормальные рыбаки так поступают?!

— Ну и рыболовы! — сказал Ванюша и махнул рукой. — Смех!

Недавно состоялось открытие международной авиалинии Москва — Париж.

Рейсы по новой воздушной трассе совершает «ИЛ-12» — комфортабельная машина, имеющая 21 пассажирское место. Она оборудована совершенными аэронавигационными приборами, позволяющими производить полеты в сложных метеорологических условиях.

Теперь в Москве можно приобрести билеты для полета не только до Парижа, но и до других городов Европы, Северной и Южной Америки, Австралии. Расписание движения самолетов по линии Москва — Париж составлено с таким расчетом, что пассажир, прибывающий из Москвы в столицу Франции, без задержки может продолжать путешествие по другим воздушным путям.

РУМЫНСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА

Металлургический комбинат имени Г. Георгиу-Деж в Хунедоаре.

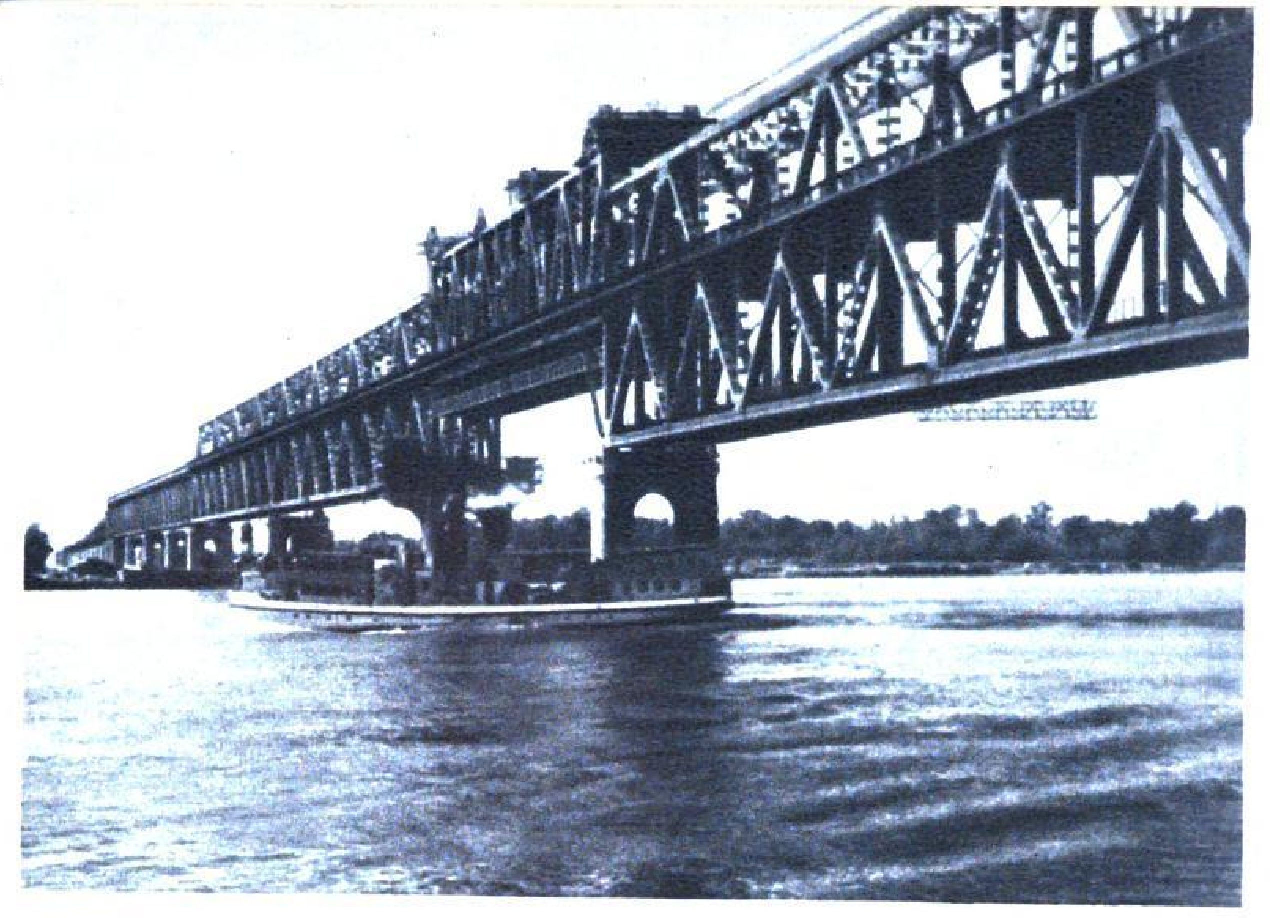
На нефтяных промыслах в Тырговиште работает Герой Труда Румынской Народной Республики, лауреат Государственной премии, мастер Думитру Аржану.

Уборка овощей на поливных землях Констанцской области.

Фото И. Бессарабова.

Фонтан у парка Свободы в Бухаресте.

МОСТ ДРУЖБЫ И МИРА

Между Джурджу и Русе непрерывным потоком движутся поезда и машины... Еще недавно сообщение между двумя странами — Румынией и Болгарией — было затруднено: их разделял Дунай. Многие годы мечтали румыны и болгары о строительстве моста, который связал бы их страны. Ныне этот крупнейший в Европе мост — Мост мира и дружбы — построен.

Двухъярусный мост создан румынскими и болгарскими рабочими по советским проектам. Большую помощь в строительстве оказали также Польша, Венгрия и Чехословакия.

В беседе с корреспондентом журнала «Огонек» начальник строительства моста инженер лауреат Сталинской премии Л. Д. Саприкин сказал:

— За эти два года выросли сотни квалифицированных румынских и болгарских рабочих: кессонщиков, монтажников, клепальщиков, механиков и электриков. С первого до последнего дня на стройке царила атмосфера дружбы и взаимной помощи. Румынские и болгарские рабочие, советские специалисты считали для себя делом чести сократить время сооружения моста. И они сдали его в эксплуатацию на семь месяцев раньше срока.

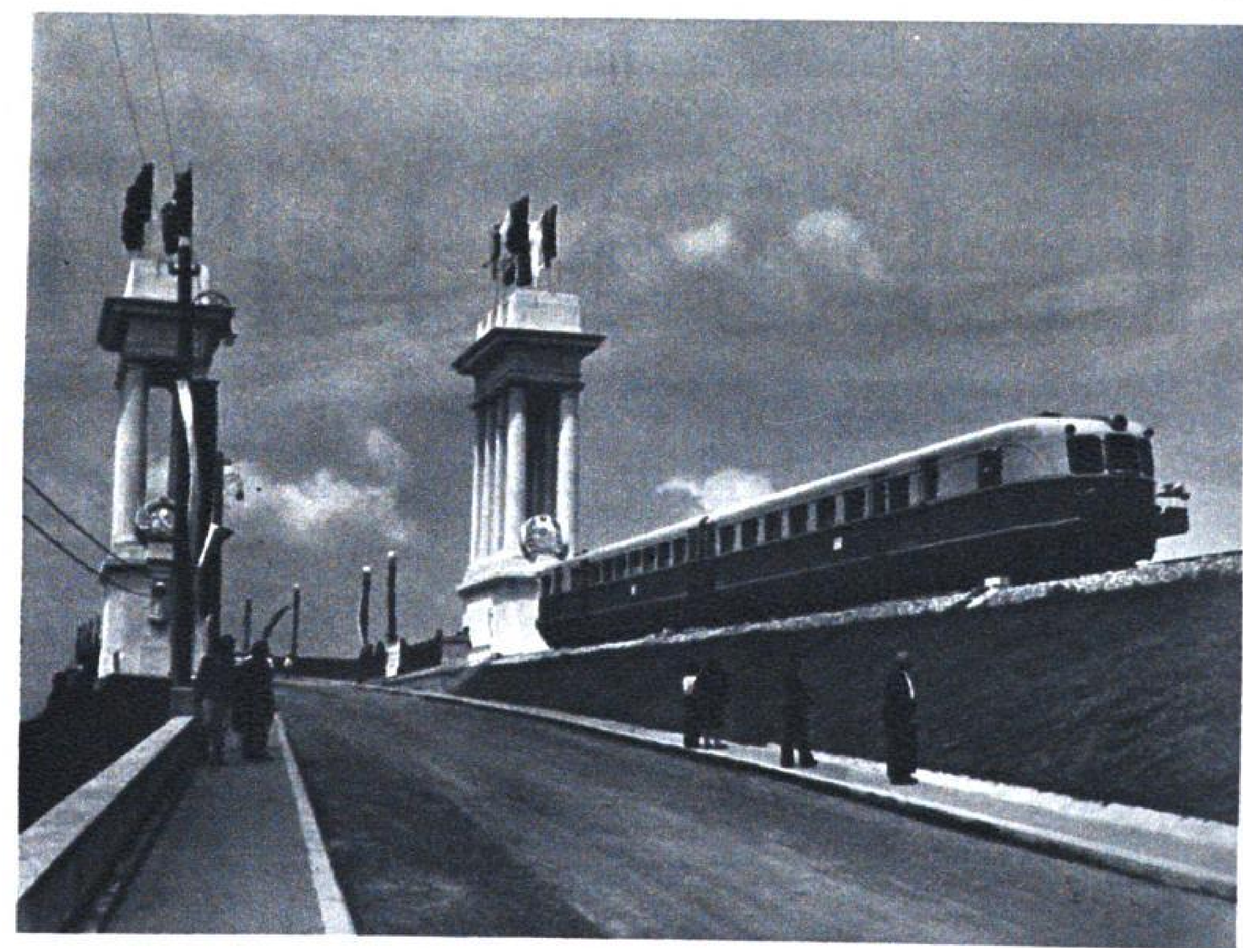
На снимках:

Общий вид Моста дружбы.

У въезда на Мост дружбы

Румынская правительственная делегация направляется к Мосту дружбы. Слева направо: товарищи Киву Стойка, Георге Георгиу-Деж, Петру Гроза, Иосиф Кишиневский.

Встреча товарищей Георге Георгиу-Деж и Вылко Червенкова на празднестве открытия моста через Дунай.

Так начиналось строительство Казанского порта.

НА ДНЕ БУДУЩЕГО МОРЯ

Бетоновозная эстакада в котловане строительства Куйбышевской ГЭС.

Е. РЯБЧИКОВ

Фото А. ГОСТЕВА.

Специальные корреспонденты «Огонька»

Две карты Волги — одна издана в двадцатых годах, другая — в наши дни. Разительны перемены! Волга утратила типично «речной» свой характер и постепенно превращается в цепь пресных морей.

Синей краской уже обозначены на новой карте существующие верхневолжские водохранилища: Московское, Угличское и Рыбинское. Но видны контуры и строящихся новых: четвертого по счету— Горьковского, пятого — Чебоксарского, шестого — Куйбышевского, седьмого — Сталинградского.

Скоро будет «наливаться» Горьковское море. Захватит оно своими водами ближние и дальние поймы, ерики и старицы, воложки и никогда не видевшие волжской волны луговины. От древнего Городца до самого Щербакова — на полтысячи километров в длину — протянется новое море. С юга к нему примкнет Чебоксарское, и вместе с верхневолжскими они образуют сплошное глубоководное пространство, разделенное лишь плотинами гидроузлов.

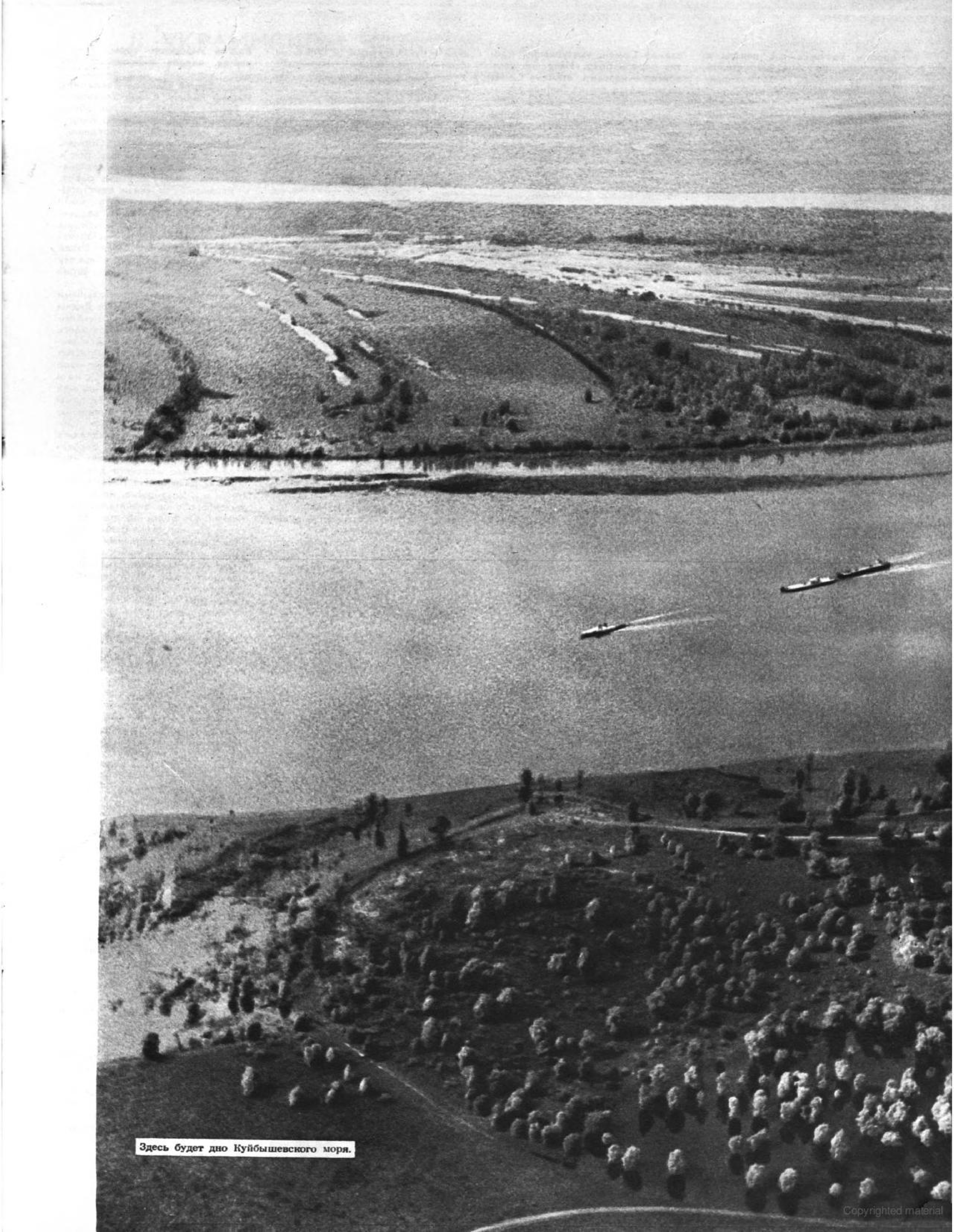
Близок день, когда «морская Волга» еще более расширится за счет Куйбышевского водохранилища. На шестьсот километров в длину раскинется оно с юга на север, зашумит крутой волной, вспыхнет огнями маяков и корабельных иллюминаторов.

Что же происходит сейчас на дне будущего Куйбышевского моря?

Главный инженер Управления водохранилищ Николай Осипович Калачихин раскладывает на столе схему моря, которое протянется от Жигулевских круч вверх по Волге до Чебоксар, и тогда приморскими станут без малого 20 городов и 768 колхозов. Пятьдесят миллиардов кубических метров воды!

Приезжаем в порт Комсомольск. Катер «Байкал» отправляется в путь. Перед нами Жигули. Они захватывают спокойной красотой, царственным величием, мягкой окраской лесов, синевой реки, белизной медленно проплывающих облаков. Даже сейчас, когда вековая тишина Жигулей разбужена машинами, частыми взрывами, скрежетом металла, гудками паровозов и судов, здесь сохраняется то удивительное очарование и та необычайная смесь нежности и мягкости с угрюмым рисунком утесов и белых скал, которыми славятся эти горы.

Гигантская стройка разделена на два огромных района: Правый берег, где возводится здание гидроэлектрической станции, и Левый, где сооружаются шлюзы и плотина. На берегах будущего моря выросли новые города, поднялись к небу башни автоматических бетонных заводов, на многие километры пролегли трубопроводы от земснарядов, а через волжский поток легко перебросилась воздушная канатная дорога. Стальные башни — опоры этой

Здесь будет дно Куйбышевского моря.

дороги, бесчисленные канаты с бегущими по ним вагонетками придают Жигулям несколько фантастический вид.

Катер идет к металлической башне, словно выросшей из бетонного островка посредине русла Волги. Своими сильными плечами башня поддерживает металлические канаты и панцырную сеть. Эта стальная сеть, широкая, как улица, висит над Волгой. Она защитит суда, если из вагонеток вдруг выпадут камни, которые везут для автоматических бетонных заводов Левого берега. Но близко время, когда рабочие снимут сеть, и тогда день и ночь из вагонеток будут сбрасывать камень в реку: ее перекроют каменным банкетом, на котором затем вырастет плотина.

В глубоком котловане, защищенном от Волги рядами шпунтовых стенок и перемычкой, поднялась стальная бетоновозная эстакада — своеобразный «воздушный путь» для доставки бетона, арматуры и опалубки.

Въезжаем на эту широкую, как проспект, эстакаду. Сигнал. Поезд останавливается. Застыли на платформах бадьи с бетоном. Рабочие открывают затворы, и содержимое проваливается в бункер. От него на сорок метров вниз спускается труба — виброхобот. Она постоянно содрогается от действия моторов. Вибрирующий хобот как бы проталкивает бетонную массу, не позволяет ей застыть, окаменеть. Серо-зеленый поток обрушивается вниз. Кажется, где-то рядом громыхает горный обвал. Грохот доносится и с соседних участков, отовсюду, где разгружают другие поезда. В Жигулях наступила пора «большого бетона».

Любого строителя ошеломит цифра: в Жигулях ежесуточно укладывают сейчас более десяти тысяч кубометров бетона. Напомним, что это почти в два раза перекрывает мировой рекорд, установленный на укладке бетона во время строительства Днепрогэса, и превышает рекорд, установленный на Волго-Доне.

Где истоки «бетонной реки», круглые сутки мчащейся в котлован? Рельсовый путь ведет к большому бетонному автоматическому заводу — ББЗ. Со своими темными металлическими башнями — хранилищами цемента,— с наклонной галереей, штабель-укладчиками, горами щебня и бесконечными черными транспортерными лентами ББЗ величаво рисуется на фоне зеленых гор и нового светлого города Жигулевска.

Поднимаемся в башню, идем по галерее, по которой транспортеры несут цемент, песок и щебень. Не видно людей. Все делают здесь машины. Они доставляют необходимое количество материалов, сами по рецептам лабораторий приготовляют нужной марки бетон. Автоматы заменяют труд тридцати тысяч человек. Лишь в операторской увидишь человека. Комсомолец-оператор Виктор Чукарев нажатием кнопок приводит в действие приборы и аппараты, заставляет работать весь завод, выдавать бетон в четырех секциях.

Жигули овеяны легендами и поверьями. Много сложено сказов и былин о скалах и утесах, стоящих над Волгой. Хранят они память о понизовой вольнице, о том времени, когда над великой рекой занимались пожары крестьянских восстаний. Был у вольницы атаман Семен, выступивший против царя и бояр. Направил царь войско — изловить атамана Семена, привезти его на Лобное место в Москву. Долго сражались храбрецы. Много было убито вольных людей, самого атамана ранили. Тогда подруга атамана вынесла из кольца врагов своего любимого, подняла его на вершину кургана, а когда солдаты окружили их, бросилась в Волгу вместе с атаманом. С тех пор и называют курган Молодецким, а гору — Девьей...

Напротив Молодецкого кургана раскинулся город Ставрополь. Основали его в 1738 году, но, по сообщению старых путеводителей, ничем он не был интересен и как пристань особого значения не имел. Сейчас мы присутствуем при исчезновении Ставрополя. Едва въезжаешь на его улицы и площади, как оказываешься в центре массового переселения. Ломают каменные и деревянные дома; грузят на машины разобранный кирпич, домашнюю утварь, фикусы, кровати. Вереницы автомобилей отправляются с жителями Ставрополя на новые места, куда переселился город.

Хозяйским глазом осматривает главный инженер Н. О. Калачихин улицы.

— Под метелку убираем,— деловито говорит он.— Дно должно быть гладким.

Из зоны затопления, охватывающей более шестисот тысяч гектаров, нужно переселить около трехсот населенных пунктов. Море пройдет по землям двух областей — Куйбышевской и Ульяновской — и трех автономных республик — Татарской, Марийской и Чувашской.

Только выезжаем за Ставрополь, как вырастают дымящиеся на ветру песчаной золотистой пылью крутые дюны. Со злостью бросает ветер пригоршни измельченного песка. Недолго стоять здесь дюнам — придет море и размоет их. Придет море и к нефтяным промыслам «Второго Баку» в Жигулях, и если сейчас не оградить первый нефтепромысел, не перенести подальше его предприятий, то море наделает много бед. Здесь идут большие работы по защите нефтепромысла и эвакуации многих объектов.

Постепенно исчезают в сиреневой дымке Жигули. Открываются голые, без кустарников, без рощ и сосновых боров зеленые поймы. Кажется, будто кто-то прошел по ним и тщательно подмел, убрал мусор, привел все в порядок, как в доме перед праздником. Лишь на возвышенностях правого берега видны стоящие под железными крышами крепкие новые дома.

На нашем пути появляется гряда холмов, покрытых множеством пней и коряг. После порубки лесов нужно убрать со всего дна более пяти миллионов пней. К ним подходят машины-корчеватели, вонзают под корни отполированные до блеска бивни и одним движением вырывают пень за пнем. Похоже, будто клещами выдергивают гвозди.

Синей тучкой поднялись над Волгой Ундорские горы. Угадывается издали живописный Венец, нависший над рекой, и показывается памятник Владимиру Ильичу Ленину. Скоро Ульяновск.

Берега становятся круче, обрывистее. Проплываем мимо Киндяковки, описанной, по преданию, Гончаровым в романе «Обрыв». Город, в котором родился, рос и учился великий Ленин, переживает сейчас пору больших работ: в Ульяновске в связи со строительством Куйбышевского моря создается большой порт, воздвигается мощная стена из земли для защиты низко расположенной части города, поднимается более чем на десять метров в высоту железнодорожный мост через Волгу.

Вырастает над привольными поймами Волги гора Лобач. Видны Сюкеевские пещеры. И вот — Камское Устье. Волжский поток здесь удваивается, река становится шире и сильнее за счет серебристых вод Камы. Куйбышевское море повлияет не только на Волгу, но и на Каму, распространится по ней вверх до Чистополя, а устье Камы станет полноводным, большим заливом.

Уже сотни километров остались позади, но повсюду на берегах происходит одно и то же: идет строительство морского дна.

Велик размах этих работ в Сенгилее и в Ульяновске, но они кажутся особенно значительными в Казани. От Волги до стен Казанского кремля с его белыми башнями, шатрами, шпилями и палатами стоят земснаряды, протянувшие на десятки километров пульпопроводы. Флот кораблестроителей уже подготовил акваторию, как зеркало, отражающую то стены из стальных шпунтов, то копры, то многоковшовые экскаваторы, то эстакады пульпопроводов.

В Казани, как и в Жигулях, много волгодонцев. Они принесли сюда огромный опыт, знания и традиции. Владимир Кленин с Константином Решетовым и Александром Петренко прокладывали Волго-Донской судоходный канал, теперь они строят крупнейший речной порт страны. Рядом с их земснарядом стоят другие, тоже пришедшие с Волго-Дона.

Столица Татарии отстоит сейчас от Волги примерно на шесть километров, а море подойдет к самым стенам ее Кремля. Нужно защитить кварталы, расположенные в низменной части города, заводы и фабрики, сады, улицы и каналы. Для этого сооружаются дамбы общей длиной до 25 километров и высотой с четырехэтажный дом.

...Вот и стык трех республик — Татарской, Чувашской и Марийской. В Козловке убирают подальше от моря домостроительный комбинат, в Зеленодольске — фанерный завод, в Волжске — бумажно-целлюлозный комбинат.

На правом, высоком берегу — Чебоксары, столица Чувашской республики. Виден большой текстильный комбинат, новостройка пятой пятилетки. Белые, утопающие в зелени здания рассыпались над рекой. И вот место, где будет сооружена плотина Чебоксарского гидроузла. Здесь сольются два моря — Куйбышевское и Чебоксарское. Огромная масса воды, бережно собранная в гигантской чаше, будет вращать турбины в Жигулях, понесет на своих волнах корабли, даст живительную влагу полям.

Стальная башня «воздушной дороги» в Жигулях.

В УКРАИНСКОМ КОЛХОЗЕ

Слушают рассказ Ольги Диптан о выставке.

Вот характерная для сегодняшнего дня картинка. Сгрудились в кружок колхозницы в белых платочках, а в центре — рассказчица. Это Ольга Диптан возвратилась из Москвы, с Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, в родной колхоз. Она делится своими впечатлениями, называет поразившие ее цифры и факты. Вопросы не иссякают.

Вокруг Ольги Диптан собралось на колхозном току ее звено, знаменитое урожаями сахарной свеклы. Четверо награждены орденами Ленина, трое орденами Трудового Красного Знамени, а сама звеньевая — Герой Социалистического Труда.

Диптан не только звеньевая колхоза имени Ильича, Васильковского района, Киевской области, она и секретарь партийной организации артели. Вернувшись из Москвы, Диптан узнала, что колхоз досрочно выполнил план хлебопоставок государству.

— Мои впечатления скоро дополнят другие,— говорит Ольга Диптан,— шестьдесят наших колхозников побывают в Москве.

В этом украинском колхозе, как и в тысячах других, уборка была почти полностью механизирована. Пять комбайнов убирали зерновые.

Сейчас производится выдача хлеба колхозникам. На трудодень причитается по три килограмма зерна. Семья чабана Ивана Степаненко получила только в счет аванса две с половиной тонны хлеба. Сестрам Марии, Василисе и Татьяне Савчук машина отвезла с колхозного тока почти три тонны хлеба.

В. ШУМОВ

На механизированном току.

Фото Н. Козловского.

Огород в пустыне

Серой полосой тянется каменистая пустынная местность Карой. Серебрится голубоватая полынь, да изредка белеет терескен. Но вдруг однообразные краски разрывает зеленая листва подсолнухов. Они стоят стеной, желтые шапки обращены к солнцу.

Оазисом лежит в пустыне урочище Тоспа. Здесь разбит огород. Раскинула широкие листья с белыми кочанами капуста, рдеют на кустах помидоры, зеленым ковром кажется поле лука, наливаются соком янтарные дыни и полосатые арбузы.

Огород этот впервые заложен в урочище нынешней весной и принадлежит колхозу «Заря Востока», Алма-Атинского района. Воду для полива берут из бассейна, устроенного здесь же, у родникового ключа.

Осенью в пески пригонят на зимовку отары овец колхоза «Заря Востока». А сейчас сюда завозят бочки для соления овощей, выращенных на огороде в пустыне.

В. ЛАВРОВА

Фото А. Бахвалова.

Машины 1954 года

Чеканочная машина на полях Среднеазиатской машиноиспытательной станции.

Фото А. Палехова.

Опытные поля Среднеазиатской машиноиспытательной станции на первый взгляд не отличаются от колхозных хлопковых плантаций. Это и понятно: машины, которые проходят здесь строгую проверку, должны испытываться в обычных условиях. Но, глядя на эти машины, знакомишься с завтрашним днем механизации хлопководства.

Медленно ведет свой «Универсал» между рядами высокого хлопчатника тракторист Валентин Афанасьевич Тюпко. Проходит трактор, и кусты оказываются подстриженными сверху и с боков. Небольшие ножи, вращаясь, срезают верхушки и ростовые побеги, мешающие накоплению урожая: машина чеканит хлопчатник.

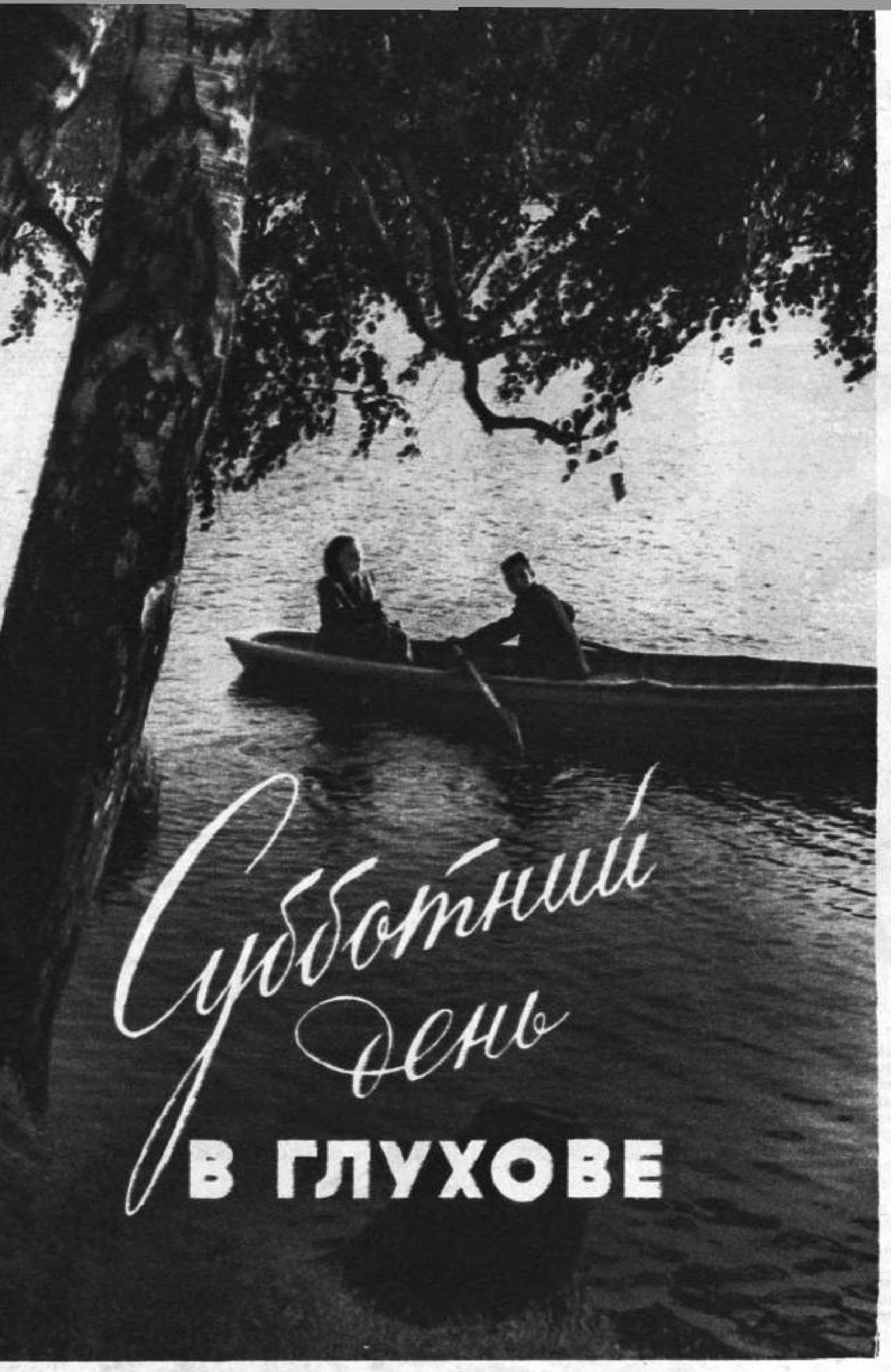
До сих пор чеканка производится вручную, это один из самых трудоемких процессов. Новый агрегат представляет собой чеканочную машину, которая заменяет труд 25—30 человек. Особое приспособление позволяет поднимать или опускать раму с ножами в зависимости от высоты растений в рядках.

Машина одновременно будет нарезать и поливные борозды. Таким образом, полностью завершается комплексная механизация хлопководства. Первая партия чеканочных машин выходит на поля колхозов республики уже в нынешнем сезоне.

В адрес станции приходят различные машины, призванные облегчить труд человека. Здесь и планировщик полей и жижеразбрасыватель для предпосевного внесения удобрений. Пройдя испытания на станции, они возвращаются в заводские цехи как образцы для новой серии.

Н. СОЛОВЬЕВА

Субботний день в Глухове

Я. ГИК

Фото Е. ТИХАНОВА.

Глухова нет на карте. Поселок при хлопчатобумажном комбинате имени В. И. Ленина врос в молодой советский город Ногинск. И только входная арка за рекой Клязьмой сохраняет некоторую видимость границы. Но сложившийся многими десятилетиями быт здесь так своеобычен, так привязаны люди к своим прядильным и ткацким фабрикам, что и поселок, и парк, и стадион в этом районе города попрежнему зовутся глуховскими.

Как отдыхают старейшие русские текстильщики, как проводят свободное время в летние дни рабочие и работницы комбината, чьи ткани и пряжа известны едва ли не каждому советскому человеку?

Проще всего наблюдать за отдыхом в выходной день. Глуховский комбинат не работает по субботам. Мы побывали там в одну из таких суббот.

Прямо к жилым кварталам примыкает огромный парк. Он разбит на берегу большого Черноголовского пруда. Недалеко и до берега Клязьмы, которая в этих местах довольно широка и полноводна. Те, кому «ног не жалко», отправляются дальше, в заповедные охотничьи места, рыбачат на реке Шерне...

Приехав в Глухово, хочется побывать у Любови Ивановны Ананьевой, депутата Верховного Совета СССР. Душевная близость, сердечное участие связывают ее с ткачихами и прядильщицами, ватерщицами, с женщинами и девушками, которые составляют главную силу на комбинате. Любовь Ивановна ездила в Китай и Албанию. Разглядывая привезенные оттуда фотографии, видишь ту же спокойную улыбку, добрые, внимательные глаза, перед которыми, как говорила одна глуховская работница, «умом не слукавишь, сердцем не увильнешь».

С утра с Любовью Ивановной беседовали две женщины — мы их встретили на лестнице. О чем?

— Дело семейное, не для печати,— смеясь, отводит Ананьева разговор.

Не прошло и пяти минут, как в квартиру вошли две девушки. Дуся Никульшина из бригады Ананьевой и ее подруга Маша Кузьмина — с ровничной машины — зовут Любовь Ивановну погулять в парк.

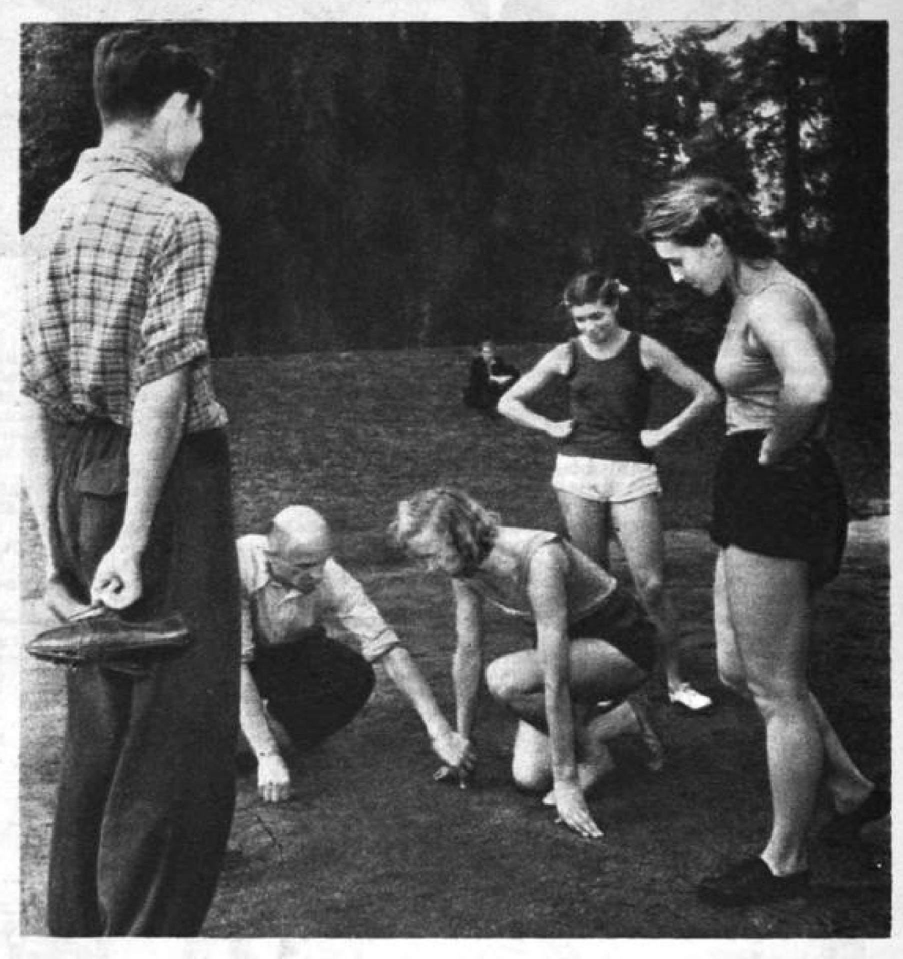
— Не надоела я вам в будни?

Просьбу поддержал сынишка Вова. Но на субботний день столько было отложено дел, главным образом встреч... Любовь Ивановна согласилась дойти до оранжереи при парке, купить цветов.

Оказалось, что в оранжерее немало людей. Работница оранжереи Галина Ивановна Кольцова осторожно срезает гладиолусы и астры, циннии и флоксы. Многих соблазняют красные канны, но их пока мало. Николай Васильевич Поляков получит отличный букет. Уж очень повод у него важный: вчера жена родила сына, первенца.

— Одним мужчиной на Глуховке больше, а то у нас женское засилье,— поздравляют женщины молодого отца.

В первой половине дня в парке преимущественно молодежь. Физкультурники собираются на стадионе. Здесь сейчас областной сбор спортсменов «Буревестника». К бегу на 400 метров готовится Тамара Тихомирова. Девушки наблюдают: потренироваться бы им, тогда и они не отстанут.

На берегу пруда расположился буфет. Теперь здесь не продают спиртных напитков — тишина и благодать

Футболисты ногинского «Торпедо» — ребята с завода топливной аппаратуры — принимали гостей из Балашихинского района. После игры «противники» сообща купаются в Черноголовском пруду. Страсти остывают, завязывается дружба. Все отправляются на лодочную станцию.

Не только поют, конечно, в парке, но и танцуют.

По парку чинно идут пожилые люди в народных костюмах. Это уж чисто глуховское явление. Тут в каждом большом доме свой хор. Молодежь занимается в клубе, а кто постарше — и у себя в красном уголке. У домов здесь особые наименования: имени Карла Маркса, имени Карла Либкнехта, имени Советской Армии. Хор, который мы услыхали сегодня на лужайке, состоит из либкнехтовцев.

— Не трудно ли петь? Лучше петь, чем пить,— коротко отвечают нам.

Такие хоры возникли в Глухове давно, еще до революции. Бывало, собирались на спевку в прачечных. Когда певцы выступают, трудно отделить их от зрителей: вся Глуховка поет!

Подымайся, солнышко, разгорайся, яркое,
Над столетней нашей Глуховкой родной,
Над садами сочными, над тенистым парком,
Над рекою Клязьмою, над рекой Шерной.

Мы направляемся к Клязьме. По пути заглядываем в один из дворов. Здесь Петр Никитович Поляков солит огурцы. Огурцы сегодня сорваны с грядки. Многие глуховцы провели выходной день на огороде, за Клязьмой.

— И отдых хороший, и подспорье немалое, — говорит Петр Никитович.— Огурцами, капустой, помидорами, картофелем на всю зиму запасемся. Огороды есть почти в каждой глуховской семье.

В субботу же глуховцы отправляются с семьями на берег Клязьмы и здесь, на зеленых пригорках, чаевничают.

На некоторое время парк как будто пустеет. Зато заполнены скамьи на огороженной забором площадке. Сегодня здесь выступают московские актеры.

«Свои», глуховские артисты, которых хорошо знают здесь, отправились показывать «Без вины виноватые» в соседний поселок...

Так отдыхают глуховцы в свою «воскресную субботу».

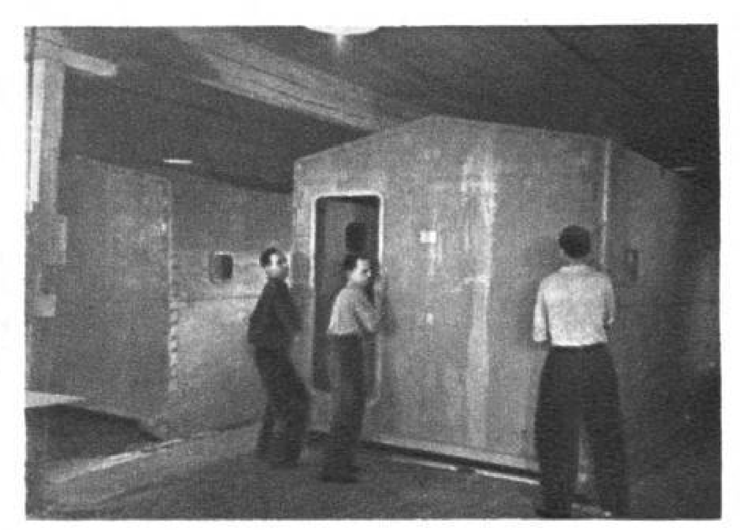
Памятник Матросову

В Великих Луках, в парке на берегу Ловати, установлен памятник Герою Советского Союза Александру Матросову.

Четырехметровая отлитая из бронзы фигура воина возвышается на гранитном постаменте. На пьедестале надпись: «Александр Матросов. 1924—1943».

Автор памятника — скульптор Е. Вучетич.

Дрейфующие домики

Перед отгрузкой домиков в Арктику.
Фото Н. Ананьева.

В одном из цехов ленинградского лесозавода «Советский» на санных полозьях смонтированы небольшие домики. Они собраны из прочного теплоизоляционного материала; окна остеклены, как у самолетов, пластикатом. Длина каждого домика — 4,5, а высота — 2,5 метра. Их можно легко передвигать с места на место, так как каждый весит немногим более семисот килограммов.

Эти домики предназначены для полярников дрейфующих станций. Блоки стен, крыша, потолок и пол сделаны из материала, изготовленного путем склейки сухого елового теса и пенопласта, обшиваемого с обеих сторон тонкой листовой фанерой. Внутреннее пространство заполняется специальным материалом — «митором», обладающим исключительной легкостью. При наружной температуре в минус 60 градусов в домах сохраняется тепло до плюс 18 градусов.

Дрейфующие домики с маркой лесозавода «Советский» используются не только как жилье, но и как лаборатории для научно-исследовательской работы. Внутреннее оборудование их просто и удобно. Здесь разборные кровати, столы, складные стулья, вешалка для одежды. При сборке на дрейфующих льдинах домики электрифицируются и оборудуются газовыми плитами.

Недавно лесозавод отгрузил полярникам новую партию — десять таких теплых домиков.

К. ЧЕРЕВКОВ

Борьба равных

Товарищеская встреча советских и болгарских футболистов

Не раз уже нас посещали болгарские футболисты. Мы помним выступление сильного клуба «Локомотив», помним хорошую игру софийских спортсменов. На сей раз в Москву приехала сборная команда Народной Республики Болгарии. В ее состав входят 8 отличных футболистов Центрального Дома Народной Армии (ЦДНА) — сильнейшего в Болгарии коллектива.

Против гостей играла сборная Москвы, составленная из игроков «Спартака» и «Динамо».

Москвичи впервые увидели столь сильную болгарскую защитников и вратаря Л. Яшина.

Однако упорные попытки П. Панайотова прорваться к воротам по центру не имели успеха. Он встречал на своем пути игрока, не уступающего ему ни в беге, ни в искусном обращении с мячом. Это был центр защиты К. Крижевский. И если бы не оплошность, допущенная им в самом конце матча, которая чуть было не кончилась голом, его игру следовало бы назвать безупречной.

Имея некоторое игровое преимущество, нападающие сборной команды Москвы не смогли использовать целый

У болгарских ворот. Москвич Б. Татушин (№ 7) опаздывает к мячу. Слева — вратарь И. Иосифов и С. Божков.
Фото О. Неелова.

команду. Ее игроки не только быстро бегали, водили мяч и точно передавали его друг другу, но и вели состязание по хорошо разработанному тактическому плану.

Тренер болгарской команды К. Милев, которого мы помним еще как отличного нападающего софийского «Локомотива», показал хорошее знакомство со стилем и тактикой советского футбола: он сумел правильно расставить силы в обороне, так сказать, «сгладил острые углы», а нападению продиктовал игру широкого маневра.

Неожиданные острые выходы на штрафную площадку то Д. Миланова, то И. Колева ставили в затруднительные положения московских ряд выгодных положений. Причиной тому, на наш взгляд, медлительность с ударом по воротам; этим больше других грешил А. Исаев. Поэтому много хороших передач, которые шли с флангов (особенно с правого — от Б. Татушина), не были завершены. Мячи становились легкой добычей болгарских защитников.

В итоге команды обменялись голами, вничью закончив эту интересную встречу.

Сборная команда Москвы, впервые выступавшая в этом сезоне, к тому же без ведущих игроков в нападении, оставила впечатление коллектива, которому нужно еще сыграться.

М. МАРТЫНОВ

Новое в строительной технике

В большой коридор, устланный линолеумом, выходят десять дверей. Вы нажимаете ручку одной из них и попадаете в жилую квартиру...

Сразу же обращает на себя внимание сама дверь, очень массивная на вид. В ней заложена прокладка, изолирующая квартиру от шума. Через небольшую переднюю проходим в двадцатиметровую комнату с красивой стеклянной дверью почти во всю стену. За дверью, которая одновременно служит перегородкой, расположено помещение, предназначенное для спальни, кабинета или детской. В ванной комнате — умывальник с двумя кранами для холодной и горячей воды и душевой кабиной. В небольшой кухне — газовая плита, стол, полки для посуды и раковина. Такова однокомнатная квартира, показанная на выставке новой строительной техники в Сокольническом парке культуры и отдыха.

На выставке новой строительной техники.
Фото С. Фридлянда.

На выставке представлены также макеты двух- и трехкомнатных квартир, вместительных, светлых, со множеством бытовых удобств. Белые ванны снабжены пластикатовыми занавесками, чтобы не расплескивалась вода, в стены вделаны выдвижные гладильные доски и деревянные решетки для сушки мелкого белья.

В 1955 году развернется массовое строительство домов с такими квартирами.

Выставка показывает также образцы новых строительных машин.

Вверх устремлена сорокапятиметровая стрела башенного крана «Т-178», изготовленного Харьковским заводом. Такой кран поднимает грузы на высоту 12-го этажа.

Неподалеку от крана-гиганта — подъемный краник-крошка для дачного строительства. Стрелка с грузом в 500 килограммов поднимается на высоту до девяти метров.

Много времени отнимали до сих пор подготовительные работы на строительстве в сельской местности. На выставке показан товарный поезд. В одном из вагонов — экскаватор, во втором — автокран, в остальных размещены растворный узел, слесарно-механическая мастерская, инструментальная кладовая, электростанция. Если отправить этот поезд в колхоз или совхоз, там можно сразу же развертывать строительство.

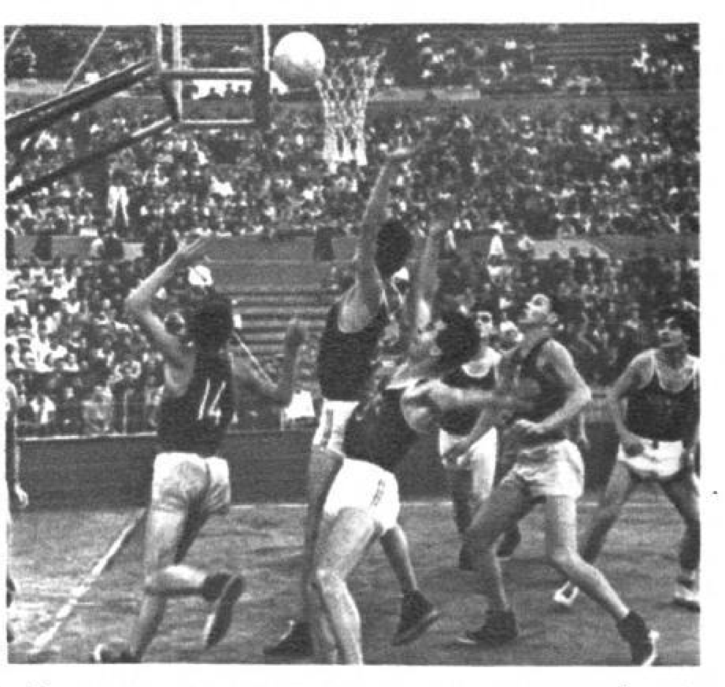
Огромны были потери цемента при перевозке его в открытых грузовых машинах. Новая техника внедряется и здесь. Вот к контейнеру с цементом подъезжает специальный приемник с крытой камерой. Камера открывается, принимает в себя цемент и, наглухо закрытая, везет его на площадку. Ни один грамм цемента не пропадает.

Около трех тысяч различных экспонатов демонстрируется на выставке новой строительной техники. Ежедневно выставку посещают десятки тысяч человек. Кроме москвичей, здесь побывали жители семидесяти других городов и гости из зарубежных стран — Китая, Кореи, Индии, Болгарии.

М. ГОЛОВКО

Дневник ОГОНЬКА

ФРАНЦУЗСКИЕ БАСКЕТБОЛИСТЫ В МОСКВЕ

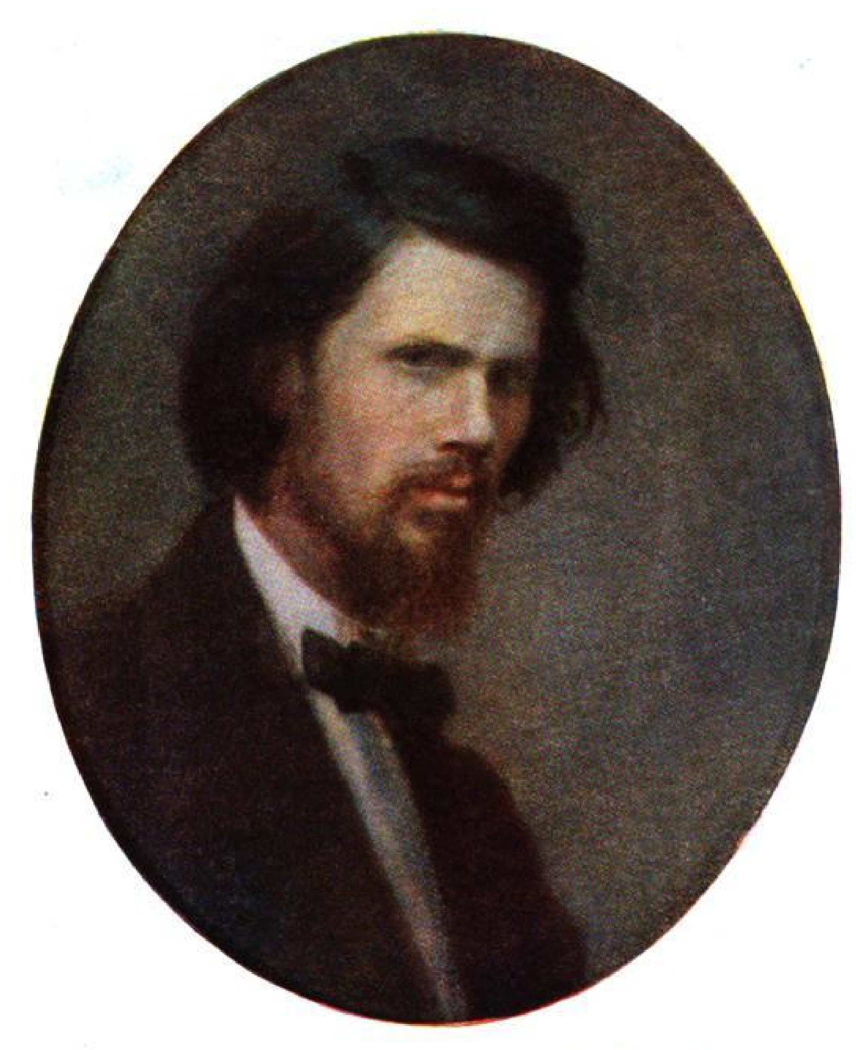
В прошлое воскресенье на столичном стадионе «Динамо» состоялась третья встреча баскетболистов лионского клуба «Асвел» с советскими баскетболистами. Как известно, первые две встречи — со сборной Тбилиси и с чемпионом страны тбилисским «Динамо» — «Асвел» проиграл. На этот раз против лионцев выступала команда ЦДСА. Армейцы, уверенно проведшие это товарищеское состязание, выиграли со счетом 83 : 49.

Фото А. Бурдукова.

ЖИВОПИСЬ И. Н. КРАМСКОГО

Автопортрет, датированный 1867 годом, Иван Николаевич Крамской создал, когда ему было тридцать лет. С прекрасно исполненного портрета смотрит молодой человек с пытливыми серыми глазами на скуластом волевом лице; темные волосы, небольшая бородка, строгость костюма делают его похожим больше на учителя, нежели на художника. Крамской и в жизни был таким — скромным и энергичным, упорным и пытливым.

Биография Крамского — это история русского искусства второй половины XIX века. С его именем связаны три крупнейшие даты — знаменитый «бунт четырнадцати», организация Артели художников и, наконец, создание Товарищества передвижных художественных выставок. Когда в 1863 году в императорской Академии художеств группа учеников во главе с Крамским не стала писать картину на тему «Пир в Валгалле» и, отказавшись от конкурса, демонстративно покинула Академию, они еще не знали, что этот смелый поступок сыграет значительную роль в развитии отечественной культуры. Во главе созданного Товарищества стал Крамской, хороший организатор, теоретик

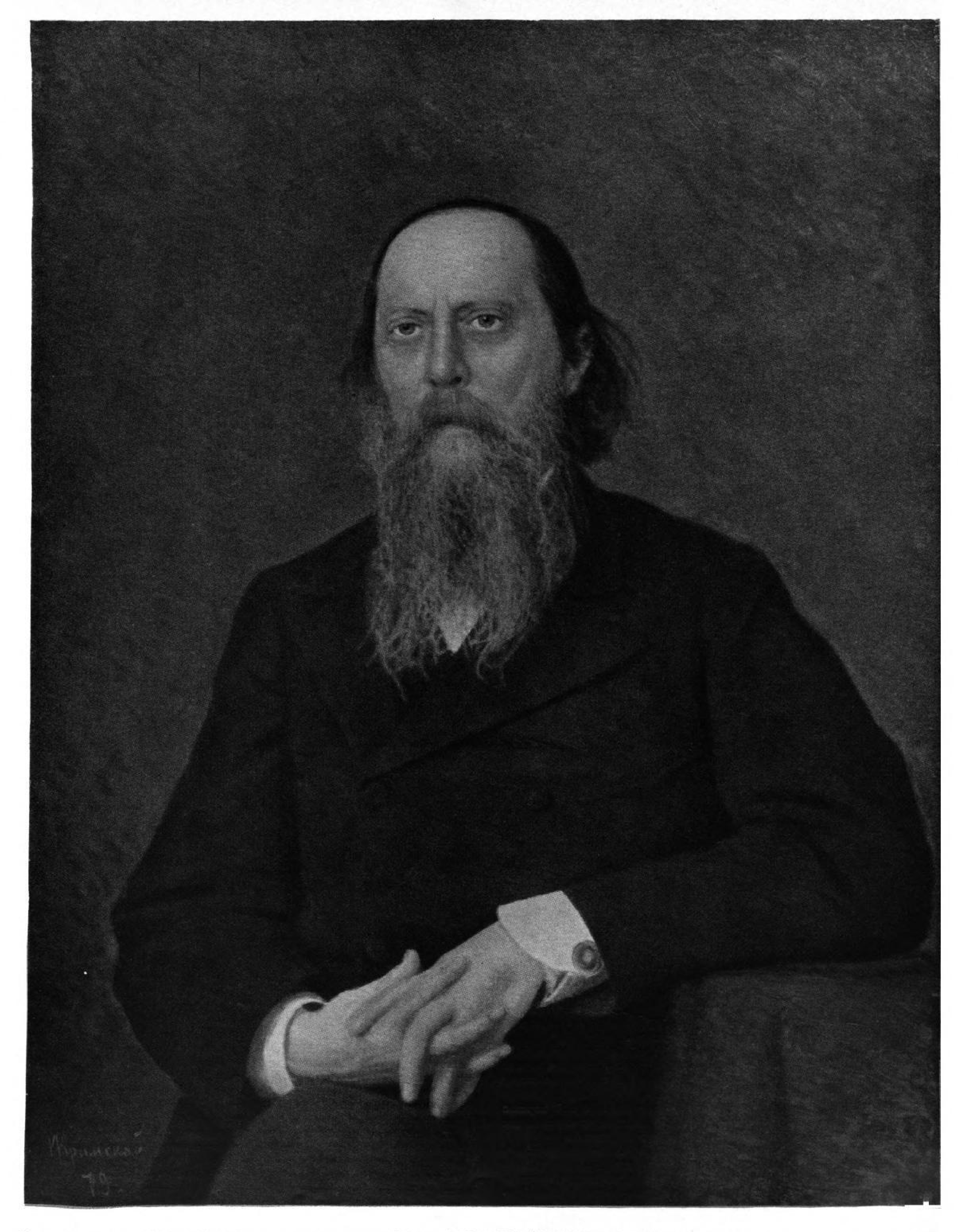
И. Н. Крамской (1837—1887). АВТОПОРТРЕТ. 1867 год.
Государственная Третьяковская галерея.

И. Н. Крамской. ОСМОТР СТАРОГО ДОМА. 1873 год.
Государственная Третьяковская галерея.

И. Н. Крамской. ЛУННАЯ НОЧЬ. 1880 год.

Государственная Третьяковская галерея.

И. Н. Крамской. ПОРТРЕТ ПИСАТЕЛЯ МИХАИЛА ЕВГРАФОВИЧА САЛТЫКОВА (Н. ЩЕДРИНА). 1879 год. Государственная Третьяковская галерея.

И. Н. Крамской. НЕИЗВЕСТНАЯ. 1883 год. Государственная Третьяковская галерея.

искусства, талантливый живописец. Помимо большой работы по устройству передвижных выставок, Крамской принимал в них деятельное участие и как художник, каждый раз выставляя по нескольку работ.

Картина «Осмотр старого дома» осталась незавершенной, несмотря на то, что Крамской много трудился над ней. Замысел и композиция картины неоднократно подвергались изменениям.

«Меня теперь озабочивает разыскание старой барской усадьбы,— писал Крамской Третьякову.— ...Нужны такие детали, которые только и могут быть в доме, где не жили около 20 лет, а где этакую штуку сыщешь? Ну, что будет».

Даже в незаконченном виде картина замечательна. В ней хорошо передана атмосфера заброшенного дома. Самый колорит картины как бы напитан пыльной дымкой, окутавшей все в этой усадьбе.

Картину «Лунная ночь», созданную в 1880 году, следует поставить рядом с полотном «Русалки», более известным под названием «Майская ночь». Эти картины принадлежат к самым поэтическим произведениям Крамского. Здесь он проявляет себя как тонкий лирик. Прекрасен ночной пейзаж. Художник всегда очень тщательно работал над пейзажем, стремясь достичь поэзии при реализме исполнения.

И. Н. Крамской создал целую галерею пленительных женских образов. Достаточно назвать девушку из «Лунной ночи», мать из «Неутешного горя», наконец, «Неизвестную». Это полотно появилось спустя три года после «Лунной ночи» и вызвало огромный интерес. Репин вспоминал потом: «Всем хотелось узнать, кто такая эта неизвестная». О том, кто же действительно изображен на картине, существовало много всяких догадок; иные говорили, что «неизвестная» — это Анна Каренина, были и другие предположения, но все они легко опровергались. Есть основания полагать, что «Неизвестная» написана не с конкретного лица, что художник дал в какой-то мере собирательный образ. Скупо и выразительно показан Петербург, мастерски передано движение коляски. Но лучше всего остального написано лицо девушки и в особенности ее глаза.

Крамской создал колоссальную живописную галерею своих современников. «Салтыков-Щедрин» относится к лучшим в ней. Этот портрет исполнен Крамским для Третьяковской галереи. Крамского и Третьякова связывала большая дружба. Руководитель Товарищества и основатель собрания превосходнейше понимали всю историческую ценность этой коллекции. В Третьяковской галерее очень полно представлено и творчество самого Крамского.

Е. БРАГИН

Бессмертный образ

На недавно закончившемся в Карловых Варах международном фестивале «Премию мира» получил художественный фильм «Эрнст Тельман — сын своего класса», выпущенный киностудией ДЕФА Германской Демократической Республики.

Сценаристы Вилли Бредель и Михаил Чесно-Хель, режиссер Курт Мэтциг, исполнитель заглавной роли Гюнтер Симон и весь съемочный коллектив создали по-настоящему волнующее произведение. Раскрытие образа Тельмана, рассказ о его жизненном пути — от простого рабочего до признанного вождя немецкого пролетариата — даны на фоне исторических событий.

Один из авторов сценария, Михаил Чесно-Хель, рассказывал о том, что три года продолжалась работа над различными вариантами сценария: «С чего начать? С детства Тельмана, с его юности? Мы попробовали это сделать. Но сценарий получался бесконечным—из него вышло бы, по крайней мере, четыре фильма... Было создано и отвергнуто несколько вариантов, прежде чем мы решили начать действие фильма со времени окончания войны — в 1918 году».

Решено было создать два фильма о жизни и деятельности Тельмана. Первый из них, «Эрнст Тельман — сын своего класса», завершается гамбургским восстанием осенью 1923 года.

Второй фильм, «Эрнст Тельман — вождь своего класса», должен охватить события с 1930 года по 1945 год, когда был поднят красный флаг над рейхстагом. 1945 год начал собой эпоху, за приближение которой боролся и отдал жизнь Эрнст Тельман...

Создание первого фильма о Тельмане — большая победа немецких кинематографистов, победа, которой сердечно и горячо аплодировали все честные люди Германии.

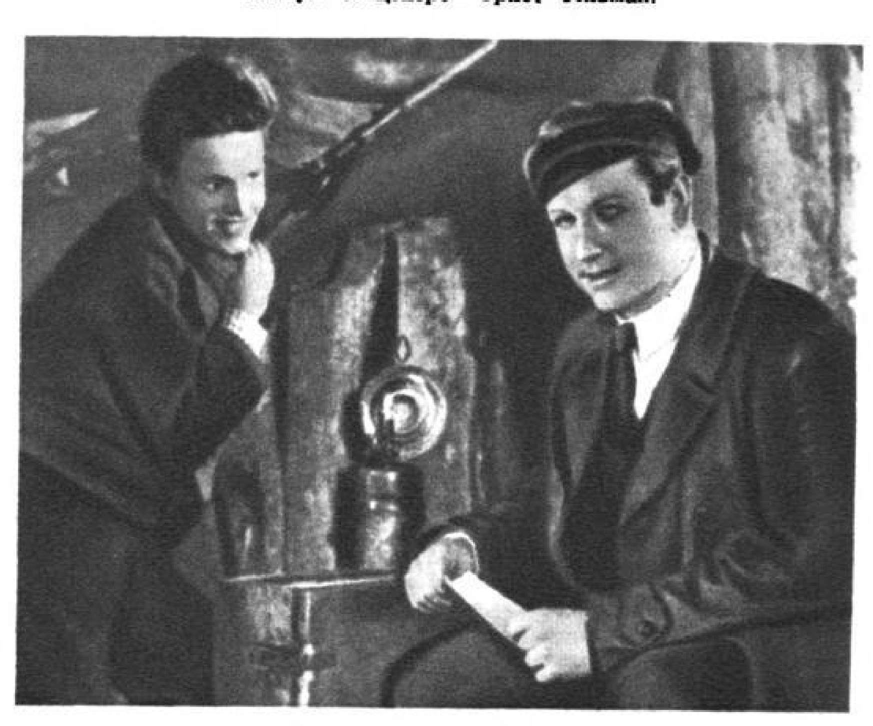
Когда фильм этот вышел в свет, президент ГДР Вильгельм Пик сказал о нем: «Не только немецкими рабочими, но и миролюбивыми людьми всех стран, которые чтили и любили Эрнста Тельмана и боролись за его жизнь, этот фильм будет встречен восторженным одобрением и заслужит полное признание».

Международная «Премия мира», которой ныне награжден фильм на VIII кинофестивале в Карловых Варах, убедительно говорит об успехах молодой киностудии ДЕФА.

Эрнст Тельман сообщает гамбургским судостроительным рабочим об убийстве Карла Либкнехта и Розы Люксембург: «...наша задача— довести дело Карла и Розы до конца! Несмотря ни на что!»

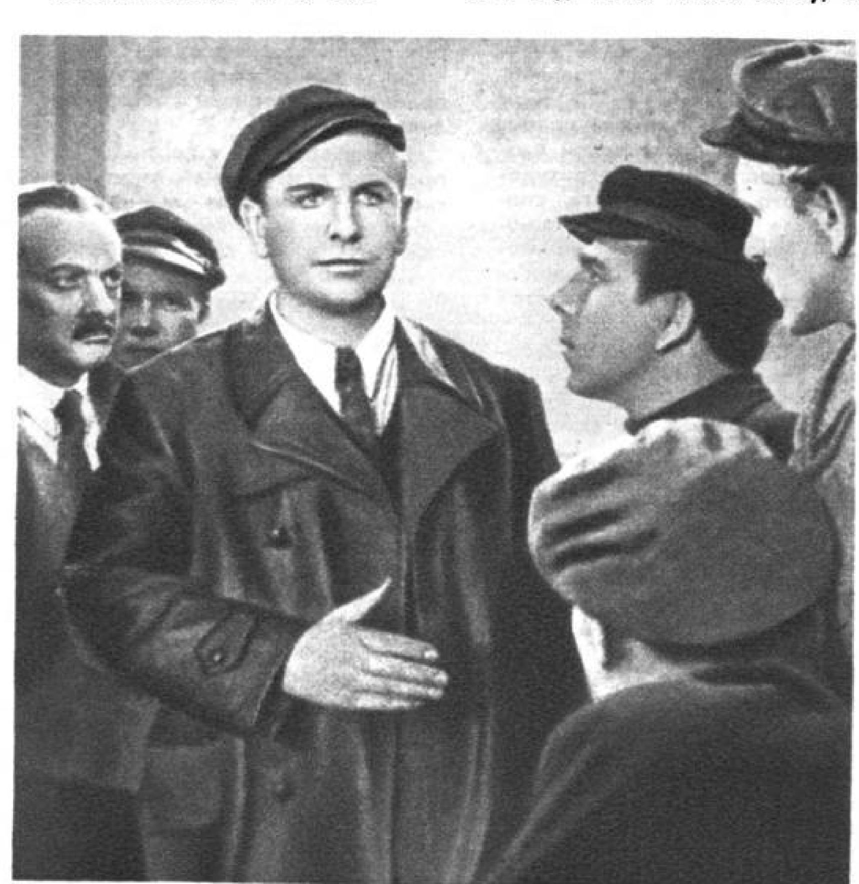
1918 год. Западный фронт... Немецкие солдаты требуют: «Прекратить войну!» В центре — Эрнст Тельман.

На баррикадах молодой боец рассказывает Тельману: «Я уже одиннадцать месяцев без работы. Но ведь все изменится, товарищ Тельман, когда мы будем всем распоряжаться? Когда все будет наше: гавань, фабрика, верфи... Вот-то жизнь будет!»

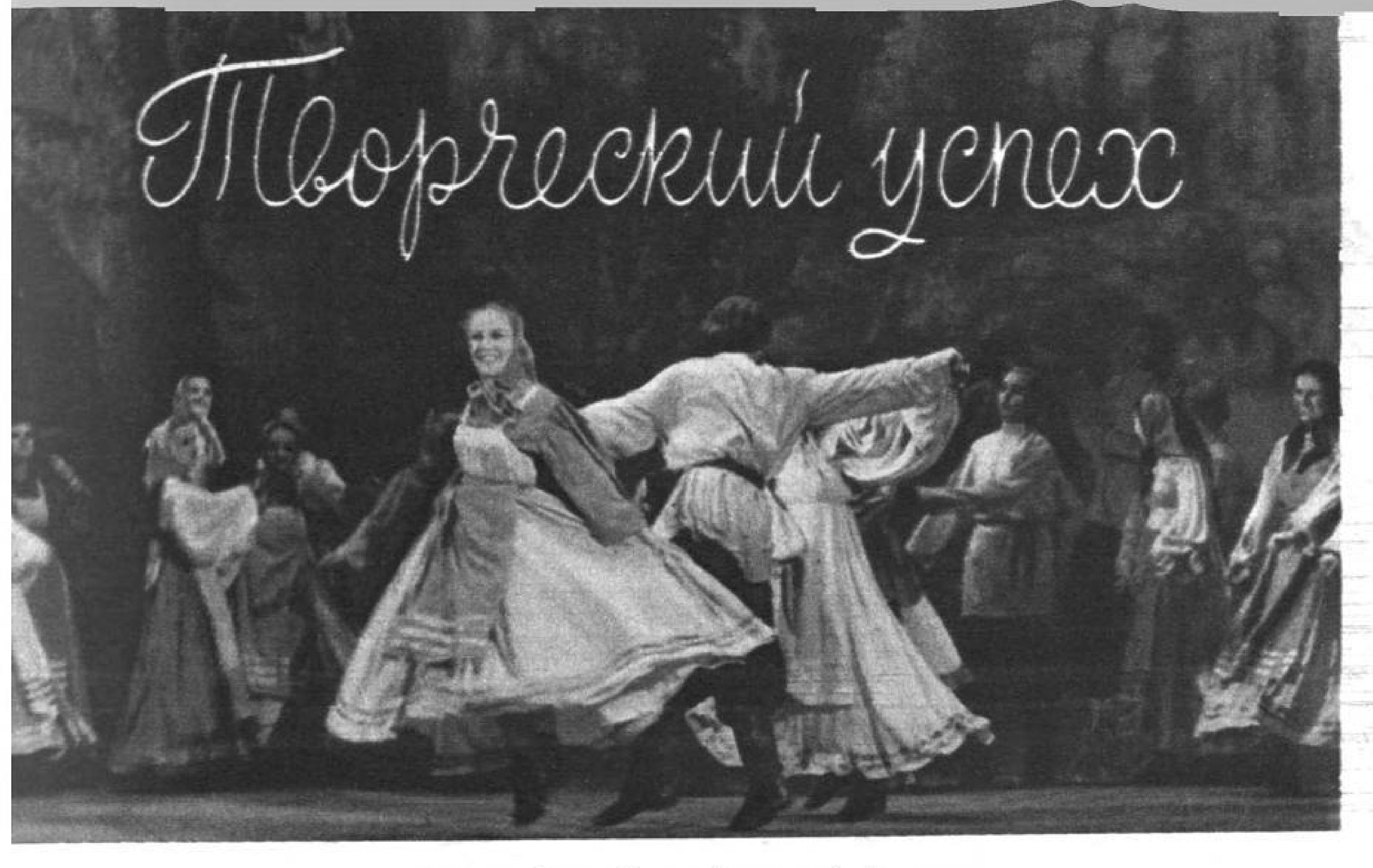

Эрнст Тельман — артист Гюнтер Симон.

Вместе со своими товарищами Эрнст Тельман готовит в Гамбурге народное восстание.

Творческий успех

Сцена из балета «Каменный цветок» А. Фридлендера.

Мариан КОВАЛЬ

В Москве месяц продолжались в помещении филиала Большого театра СССР гастрольные спектакли Молотовского государственного ордена Трудового Красного Знамени театра оперы и балета.

Молотовский театр, один из старейших оперных театров Российской Федерации (он основан в 1870 году), давно пользуется репутацией смелого, новаторского коллектива. Советские композиторы с радостью отдают свои новые произведения для первого их сценического воплощения в этот театр, зная, что встретят там чуткое и любовное отношение. Мне навсегда запомнилась горячая пора работы Молотовского театра над моей оперой «Севастопольцы» (1946 год), когда все участники спектакля, все работники театра, включая костюмеров, билетеров и капельдинеров, с большим волнением переживали рождение нового произведения. То же самое могут рассказать и другие композиторы, произведения которых впервые увидели свет на молотовской сцене.

«Дон Карлос» Д. Верди. Карлос — М. Гаврилкин и Елизавета — Н. Сильвестрова.

Эту присущую театру постоянную заботу о дальнейшем развитии советского искусства активно поддерживают молотовские зрители: каждая премьера театра обсуждается в городе, появление нового произведения или нового талантливого артиста на сцене становится событием.

В Москве театр, кроме оперной и балетной классики, показал две новые оперы: «Хождение по мукам» А. Спадавеккиа (либретто И. Келлера по трилогии А. Толстого), «В грозный год» Г. Крейтнера (либретто А. Гаямова на сюжет неоконченного юношеского романа М. Ю. Лермонтова «Вадим») — и балет свердловского композитора А. Фридлендера «Каменный цветок» (либретто И. Келлера по мотивам сказов П. Бажова).

Известная миллионам читателей трилогия Алексея Толстого увлекательно повествует о великом революционном подвиге, совершенном героическим русским народом под руководством Коммунистической партии, и о судьбах честных представителей русской интеллигенции, разными путями приходящих к революции. Перед читателем романа в живых образах воскресает незабываемая по своему революционному пафосу и романтике эпоха.

Богатейшее содержание романа, конечно, трудно укладывается в тесные рамки оперного либретто, хотя этому могла бы помочь музыка, ярко и многообразно раскрывая переживания героев, пафос событий.

Но этого не произошло: несмотря на большие усилия театра, после исполнения оперы остается чувство неудовлетворенности.

Способности композитора к творческой работе в области музыкального театра несомненны. Об этом свидетельствуют отдельные удачно написанные музыкальные номера — ария Рощина, мучительно переживающего свои заблуждения, широкая эпическая песня о Волге — и даже целые картины: драматическая сцена у «самарского министра» доктора Булавина или яркоколоритная и остроконфликтная сцена у Махно в Гуляй-Поле. Заслуживает одобрения стремление автора музыки широко использовать богатства оперных форм.

Но при всем этом не может не вызвать возражения недостаточно требовательное отношение композитора к стилю произведения в целом, к музыкальному его языку. Весь первый акт, посвященный великим дням Октября 1917 года в Петрограде, не получил полноценного художественного решения в музыке. Создается впечатление, что, особенно в 1-м акте, композитор свел роль музыки, в лучшем случае, только к иллюстрированию драматических событий оперы. Обеднен в музыке и образ комиссара Чугая, его решение риторично. В отдельных картинах удивляет неоправданная смена стилей в музыке, много небрежностей допущено в вокальной и симфонической сторонах партитуры. Поэтому все то хорошее в музыке оперы, что идет от композиторской изобретательности автора, его художественного темперамента, способности к лирическим, эмоциональным высказываниям, не может возместить неполноценности музыкального воплощения взятой темы.

Коллектив театра деятельно помогал композитору, но все же певцы-актеры чаще более активно ведут действие, чем сама музыка.

Гораздо ровнее по стилю написана музыка оперы «В грозный год», содержащая и хорошие лирические номера (арии, дуэты, хоры) и удачные стилизации в духе музыки эпохи, изображаемой в опере.

Нельзя не отметить большую удачу либреттиста А. Гаямова, очень искусно, с тонким знанием специфики оперного спектакля разработавшего и дополнившего фабулу романа Лермонтова «Вадим» — отклика поэта на события пугачевских времен. Яркие характеристики образов, напряженные эмоциональные сценические ситуации, умелое распределение кульминационных моментов для арий, ансамблей, массовых хоровых номеров — все эти достоинства либретто позволяли композитору широко проявить творческую фантазию. И, несмотря на это, музыка оперы не отличается композиторским дерзновением: она слишком традиционна, построена на привычных канонах как в массовых сценах, так и в лирических. Композитор Г. Крейтнер не воспользовался всеми возможностями интересного либретто, обеднил партитуру, особенно в ее драматическо-симфонической части, в таких кульминационных моментах, как восстание крестьян, возмущенных произволом помещиков, как гибель Ольги, заслоняющей своего брата Вадима от пули помещичьего сынка... Но зато во многих лирических моментах — ариях и дуэтах, сценах Вадима и Ольги, переживаниях крепостной Настасьи — музыка написана проникновенно, с искренним чувством, поется исполнителями и слушается с удовольствием, хотя и здесь иногда не хватает насыщенной и экспрессивной оркестровки.

Немало выразительных музыкальных характеристик в обрисовке помещичьего лагеря — отвратительной фигуры помещика Палицына, его деспотичной «сподвижницы»-жены, их сынка.

Слабее обрисованы композитором вожаки пугачевских отрядов Орленко и Степан.

Спектакль отлично поставлен режиссером Е. Минаковой и красочно оформлен.

В обеих новых операх хорошо показал себя артист Н. Бойкиня, обладающий красивым, сильным баритоном и актерскими способностями.

В образе Вадима — посланца Пугачева, выступающего под таинственным именем «Красной шапки»,— Бойкиня раскрывает разносторонность своего дарования: выразительный лиризм, умение убедительно проводить бурные, эмоциональные сцены. В ролях офицера Рощина («Хождение по мукам») и помещичьего сынка Юрия («В грозный год») с успехом выступил артист М. Гаврилкин. Правда, молодому певцу порою мешают некоторая скованность, однообразие актерских приемов, не очень отчетливая дикция.

Н. Сильвестрова в партии Даши проявила присущее ей артистическое и певческое мастерство. Обаятельна Л. Лубенцова в роли мягкой и нежной Кати, хотя музыкального материала в этой партии не хватает. С успехом дублируют эти роли молодые певицы П. Яновицкая и Т. Антипова.

В роли Красильникова (бывшего вестового Рощина) сценически и вокально выразителен артист В. Акимов. Самобытное сценическое дарование и музыкальность актера А. Кулысева уберегли его от возможного шаржирования в роли махновца Левки, хотя сценический рисунок получился достаточно острым.

Убедительные сценические образы создали в спектакле «Хождение по мукам» и А. Фирсанов (доктор Булавин), Б. Балашов (Нефедов), Е. Селиванова (Агриппина), в спектакле «В грозный год» В. Попов (Палицын), М. Кочешкова (жена помещика), З. Смирнова (Настасья). Очень впечатляюща в сложной партии Ольги Т. Антипова.

Но главное, что радует в постановках новых опер,— это общая

исполнительская увлеченность и новаторская целеустремленность. Театр не мог бы показывать на высоком художественном уровне современные оперные и балетные произведения, если бы не работал тщательно и вдумчиво над сценическим воплощением оперной классики. Радостно отметить, что и здесь руководство театра и творческий коллектив не ищут легких, проторенных дорожек: в большом и разнообразном репертуаре театра представлены произведения, редко идущие на сценах оперных театров.

Такими «новинками» для москвичей оказались постановки опер «Чародейка» П. Чайковского и «Дон Карлос» Дж. Верди. Эти шедевры мирового оперного искусства очень сложны, для их сценического и музыкального воплощения требуются крупные певческие и артистические силы, компактный хор, сильный оркестр, умелая режиссерская трактовка.

«Хождение по мукам» А. Спадавеккиа. Даша — П. Яновицкая.

По существу, настоящую сценическую жизнь «Чародейке» — трагедийной опере, насыщенной глубокими страстями, увлекающей чудесной музыкой,— дала замечательная ее постановка в Ленинградском академическом театре оперы и балета имени С. М. Кирова. Спектакль Молотовского театра оказался также очень удачным, особенно в режиссерской трактовке (режиссер — И. Келлер) и актерском исполнении. Колоритные народные сцены на заезжем дворе в первом действии, сцены покорения грозного наместника-князя красавицей Настасьей, издевательств скоморохов над дьяком Мамыровым поставлены живо и интересно. Особенно удалась режиссеру последняя, наиболее трагическая картина. В постановке найдено и эффектное зрительное разрешение бури, повергающей в смятение и ужас князя. Исполнитель роли князя Н. Бойкиня продемонстрировал здесь свой драматический талант в полной гармонии со свободно льющимся сильным голосом. Настасья («кума») — один из прекраснейших образов женщин не только в операх Чайковского, но и во всей русской оперной музыке. Композитор дал этому образу богатейшую палитру чувств — прямодушие, стойкость, целеустремленность, верность в любви, радостное восприятие жизни, природы. Молодая артистка Л. Ткачева, легко справившаяся с этой ролью в части сценической, не смогла выявить всех певческих красот партии, требующих большей ровности в регистрах и напевности звука. Обладая хорошей дикцией, артистка порой злоупотребляет речитативной подачей звука. Этот недостаток особенно ощущался в сцене с княжичем.

Бесспорную культуру пения и выразительную игру показали артисты А. Григорьева (княгиня) и В. Попов (дьяк Мамыров). В зловещей партии колдуна Кудьмы удачно выступили В. Акимов и Е. Маевский.

Необыкновенно яркая, написанная с полным блеском оперного мастерства и глубочайшим проникновением в психологию и переживания героев опера Верди «Дон Карлос» (по одноименной драме Ф. Шиллера) несправедливо забыта нашими театрами. Истинное наслаждение доставляют виртуозно разработанные композитором ансамбли. Знаменитая ария короля Филиппа, сетующего на свою старость и неразделенную любовь, по силе трагического реализма в музыке может сравниться лишь с лучшими подобными ариями М. Мусоргского. Эту арию, как и всю сложную и ответственную роль, с подлинным вдохновением исполняет В. Попов. На хорошем уровне певческой и артистической культуры и другие участники спектакля — Н. Сильвестрова, Л. Лубенцова, М. Гаврилкин, А. Артемов, Е. Маевский.

«Эсмеральда» Ц. Пуни, Р. Глиэра, С. Василенко. Эсмеральда — С. Тулубьева.

И в «Чародейке» и в «Дон Карлосе» активно действует и уверенно, чисто поет хор, руководимый хормейстером Л. Виссоновым.

Кроме «Чародейки» и «Дон Карлоса» театр показал в Москве поэтичную оперу Н. А. Римского-Корсакова «Снегурочка» — в центральной партии выступила молодая талантливая певица М. Малий — и комическую украинскую оперу С. Гулак-Артемовского «Запорожец за Дунаем», подготовленную театром (на украинском языке) к празднованию 300-летия воссоединения Украины с Россией.

Балетная труппа театра, кроме «Каменного цветка» А. Фридлендера, показала на гастролях «Эсмеральду» Ц. Пуни, Р. Глиэра и С. Василенко. Оба балетных спектакля имели успех.

Культура балета в Молотовском театре складывалась под прямым воздействием ленинградской балетной школы. Работавший в Молотове в годы Великой Отечественной войны Государственный театр оперы и балета имени С. М. Кирова глубоко повлиял на повышение художественного уровня постановок Молотовского театра. Еще более способствовало росту балетной труппы возникшее вскоре в Молотове балетное училище.

Балет «Каменный цветок» радует красивой, мелодической музыкой, удобной для танцев,— композитор А. Фридлендер хорошо знает театр, хотя порой ему не хватает творческой смелости, в которой так нуждается выбранная им народно-сказочная тема. Танцы поставлены в «Каменном цветке» живо и интересно. «Классическая» часть (балетмейстер — Ю. Ковалев) и самобытные уральские народные пляски (балетмейстер — О. Князева), гармонично соединяясь, придают подкупающую свежесть действию.

Спектакль «Эсмеральда» в Молотовском театре (постановка К. Есауловой) решен как балетная реалистическая драма, в которой средствами пантомимы и танцев раскрываются образы трагического романа В. Гюго. Хочется отметить общую ровность состава балетной труппы.

Художники театра — Р. Леонов, Д. Смолин, В. Людмилин, В. Аверкиев — дали московскому зрителю возможность насладиться красотами русской природы Волги и Урала («Чародейка», «Каменный цветок», «В грозный год»), лирических украинских пейзажей («Запорожец за Дунаем»), исторически правдивой стилизацией средневековья («Эсмеральда», «Дон Карлос»). Неудачным оказалось только оформление постановки оперы «Хождение по мукам», особенно показ революционного Петрограда.

Уверенно вели спектакли А. Людмилин и молодые дирижеры Э. Гольдберг и К. Тихонов.

Коллективу Молотовского оперного театра необходимо и впредь неустанно и много работать над музыкальным звучанием спектаклей: при всех достижениях театра в этой части было немало недостатков — несовершенной порой интерпретации, погрешностей в деталях и т. д.

Трудный и ответственный экзамен в Москве коллектив орденоносного уральского театра выдержал с честью, доказав своими успешными гастролями, что «театральная периферия» ушла в далекое прошлое.

Фото В. Лаврентьева и А. Горнштейна.

«Чародейка» П. И. Чайковского. На переднем плане: Настасья — Л. Ткачева и князь Никита — Н. Бойкиня.

ПО ТЕАТРАМ БУХАРЕСТА

Сцена из спектакля «Разлом» Б. Лавренева в постановке Театра Армии.

Если вы окажетесь перед началом спектакля около одного из театров Бухареста, Клужа, Ясс или какого-либо другого города Румынии, вы обязательно увидите множество людей, желающих попасть на ту или иную постановку. Этот невиданный ранее поток зрителей говорит о творческой зрелости румынского искусства, о том, что театры создают спектакли, проникнутые жизненной правдой, яркие, интересные.

Минувший театральный сезон был знаменателен появлением значительного количества новых пьес, вышедших из-под пера маститых и молодых румынских драматургов. Большинство этих пьес посвящено людям сегодняшней Румынии. Театральные коллективы провели немалую работу с авторами, и в результате совместных творческих исканий появились спектакли, хорошо принятые зрителями.

Сцена из спектакля «Во время карнавала» И. Караджале. Постановка Бухарестского Национального театра.

Прошедший сезон характерен бурным ростом молодых талантов. Этому способствовал конкурс молодежи театров столицы Румынии, проведенный в прошлом году, а также подготовка к первому Республиканскому конкурсу молодежи драматических театров, посвященному десятилетию республики.

Все без исключения театральные коллективы неустанно работают над пьесами русских классиков и советских драматургов, над изучением опыта советского театра. А недавнее пребывание в Румынии коллектива Московского государственного театра имени Моссовета, встречи с его ведущими мастерами дали возможность румынским режиссерам и актерам еще ближе узнать советское театральное искусство, использовать его достижения в своей творческой практике.

В январе этого года в новом замечательном здании, созданном коллективом румынских архитекторов с участием советских специалистов, начал сезон Государственный театр оперы и балета, ютившийся ранее в небольшом, неудобном помещении. Первым спектаклем сезона была «Пиковая дама» Чайковского. В опере участвовали лучшие силы театра: народный артист республики П. Штефэнеску-Гоангэ, заслуженные артистки Зенаида Пали, И. Никола-Штирбей, мастерство которых хорошо известно и у нас по их выступлениям в концертных залах Советского Союза. Затем на сцене театра были возобновлены оперы «Травиата», «Риголетто», «Русалка». Под руководством народного артиста РСФСР М. Габовича в театре осуществлена новая постановка балета Р. Глиэра «Красный мак».

В 1952 году отметил столетие своего существования старейший театр страны — Бухарестский Национальный театр, которому присвоено теперь имя румынского классика И. Караджале. Здесь были впервые поставлены его бессмертные комедии, здесь они продолжают свою сценическую жизнь. На подмостках этого театра выступали замечательные мастера — создатели румынского национального театра. Глубина и искренность переживаний в сочетании с тонким юмором, умение актеров едва заметным жестом дать яркую характеристику действующего лица, легкость их движений на сцене — особенности искусства этого театра.

«Специалистом по Караджале» называют здесь одного из ведущих режиссеров, заслуженного деятеля искусств РНР Сика Александреску, поставившего с великолепным мастерством не только все комедии, но и инсценированные рассказы писателя.

С не меньшим успехом Александреску поставил в последнее время гоголевского «Ревизора», пьесу румынского драматурга М. Штефанеску «Матей Милло» (об основателе румынского национального театра). В 1954 году здесь начала сценическую жизнь первая современная румынская сатирическая комедия — «Взбесившийся ягненок»; автор — лауреат Государственной премии А. Баранга.

В Национальном театре талантливые актеры. С одним из них, народным артистом республики Костаке Антониу, мы встретились после спектакля «Потерянное письмо». Это обаятельный, добродушный человек. В спектаклях Национального театра мы видели его в ролях совершенно различного плана: в Подвыпившем гражданине («Потерянное письмо» И. Караджале), богатом помещике Муромском («Свадьба Кречинского»), мешковатом Андрее Прозорове («Три сестры»). Новой творческой удачей актера в этом сезоне явилось исполнение роли профессора Андронника в пьесе М. Себастьяна «Последние известия». В этой комедии драматург, умерший незадолго до освобождения страны, смело разоблачает румынское буржуазное общество 30-х годов, показывая, как предприниматели и продажные писаки в своих корыстных целях ловко используют беспомощного, чудаковатого, оторвавшегося от жизни ученого.

Костаке Антониу отдает много сил воспитанию театральной молодежи. С осени этого года ему поручено руководство Бухарестским театральным институтом имени Караджале. К. Антониу, необычайно скромный человек, пользующийся всеобщей любовью и уважением, избран депутатом в Великое Национальное Собрание.

Из актеров Национального театра младшего поколения запоминаются яркие дарования заслуженных артистов республики М. Ангелеску и Р. Белигана. Когда видишь их в пьесах Караджале, кажется, что актеры эти рождены для его комедий. Однако М. Ангелеску с успехом исполняет сейчас и такие роли, как Чебутыкина в «Трех сестрах», секретаря парткома во «Взбесившемся ягненке», Добчинского в «Ревизоре», находя для каждой особые краски. Таланту Р. Белигана оказались под силу такие трудные и различные по своему характеру роли, как Хлестаков и Тузенбах.

В бухарестском Городском театре идет «Васса Железнова». Горьковский спектакль поставлен режиссером и исполнен актерами талантливо и умело, с большим знанием русской жизни. В антракте за кулисами мы познакомились с ведущими работниками театра. Исполнительница главной роли народная артистка республики Л. Стурдза-Буландра говорит с нами по-русски. Она произносит русские слова отчетливо, спокой-

но, уверенно. Несмотря на свой возраст (ей исполнилось 80 лет), она недавно изучила русский язык, чтобы в подлиннике читать произведения русских классиков и советских писателей. Лучия Стурдза-Буландра — старейшая актриса Румынии, прошедшая сложный сценический путь в условиях буржуазной Румынии, где театр находился под влиянием всевозможных упадочнических течений театрального Запада. Уйдя из Национального театра, она в течение четверти века вместе со своим мужем Тони Буландра работала в собственной труппе, отстаивая позиции реалистического национального искусства. Осенью прошлого года было широко отмечено 55-летие ее сценической деятельности, но до сих пор Лучия Стурдза-Буландра сумела сохранить неиссякаемую энергию. В 1947 году ей поручили руководство Городским театром, который ныне стал одним из лучших в Румынии.

К нашей беседе присоединяется главный режиссер театра заслуженный деятель искусства В. Зигфрид, постановщик «Вассы Железновой», «Леса», «Победителей», «Митри Кокора» и многих других спектаклей. Зигфрид — видный театральный художник и в то же время хороший режиссер, с творческой выдумкой, умением глубоко раскрыть характер героя, создать на сцене единый, стройный ансамбль. Он говорит о том, что в театре не боятся экспериментировать, искать и отстаивать новое, свое. Театр упорно работает с молодыми авторами. Именно на этой сцене впервые были поставлены пьесы Л. Деметриус «Люди наших дней» и Х. Ловинеску «Свет из Ульм», герои которых — простые люди современной Румынии.

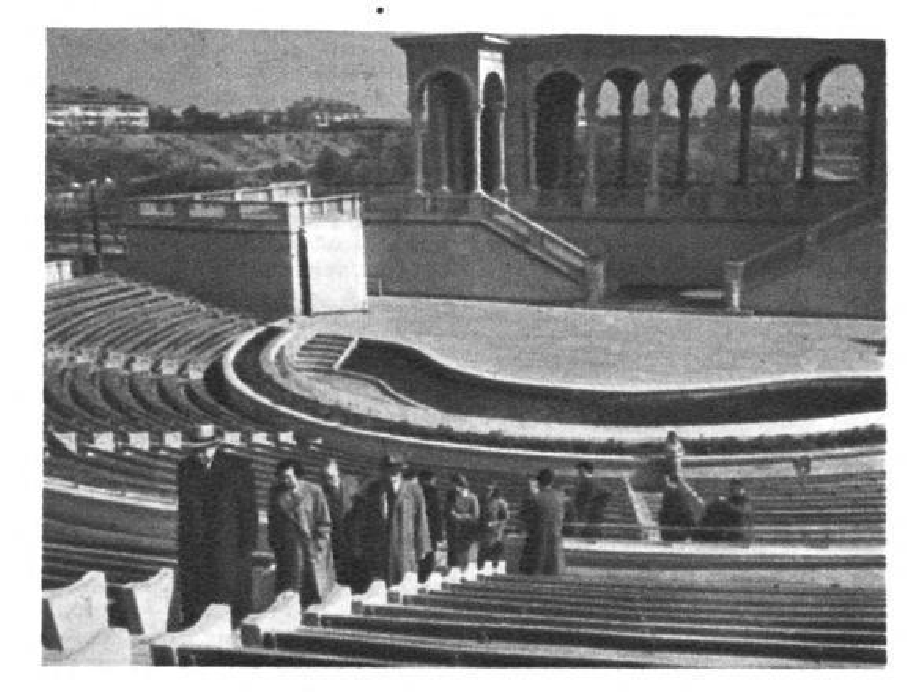
В театре смело выдвигают молодежь, поручая ей ответственные роли и режиссерскую работу, внимательно следя за ее творческим ростом. По инициативе Стурдзы-Буландры в театре работает кружок Станиславского, где не только молодые, но и опытные актеры изучают наследие замечательного деятеля советского театра. Подобные кружки имеются и в других театрах.

«Три сестры» А. П. Чехова в постановке Бухарестского Национального театра. Ирина — лауреат Государственной премии М. Ботта, Тузенбах — заслуженный артист РНР Р. Белиган.

В Бухаресте можно побывать еще на спектаклях Театра Армии, в самом юном театре столицы, открытом в 1951 году,— Театре Молодежи и в рабочем театре Джулешть — гордости железнодорожников, в небольшой срок превратившемся из самодеятельной группы в крепкий профессиональный коллектив. В Румынии сейчас одних только драматических театров двадцать девять! Театральная жизнь Румынской Народной Республики крайне многообразна и становится богаче с каждым годом.

Н. РОВНАЯ

Летний театр в Парке культуры и отдыха имени 23 августа, расположенном в одном из крупнейших рабочих районов Бухареста. Театр вмещает 4 тысячи зрителей.
На фото: делегация деятелей советской культуры осматривает здание театра.

ПИСАТЕЛИ И КНИГИ

Трудным путем

Герой новой книги Ф. Вигдоровой «Дорога в жизнь» хорошо знаком нашему читателю: это Семен Карабанов — один из героев «Педагогической поэмы» Макаренко. В эпилоге «Педагогической поэмы» рассказано, что Карабанов сделался педагогом, воспитателем: «Не можу без пацанов буты. Сколько еще хороших хлопцев дурака валяют на свете, ого!»

Карабанов работал воспитателем в Коммуне имени Дзержинского и был надежным помощником Макаренко. Но «никогда не будет хорош тот командир, который не действует самостоятельно». Семен должен уехать, решил Макаренко. «Я слышал, сейчас худо с детскими домами в Ленинградской области. Поезжай туда и выбери себе самый плохой, ладно?»

Перед молодым воспитателем жизнь каждую минуту ставит вопросы, которые приходится решать самостоятельно и сразу. Чужой опыт, даже если это опыт такого учителя, каким был Макаренко, слепое подражание, пусть самым лучшим образцам, для настоящего воспитателя невозможны. В сущности, это и есть главная мысль повести Ф. Вигдоровой. «Дорога в жизнь» — это книга о творчестве. Настоящий воспитатель всегда творец, и в каждом случае он должен находить новое решение. Недаром Макаренко говорил, что за все годы его работы не было двух случаев, совершенно одинаковых.

Образ Карабанова — большая удача автора. Мы с интересом следим за его поисками, раздумьем, когда он, недовольный собой после какого-нибудь промаха, ищет новых решений. Его характер раскрывается именно в отношениях с детьми.

Много детских портретов, детских судеб проходит перед нами. Все они очень разные. От старших: Короля, Репина или Стеклова — до самых маленьких: смышленого Петьки или Лени с его трогательной привязанностью к курам, до трехлетних детей самого Карабанова Леночки и Костика,— каждый живет в книге своей жизнью. Автор с каким-то особым душевным тактом и человечностью раскрывает внутренний мир подростков. Во всем чувствуется подлинная любовь к детям, под которую невозможно подделаться. Нет здесь той слащавости, которая еще, к сожалению, часто встречается в книгах для детей.

В первой книге Ф. Вигдоровой, «Мой класс», каждому герою отводилась одна глава, и больше автор к нему уже не возвращался. В новой же книге детские характеры развиваются и растут на протяжении всего повествования. Вот Репин, красивый, умный и самоуверенный Репин, от которого педологи пришли в такой восторг, что разговаривали с ним «почти подобострастно». А в действительности это один из самых трудных воспитанников. У Репина, ловкого и удачливого вора, всегда водились деньги, сласти; он подкупал товарищей, добиваясь, чтобы они ему повиновались, исполняли все его прихоти. Пока воспитатели трудились, стремясь сделать жизнь ребят лучше и разумнее, пока трудились сами дети, он «поглядывал со стороны, поплевывал, посмеивался да еще старался причинить боль другим, отравить чужую радость». Ф. Вигдорова показывает, как умно и тонко боролся Карабанов с Репиным, боролся за него же самого, за Репина. Мы расстаемся с Репиным, пусть не совсем преображенным, но уже не тем жестоким себялюбцем, каким он был вначале.

Автор не смягчает трудностей, встающих на пути Карабанова. Не смягчает он и жестоких ударов судьбы, постигающих его героя. В конце книги рассказывается о трагической гибели Костика Карабанова. Ф. Вигдорова не боится показать всю глубину человеческого горя, не скрывает тяжести непоправимой утраты. Но, несмотря на то, что книга заканчивается трагическим эпизодом, она оптимистична, полна любви и уважения к человеку, веры в него.

Кроме Карабанова, мы встречаемся в книге еще с несколькими воспитателями. Не все они равно удались автору. Интересно задуман Николай Иванович, но мы с ним только-только познакомились и не успеваем его узнать. Поэтому, когда Карабанов, покидая детдом, решает оставить вместо себя Николая Ивановича, это звучит неожиданно и не слишком убедительно. Правдив образ Елены Григорьевны — неумелой учительницы и вздорной женщины. И, к слову сказать, как хорошо, что она не исправляется поспешно в конце книги! Среди писателей, критиков, редакторов и педагогов еще недавно шли долгие споры о том, имеет ли право детский писатель критически изображать учителя. Читая книгу Ф. Вигдоровой, испытываешь уверенность, что дети правильно поймут образ Елены Григорьевны и не станут делать «обобщений».

Есть в книге еще один герой. Этот герой — Макаренко. Хотя появляется он лишь на первых и последних страницах повести, образ его живет в раздумьях Карабанова, в воспоминаниях ученика о замечательном учителе. Мы узнаем новое о дорогом для нас человеке, которого давно уже любим и знаем.

Книга Ф. Вигдоровой не завершена, писательница работает над следующими частями, и хочется поскорее встретиться с Репиным, Лирой, Королевым, увидеть, как Карабанов в другой обстановке решает новые задачи, которые поставил перед ним Антон Семенович Макаренко.

Ф. Вигдорова. Дорога в жизнь. Повесть. Детгиз. М. 1954. 454 стр.

К. СОНДАК

Советские гимнастки следят за выступлением мужской команды (в первом ряду слева — абсолютная чемпионка мира Галина Рудько).

Два победителя

Евг. СИМОНОВ

Вернувшись из Советского Союза домой, Шарль Тоэни едва успел выйти из самолета, как его атаковали корреспонденты швейцарских газет. Они были отлично осведомлены о том, что Тоэни, как генеральный секретарь Международной федерации гимнастики (ФИЖ), вместе с другими авторитетными ее лицами только что представлял федерацию на очередном первенстве СССР.

Что же увидели западные наблюдатели? Ведь чемпионат в Ленинграде проходил по программе ближайшего первенства мира.

— Да, это так! — охотно подтвердил Тоэни, подчеркнув, что русские гимнасты хорошо усвоили новые, усложненные комбинации, хотя до соревнования на первенство мира по гимнастике остается целых семь месяцев. Особенно восторженно отозвался он об участницах женской сборной команды СССР: — Все они произвели на нас впечатление гимнасток, которых победить нельзя.

— Столь ли уверены вы и в превосходстве гимнастов-мужчин?

— Если и можно отметить небольшое преимущество русских гимнастов по сравнению с нашими в целом, то оно исчезает, когда знакомишься с выступлениями отдельных гимнастов.

— Таким образом, шансы русских и швейцарцев в Риме будут одинаковы?

— Да! — услышали журналисты ответ, который можно было прочитать на страницах газеты «Спортивная неделя»...

И вот миновали эти семь месяцев... Рим... Олимпийский стадион, на котором, кстати сказать, не состоялось еще ни одних олимпийских игр.

Гимн Верди возвестил открытие XIII первенства мира по спортивной гимнастике. В дышащее нестерпимым жаром безоблачное небо унеслись бенгальские огни цвета олимпийских кругов, символизирующих спортивное содружество пяти частей света.

Турнир лучших гимнастов мира открыт. Обозреватели отмечают «рекордное число команд, оспаривающих первенство». Эти команды представляют двадцать четыре страны (на прошлом чемпионате их было только шесть!).

Особенно много биноклей и лорнетов направлено на группу спортсменов, которая в соответствии с порядком латинского алфавита идет одной из последних — «URSS» — «СССР». Вслед за стройными, гибкими гимнастками шли восемь спортсменов — все как на подбор. Кое-кого из них зрители знают по XV олимпийским играм. Это абсолютный чемпион олимпиады Виктор Чукарин, ее призеры Грант Шагинян, Евгений Корольков и молодой москвич Валентин Муратов. Остальные неизвестны: это — новое пополнение, представленное гимнастами Украины и Армении, Урала и Грузии — Борисом Шахлиным и Альбертом Азаряном, Иваном Востриковым и Сергеем Джаяни.

Было ровно семь утра, когда плечистый свердловчанин Иван Востриков вынес на помост алое знамя, и мужская команда СССР, соблюдая безупречное равнение, выстроилась у перекладины. Гимнасты в кремовых костюмах и тренер сборной А. С. Мишаков, занявший положенное ему место под снарядом, сдержанны, внешне спокойны, и только устремленные на турник глаза выдают волнение.

Первый подход Ивана Вострикова. Его сильная, массивная на вид фигура обретает неожиданную легкость и стремительность, когда он — точно, хоть вымеряй циркулем,— подняв под углом в 45° выпрямленные ноги, взлетает над перекладиной и описывает обороты над ней. По единому для всех условию, выступление завершает «соскок согнувшись». Можно, конечно, выполнить его, соблюдая букву параграфа, и только! Но в тот миг, когда тело советского гимнаста взлетает над снарядом, он добавляет почти неуловимый рывок и снова взмывает ввысь.

То, что в других командах под силу только лидерам, в команде СССР выполняет самый молодой спортсмен, которого репортеры успели окрестить «русским богатырем».

«Ваня молодцом! Сразу тон задал»,— думает Чукарин, недвижно стоящий в шеренге и осторожно, но непрерывно пошевеливающий пальцами. Надо же было случиться такому, да еще на первом опробовании снарядов, еще до начала соревнований! Уже занеся ноги над перекладиной, готовясь перехватить руку, Чукарин вывихнул палец. Острая боль пронзила руку, и хоть Виктор быстро вправил сустав, но понял, что опухоли не миновать, что ему придется трудно. Теперь, стоя в строю, Чукарин с особым волнением ждал своей очереди. Сможет ли он выступать?

Под внимательным, настороженным взглядом тренера подходит к перекладине Виктор Чукарин. Привычным движением кладет он ладони на стальной брус и молча кивает тренеру: «Порядок, Александр Семенович!» Неужели же он, Чукарин, может отстать от товарищей по команде? Нет, Чукарин из-за пальца не прекратит борьбы. И никто, кроме маленькой группки товарищей по команде, наблюдая непринужденные, точные, четкие движения гимнаста, и не подозревал, чего это стоило спортсмену.

Чукарин снова в строю. Теперь он думает о своих противниках. Хороши, нет слов, швейцарцы, особенно их лидер Иозеф Штальдер — худощавый, стройный и вместе с тем сильный в каждом движении. Но, пожалуй, дальше всех ушли после олимпийских игр немцы из Западной Германии и японцы. Особенно японцы! Недаром на каждой тренировке советских гимнастов в Хельсинки над скамьями, где рассаживались не пропускавшие ни одного нашего занятия японские гимнасты, словно от роившихся пчел, слышалось непрерывное жужжание. Это работали портативные кинокамеры. И вот результат: два года назад ни один из японцев не мог выполнить на кольцах «крест», а теперь все держатся по 4—5 секунд, хоть по хронометру проверяй.

И, несмотря на это, если состязание на перекладине со швейцарцами и японцами было первым нашим успехом, то выступление на кольцах ознаменовало уже решительный перелом. Советские гимнасты ведут — 58,4 балла. Ближайшие к ним японцы набрали только 55,9 балла.

...Методично и скрупулезно повторяли японцы движения наших гимнастов, скопированные по кинокадрам. Но Такимото, Оно и их соотечественникам невдомек, что они соревнуются со вчерашним днем. Он ушел, а на помосте перед ними мастера гимнастики советской школы нынешнего, 1954 года.

Итак, старт взяли неплохо! Остается удержать набранный разбег до финиша: ведь после первого дня мужская команда СССР на десять с лишним баллов обошла команду Западной Германии, чьи гимнасты лидировали до

Грант Шагинян завоевал мировое первенство в махах на коне.

той поры, пока в соревнование не вступили советские мастера.

Но зрителей, заполнивших римский стадион, ждала еще одна неожиданность. По расчетам обозревателей, кроме Виктора Чукарина, на титул абсолютного чемпиона мира могли претендовать Штальдер, Такимото и, пожалуй, Банц (Западная Германия). Однако за два месяца до встречи в Риме журналистам пришлось занести в свои блокноты еще одну русскую фамилию. Это был Валентин Муратов, так поразивший тех, кто наблюдал апрельские соревнования в Фестхалле (Франкфурт-на-Майне). Там, в Западной Германии, представляя на встрече сильнейших гимнастов советских спортсменов, двадцатишестилетний Муратов «не показал какихлибо слабых сторон и с каждым новым упражнением только повышал свое мастерство», как с удивлением отмечала «Франкфуртер альгемайне цайтунг».

Теперь в Риме и зрители, сидевшие на источавших жар мраморных трибунах, и гимнасты, руки которых опалял накалившийся металл снарядов, и «люди с отточенными карандашами», судьи, стали свидетелями того, как два мастера, представлявших одну страну, разыгрывали между собой звание первого гимнаста мира.

Мастерство Чукарина, поистине универсальная его техника были отмечены тридцатью золотыми медалями. Что и говорить, нелегко было студенту педагогического института Муратову вступать в единоборство с таким грозным соперником! Но Муратов проявил огромное упорство, несгибаемую волю и уже в 1953 году стал абсолютным чемпионом страны. Теперь здесь, в Риме, два советских гимнаста в совместных дружных усилиях завоевывали первое место своей команде и вместе с тем продолжали начавшийся между ними спортивный спор — кто сильнее...

Валентин Муратов выступает на брусьях.

Уже пахнуло вечерней свежестью и звезды зажглись над замком Ангела, когда судьи захлопнули заполненные записями папки. По обязательной программе Чукарин на пятнадцать сотых балла опередил Муратова. Что-то покажет завтрашний день?.. Но и на второй, решающий день советские спортсмены продолжали наступать развернутым фронтом. Уверенно двигалась к победе женская команда. Все больше отрывалась от своих сильных противников команда мужская.

Возбужденный гул пробегает по трибунам, когда к кольцам подходит высокий гимнаст с вздувающимися при каждом движении выпуклыми мышцами, темной шапкой непокорных волос и веселой белозубой улыбкой. Эта улыбка играет на его лице даже в тот момент, когда спокойно, кажется, вовсе не напрягаясь, выполняет он считавшееся невыполнимым движение и, словно не удовлетворяясь сделанным, добавляет новые и новые, еще более сильные переходы и равновесия. А улыбка бывшего молотобойца Азаряна по-детски простодушна и радостна.

«9,95», — выводят оценку судьи. С отличающей его элегантностью работает Грант Шагинян на снаряде, который репортеры назвали «упрямым конем». Впрочем, в руках Гранта он подчиняется каждому порыву гимнаста, и среди многих тысяч присутствующих только представитель швейцарской команды неожиданно апеллирует к судьям: не слишком ли высоко — 9,7 балла — оценено выступление Шагиняна? Не довольно ли с него 9,5? (В этом случае вперед выходил бы Штальдер.) Нет! У судей эта «дипломатическая акция» не встречает поддержки. Да и члены технической комиссии так же единогласно отклоняют протест. Золотую медаль получит Шагинян, земляк силача Азаряна, который стал чемпионом мира чуть раньше своего учителя.

Невозмутимый и сдержанный Чукарин отчетливо и точно, без единого отклонения выполняет весь каскад задуманных им комбинаций. Из упора он вдруг стремительно ныряет, как бы проваливается под брусья, чтобы взлететь над ними и, отпустив руки, очертить высоко над снарядом упругое сальто.

Когда Чукарин чеканным шагом гимнаста проходит вдоль шеренги, кто-то, кажется Востриков, говорит: молодец, Виктор! Оценка на брусьях, коронном снаряде Виктора Чукарина, — 9,85 балла — оказалась «потолком», которого не достиг ни один гимнаст. Еще один чемпион мира становится в строй советских гимнастов, и в числе первых спешит пожать поскрипывающую от магнезии ладонь Чукарина его самый грозный противник Валентин Муратов.

Но борьба еще не завершена, и если можно уже сейчас с полной уверенностью предсказать команду-победительницу мужского первенства, то далеко не ясно, кто же завоюет личное первенство в гимнастическом многоборье. Кто? Чукарин или Муратов?

Пусть трибуны заполнили специально наехавшие из Западной Германии и Швейцарии болельщики (около двух тысяч немцев и восемьсот швейцарцев!), звоном колокольчиков, выкриками встречающие «своих», — с каждым часом у советских гимнастов на трибунах все больше сторонников.

Снова на родной земле. Из самолета выходят С. Муратова, В. Муратов и В. Чукарин.

Движения молодого, но уверенного в мастерстве Муратова, полного жизни Азаряна, изящного и сильного Шагиняна, наконец, сдержанного и виртуозного Чукарина провожаются возгласами итальянцев: «Фантастика!», «Прима!» Такие овации какая-то из итальянских газет даже поставила в вину своим соотечественникам. Они, видите ли, приветствуют русских куда более восторженно, чем свою национальную команду, которая соревнуется в том же потоке. «Это так, — не без юмора замечает пожилой рабочий, — но кого же в этом винить, как не самих советских ребят, которыми не налюбуешься, когда они выходят на стадион».

...Легкий подскок, сильный мах — и Муратов взлетает над перекладиной. Не только зрители, но и все свободные участники спешат увидеть, что покажет русский мастер. Знатоки одобрительно покачивают головами, глядя на широкую амплитуду его движений, обращая внимание на те «связки», которые помогают гимнасту нанизать одну на другую сложнейшие комбинации. Подстать всему и соскок, когда после больших кругов, отпустив под турником руки, гимнаст как бы подкидывает самого себя и, расставив циркулем ноги, проносится над снарядом.

Каков же счет личного единоборства? За Чукариным перевес на брусьях и коне, у Муратова больше баллов на кольцах, перекладине и особенно в прыжках.

Быстро, почти без сумерек, опускается густая южная ночь. Придется выступать в темноте. Но это не беда! Настроение самое боевое! В нашем строю уже четыре чемпиона мира! Остался еще один вид — вольные упражнения. Кто же будет впереди? Ведь после упражнений на перекладине Муратов догнал Чукарина, отыграв те десятые балла, которые их разделяли.

«Не придется ли судейской коллегии срочно чеканить к утру еще одну золотую медаль абсолютного чемпиона?» — гадают на трибунах. Впрочем, немного терпения — и будет ясно, кто же впереди: москвич Муратов, которого римляне уже зовут «Валентино», или представитель Львова Чукарин, имя которого, Виктор, как вспоминает кто-то, означает «победитель».

И вот разыгран последний номер многоборья — вольные упражнения. Их выиграли Муратов и Такимото. Соревнования закончены, но зрители не расходятся, напряжение не спадает. Сейчас судьи произведут окончательный подсчет баллов, чтобы определить сильнейшего среди сильных...

И судьи свели баланс и скрепили его своими подписями. «Экс экво!» — торжественно раздается из-за стола судейского ареопага. — «Равные результаты!» Небывалый в истории гимнастики случай: два спортсмена, и притом спортсмены одной страны, СССР, — Виктор Чукарин и Валентин Муратов — набрали в сумме многоборья одинаковое количество баллов. Они оба абсолютные чемпионы, и их Родину, которую они так достойно представляли за рубежом, венчают лавры двойной победы!

Дороги в горах

Александр КОВАЛЕНКОВ

Рисунок С. Метелицы.

Гроза

В развернутой, бескрайней панораме
Гроза клубила тучи над горами
И, по лесным массивам проходя,
Вела на приступ полчища дождя.

Был человек застигнут этой хмарой
В урочище, вдали от всех дорог,
Когда стрельнула молния и старый,
Могучий дуб плашмя на землю лег.
Удар огня сжег сердце исполину,
Дымясь, чернел ствола его расщеп,
По склонам гор катился гром в долину,
Дождь бушевал... А человек ослеп!
Три дня на ощупь к людям пробиваясь,
Плутал он в дебрях и на помощь звал,
Но эхо убегало, словно заяц,
И человека лес не отпускал.
Кустарники одежду рвали в клочья
И обступали путника ордой;
Манила в пропасть трескотня сорочья,
Смеялись сойки над чужой бедой.
А человек, рубя ножом тенёта,
Все шел и шел, по зарослям кружа,
Переходил овраги и болота,
Пока из рук не выронил ножа.
Потом пополз, ощупывая кочки,
Распухший от укусов комарья,
И, не прося у гибели отсрочки,
Затих в песке на берегу ручья.

Но это лишь завязка и вступленье.
И в том теперь рассказа будет суть,
Что к человеку возвратилось зренье,
Когда рукой не мог он шевельнуть.
Как побежденный смотрит после боя
На празднество в становище врагов,
Так он смотрел на небо голубое,
Зеленый лес и тени облаков.
Спиной к нему стояли полукругом
Громады гор в дозоре вековом,
И лишь ручей еще казался другом,
Вприпрыжку мчась сквозь хмурый бурелом.

А в это время по кремнистым скатам
Своим, прямым, намеченным путем
Геологи — хорошие ребята —
Шли на разведку дальнюю вдвоем.
Листвы кипенье, солнечные блики —
Все говорило им, что день хорош,
Когда они в колючках ежевики
Нашли охотничий еще не ржавый нож.

И, приглядясь в лучах лесных прогалин
К мерцанью смятых, рваных паутин,
Товарищи увидели, узнали,
Что человек боролся здесь о д и н.
Они пошли по следу, удаляясь
От избранного точного пути,
Все больше с каждым шагом удивляясь:
— Кто здесь блуждал! Что он хотел найти!
Зачем по мелколесью шел кругами,
Грибов не брал, не разжигал костер!

Так разговор возник между друзьями
И постепенно превратился в спор:

— Произошло несчастье. Это ясно.
И человеку мы должны помочь...

— А мне весьма сдается, что напрасно
Болота нам приходится толочь.
Следы нас могут привести в берлогу,
Где от людей скрывается бандит;
Мне за него испытывать тревогу
Душа, как говорится, не велит.
Простая истина: кто нужен людям,
Тот никогда не будет одинок.
А для чего спасать того мы будем,
Кто норовит свернуть с дороги вбок!
Вернемся и начальству все доложим;
Милиция распутает следы...

— Нет. Мы с тобой тут ошибиться можем,
А от ошибки долго ль до беды!..
Иной раз полминуты жизнь решают;
Себя беречь разведчику нельзя...

Так споря и друг другу возражая,
Повздорили, поссорились друзья.
Один пошел обратно, взяв образчик
Породы горной с медною рудой,
Другой — вперед, сквозь заросли и чащи,
Вослед за чьей-то странною судьбой.
Ни табаку, ни спичек не осталось;
Пустая фляга только руки жгла,
И в сотый раз геологу казалось,
Что выстрелом грозит лесная мгла.
...Шиповник, дикий хмель, и вновь болото.
А нить все тянется,
все катится клубок...
И сполохом в глаза метнулось — вот он!
Лежит ничком, упал лицом в песок.

Обратный путь был бесконечно долог,
Сгорели звезды в солнечных лучах,
А все еще шагал, хрипел геолог,
Нес незнакомца на своих плечах.
Тот был в беспамятстве. Метался, бредил,
Смеялся, пел, и по обрывкам фраз
Геолог не узнал, кого он встретил,
Чью жизнь нашел, какое сердце спас.

Но через много дней, когда в больнице
За шахматами встретились они,
А перед тем успели поделиться
Друг с другом всем—вплоть до имен родни,
Нежданный посетитель к ним в палату
Вошел, кусая губы от стыда,
И, оглядясь, с улыбкой виноватой
Сказал: «Прости. Я был неправ тогда».

И услыхал в ответ:
«Кто нужен людям,
Тот никогда не будет одинок;
А для чего спасать того мы будем,
Кто норовит свернуть с дороги вбок!..
Ты это сам сказал неосторожно,
Но я добавил бы, ценя твои слова:
Кривой тропой придти на помощь можно,
Нельзя помочь, когда душа крива».

А тот, кто был спасен, откинул шторы,
Раскрыл окно, стоял, смотрел на горы,
Где снова тучи двигала гроза
И ослепляли молнии глаза...

Лермонтов в Пятигорске

1

Дом невелик: почти простая хата.
Давно погасла в горнице свеча.
Клен у крыльца разросся в два обхвата,
Засохла под окошком алычá.

Исчез, умчался в горы постоялец
И до сих пор коня не расседлал;
Следы его в долинах потерялись,
Ушли в лазурь, за дальний перевал.

Его теперь и смерть не может встретить,
И, не вникая в давнюю беду,
Играют на песке горячем дети
У памятника в городском саду.

Но, глядя на венок из бронзы тяжкой,
На лиру, победившую века,
Все чудилась мне белая фуражка,
Забытая на склоне Машукá.

Над ней трава, как прежде, зеленела,
Сновали полосатые шмели,
Когда дождем исхлестанное тело
Солдаты на телеге увезли.

2

Прилежно говорят экскурсоводы
О зависти, о ссоре роковой,
О творческом пути певца свободы,
Оборванном злодейскою рукой.

О том, что был он резок и запальчив,
Незащищен, доступен для обид;
Что здесь убит, по сути дела, мальчик,
Седой историограф говорит.

Наверно, и сейчас те речи длятся
Умны, честны, и, в том сомнений нет,
Их слушая, нельзя не соглашаться,
Что Лермонтов, конечно, был поэт.

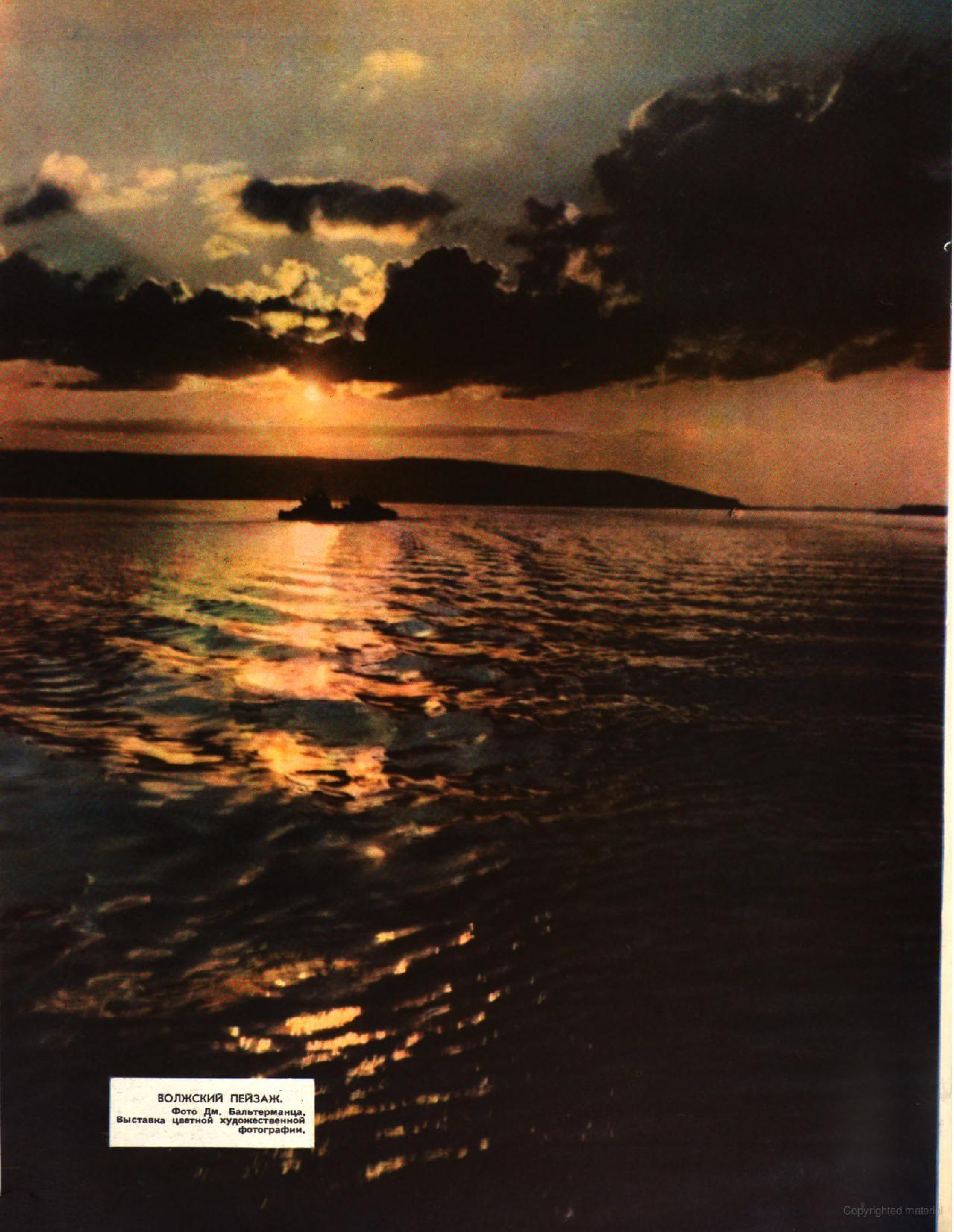
Но он тому стихами отвечает,
Кто в день грядущий пристально глядит
И без подсказок сердцем понимает,
О чем звезда с звездою говорит.

Иван Федорович Лесной, лучший сталевар Таганрогского металлургического завода имени Андреева.

Фото Б. Кузьми

ВОЛЖСКИЙ ПЕЙЗАЖ.
Фото Дм. Бальтерманца.
Выставка цветной художественной фотографии.

ВРЕДНЫЙ ПЕРЕЖИТОК

Профессор И. В. СТРЕЛЬЧУК

Народ в своих пословицах и поговорках с беспощадной меткостью заклеймил людей, предающихся пьянству: «Много вина пить, беде быть», «С хмелиной спознаться, с честью расстаться», «Кто много пьет вина, тот скоро сходит с ума», «С вином поводишься, нагишом находишься».

Пьянство на протяжении всей истории человечества вызывало к себе отвращение и презрение. Тем более не может оно быть терпимо в социалистическом общежитии. Пьяницы, как правило,— дезорганизаторы производства, причина возможных аварий, несчастных случаев, брака продукции. Своим поведением они омрачают отдых и культурный досуг трудящихся, превращаются в хулиганов, а иной раз и в преступников, разрушают семью.

Владимир Ильич Ленин в беседе с Кларой Цеткин говорил, что пролетариат, как восходящий класс, не нуждается в опьянении, которое оглушило бы его или возбуждало... Ему нужны ясность, ясность и еще раз ясность. Коммунистическое воспитание в нашей стране призвано искоренить все пережитки капиталистического прошлого, среди которых не последнее место принадлежит пьянству.

Вино — коварный и злобный враг. Глубоко заблуждаются любители выпить, когда себе в оправдание они ссылаются на то, что алкоголь будто бы «укрепляет здоровье», «согревает», «спасает от болезней», «вызывает прилив сил», «создает настроение», чуть ли не «вдохновляет»!

Все это, мягко выражаясь,— чистейший вздор.

Алкоголь не только не увеличивает силы, не придает энергии, а, наоборот, сокращает их, понижает способность к умственному и физическому труду.

Иван Петрович Павлов говорил об алкоголе, который, по его мнению, «гораздо больше горя причиняет, чем радости всему человечеству, хотя его и употребляют ради радости. Сколько талантливых и сильных людей погибло и погибает сейчас из-за него!»

Точную характеристику хмельного мы находим в произведениях Джека Лондона: «Хмельное всегда протягивает нам руку, когда мы терпим неудачу, когда мы слабеем, когда мы утомлены, и указывает чрезвычайно легкий выход из нашего положения. Но обещания его лживы: физическая сила, которую оно обещает, призрачна, душевный подъем — обманчив, под влиянием хмельного мы теряем истинное представление о ценности вещей».

Четверть века я каждодневно наблюдаю, изучаю, лечу людей, ставших больными от злоупотребления алкоголем. Факты — упрямая вещь. Мой опыт, подкрепленный наблюдениями почти над пятнадцатью тысячами таких больных, и анализ историй их болезни неопровержимо свидетельствуют о вредном, разрушительном действии спиртных напитков.

Человек, который привык прикладываться к бутылке, не думает о том, что вступил на путь, приводящий к тяжелому заболеванию. Неприметно и неотвратимо алкоголь подтачивает организм, подчиняет его себе, превращает человека в безвольного раба. Даже такая, казалось бы, ничтожная доза, как 80 граммов алкоголя, сохраняет свое действие в течение двадцати четырех часов, на протяжении суток отравляет организм.

Хронический алкоголизм, болезненное расстройство, вызывается длительным злоупотреблением спиртным. Ученые изучили его действие на все органы, установили, что страдают все они, без исключения.

Алкоголь прежде всего «накладывает лапу» на центральную нервную систему, нарушает деятельность головного мозга, особенно его важнейшую часть — кору больших полушарий. Мозг становится послушным слугой, игрушкой алкоголя.

Тот, кто выпил много хмельного, сначала испытывает прилив приятной веселости, эдакой игривости, которая постепенно превращается в безудержную болтливость, хочется поотквенничать, развязывается язык. Пьяный преувеличивает свои силы и возможности, ему кажется, что он камнем луну сшибет. Недаром пословица гласит: «Пьяный храбрится, проспится — свиньи боится».

Собственные поступки и шутки представляются ему необыкновенно остроумными, удачными, он пускается в пляс, горланит песни, теряет над собой всякую власть, буянит, лезет в драку. Бывает, что трезвый он мягок, скромен, вежлив, муху не обидит, но, выпив водки или вина, он точно перевоплощается. Обычно говорят, что пьяному море по колено, но не всегда добавляют, что лужа по уши! И кончается всегда одинаково: он валится с ног там, где стоял или сидел, и впадает в тяжелый сон.

Алкоголики становятся чрезмерно подозрительными, раздражительными, настроение постоянно меняется. Они теряют интерес ко всему окружающему, к работе, семье, друзьям. Все отступает на задний план; вино или водка — вот то единственное, что занимает их мысли и чувства. Они думают, что не могут жить без вина, оно влечет их к себе, их мучает бессонница, тревога, тело пронизывает дрожь, трясутся руки. Потухший взгляд, запавшие глаза, багровое лицо, сизо-фиолетовый нос, сухие губы — вот некоторые внешние признаки алкоголика.

Иногда дело кончается белой горячкой и другими тяжелыми психическими болезнями. Отличительный признак белой горячки, того заболевания, о котором в народе говорят: «Допился до чертиков, до белых слонов и зеленого змия»,— зрительные галлюцинации. Видения бывают настолько яркими, что воспринимаются больным, как реальность. Жабы и змеи, пауки и клопы, отвратительного вида мохнатые чудовища представляются расстроенному воображению захворавшего. Вся эта фантастическая нечисть движется, принимает уродливые позы, кривляется, наступает на больного.

Отравленному мозгу все это кажется настоящим, он живет в мире своих кошмаров, утрачивает связь с окружающим. Вот больной ожесточенно давит и сбрасывает с себя каких-то привидевшихся ему насекомых, обороняется от воображаемых крыс, которые лезут из-под пола, взбираются на стул, тумбочку, кровать, возится со своей одеждой, завязывает ее узлами, вынимает иголки из матраца; пытается надеть рубаху на ноги.

Кроме зрительных, больного поражают и слуховые галлюцинации. Ему слышатся какие-то голоса, обычно они спорят между собой о том, что сделать с ним, угрожают расправой, укоряют его, посмеиваются, осыпают бранью, оглашают приговор.

Несомненно, что причина болезни — яды, которые образуются в организме после длительного злоупотребления алкоголем. Как следствие возникают и другие психические расстройства: острый алкогольный галлюциноз, сходный с белой горячкой, алкогольный бред, хронический алкогольный галлюциноз, когда болезнь не прекращается на протяжении ряда лет, когда вконец отравленному мозгу все время чудятся голоса или зрительные видения. В некоторых случаях больной становится опасным для окружающих.

Алкоголь поражает сердце и разветвленную сеть кровеносных сосудов. Сердце приходит в упадок; дрябое, вялое, перерожденное, оно не в силах сладить со своей работой. Появляется одышка, сердцебиение, общая слабость, отечность, все валится из рук.

Алкоголь не щадит даже сердце очень здорового человека, пристрастившегося к вину. Он жалуется на тупые боли, на стесненность в груди, малейшее напряжение немедленно вызывает усталость. На рентгеновском снимке ясно видно, что сердце алкоголика расширено, уплотнена аорта. Такие явления ведут к ранней инвалидности, преждевременной старости, а иногда и к смерти.

Вот один случай. Молодой, физически сильный, с хорошо развитой мускулатурой и здоровым сердцем парень «на радостях», что благополучно вернулся домой, пил две недели кряду. В короткие минуты просветления мать уговаривала его бросить это «занятие», но он в ответ хвалился, что крепок, как бык, и продолжал вливать в себя спиртное. Сердце не выдержало нагрузки. Вскрытие показало, что он умер от внезапного паралича сердца.

Нередко алкоголь приводит к заболеваниям желудка, а также расстраивает деятельность кишечника. Больные ощущают неприятное давление под ложечкой, изжогу, их мучают отрыжки, по утрам досаждает тошнота. Многие алкоголики подвержены болезням печени, она раздувается, вспухает или, наоборот, сморщивается. Иногда у них в организме резко падает содержание витаминов; нарушается нормальный обмен веществ. Больные катастрофически худеют. Их организм плохо сопротивляется различным инфекционным болезням, становится легкой добычей любой заразы.

Безусловно, многие страдающие алкоголизмом понимают гибельность своего положения, размеры ущерба, причиненного им спиртными напитками. Они оправдывают себя тем, что вылечиться невозможно, что выхода у них нет.

Следует сказать, что это неправда. Алкоголизм можно и должно лечить. Как свидетельствует моя многолетняя практика и практика других советских ученых и врачей, он излечим.

Однажды, лет двадцать назад, в больницу, где я работал, пришел совершенно опустившийся человек, в женской кофте, в тряпье, которое едва прикрывало его босые ноги. Он коротко рассказал о себе, о том, что пьет он, и жена, и сосед по квартире. Пришел, сказал он, потому, что либо надо лечиться, либо лезть в петлю.

Лечился два месяца. Потом я его не видел много лет и встретил в прошлом году в театре. Не пьет, учился, кончил техникум и институт, стал ведущим инженером на заводе. Познакомил со второй женой; первая не желала лечиться, спилась и умерла, так же, как сосед.

Таких примеров можно привести множество. Советская медицина располагает достаточно эффективными методами лечения алкоголизма, основанными на учении великого русского физиолога Ивана Петровича Павлова. Пройдя курс лечения, больные, подчас даже тяжелые, покидают клинику «перевоспитанными»: у них образуется стойкая реакция отвращения, неприязни к водке или вину. В упорных случаях, когда наблюдается рецидив — возврат болезни,— приходится проделывать второй, подкрепительный курс.

Понятно, чем раньше начато лечение, тем выше шансы на быстрый и полный успех, тем скорее побеждается болезнь. Немалая роль в этом деле принадлежит родным и близким, которые обязаны всеми доступными им средствами убеждения повлиять на алкоголика, заставить его немедленно обратиться к врачу, невропатологу или психиатру.

Не могут оставаться равнодушными и общественные организации. Они должны вести настойчивую и умелую борьбу с алкоголизмом — вредным пережитком прошлого.

ТАЙНА ПОЛИГОНА

Рассказ

С. АРЕФЬЕВ

Рисунки Г. Балашова.

1

Дозор пограничников заметил перебежчика, когда тот переползал последние метры, отделявшие его от территории иностранного государства.

Солдаты пытались задержать нарушителя границы, но преступник, продолжая ползти, открыл огонь из маузера. Пограничники вынуждены были применить оружие, и перебежчик был убит.

Во время перестрелки командир отделения успел заметить, как тот поднес левую руку ко рту. Когда тело нарушителя было доставлено на заставу, командир доложил об этом начальнику.

Через час патолого-анатом вскрыл труп и извлек из желудка убитого странный предмет. Это была крошечная спиралька, похожая на заводную пружину дамских часов. Она была изготовлена из тончайшей пленки и под действием желудочного сока уже несколько деформировалась. Ни врач, ни офицеры пограничной заставы не смогли определить назначение спиральки. Ее передали в лабораторию для исследования.

Оказалось, что спиралька является не чем иным, как микроскопической катушкой уже проявленных негативов какого-то необычайно маленького фотоаппарата.

Сотрудникам лаборатории при сильном увеличении удалось отпечатать снимки. Они составили альбом, содержащий шестьдесят фотографий, расположенных в той же последовательности, в какой они были засняты на пленку.

Так как часть кадров испортилась от действия на пленку желудочного сока, то многие снимки представляли из себя сплошные туманные пятна, и понять, что на них изображено, не было никакой возможности.

На снимках, напечатанных более или менее отчетливо, были изображены то человеческие ноги, то средняя часть туловища, то руки в самых различных комбинациях. Иногда оказывалась заснятой часть лица, например, нос и рот, глаза и нос, ухо и часть щеки.

В ряде случаев фотограф умудрялся во время съемки ставить аппарат боком, а несколько снимков были сделаны тогда, когда аппарат был перевернут вверх дном. Было ясно, что фотограф не пользовался общепринятыми приемами фотографирования.

На многих снимках оказались сфотографированными предметы, которые как будто не должны были привлечь внимание фотографа: нижняя часть телеграфного столба, кусок фундамента с обвалившейся штукатуркой, пустая консервная банка.

На одном снимке была изображена разъяренная кошка, занесшая лапу для удара. На другом — убегающая курица с растопыренными крыльями. И, наконец, на нескольких фотографиях были запечатлены какие-то технические приспособления и детали механизмов. Возле них можно было разобрать изображения трех офицеров и двух сержантов.

В общем из шестидесяти снимков более или менее удовлетворительными были только двадцать пять.

Удивлял своеобразный ракурс, в котором были сняты люди и предметы. Нижние конечности людей были несоразмерно велики. Фотограф совершенно не интересовался освещением, и нередко на снимках были видны лишь темные силуэты людей и предметов.

Когда альбом показали офицерам технической службы, они были поражены: снимки изображали некоторые моменты рабочих испытаний военной техники на научно-исследовательском полигоне в городе Н.

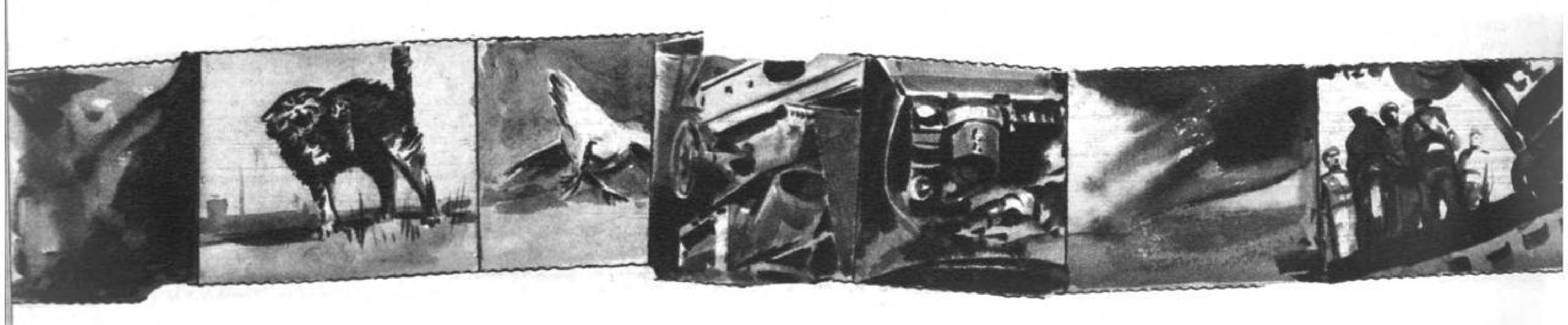
Естественно, что никакого фотографирования в таких случаях не разрешалось, и офицеры не могли даже представить себе, каким образом были получены эти снимки.

Расследование этого дела было поручено опытному офицеру — подполковнику Петру Васильевичу Колесникову.

Еще до своего отъезда в город Н. Колесников получил сообщение, что личность перебежчика установить не удалось и что, кроме пленки, нет никаких материалов о совершенном преступлении.

2

Научно-исследовательский полигон был расположен на далекой окраине города. Он занимал обширную территорию, огороженную высоким забором; часть полигона, где проходили испытания, была, кроме того, обнесена трехметровой кирпичной стеной. Испытатель-

ная площадка была хорошо укрыта от постороннего глаза. Полигон тщательно охранялся специальным подразделением, причем посты были расположены так, что даже часовые не могли видеть территорию испытаний.

Эти обстоятельства сразу же бросились в глаза Колесникову, когда он, одетый в форму, которую носили военнослужащие полигона, впервые прибыл в город Н.

Когда начальник полигона увидел фотоснимки, привезенные Колесниковым, крупные капли пота выступили у него на лбу. Когда же на одной из фотографий перед начальником возникло его собственное улыбающееся лицо, он вскочил и в полном смятении забегал по комнате.

— Товарищ подполковник! — воскликнул он, обращаясь к Колесникову.— Что это значит? Разве можно заснять человека с близкого расстояния и прямо в лицо так, чтобы он не видел при этом фотографа?

— Повидимому, можно, раз снимок лежит перед вашими глазами,— ответил Петр Васильевич.

* * *

В многолетней практике подполковника Колесникова еще не было такого загадочного случая.

Испытание, отдельные эпизоды которого были запечатлены на снимке, проходило 15 мая от полудня до двух часов.

Начальник полигона сказал Колесникову, что таинственному фотографу удалось заснять лишь отдельные моменты испытания. Из общего количества снимков только десять имели непосредственное отношение к испытаниям.

Удалось определить, что три снимка, сделанные один за другим, отражали три последовательных момента испытания. А так как весь процесс испытания хронометрировался, то оказалось возможным установить, что эти снимки были сделаны с промежутками в одну минуту.

Естественно было допустить, что и остальные снимки делались с такой же последовательностью. Значит, весь процесс фотографирования продолжался один час.

Установление этого факта имело для Петра Васильевича большое значение. Теперь, точно зная время, когда произошло преступление, он мог сосредоточить все свое внимание на анализе событий, происшедших за этот час на полигоне. Но едва Колесников углубился в изучение обстановки, как трудности стали возникать со стремительностью снежной лавины.

Подполковник познакомился с людьми, производившими испытание. Их было пятеро: начальник полигона, его заместитель по технической части, техник и два сержанта. Все они в один голос утверждали, что на полигоне не было никого из посторонних. Никто из этих пяти человек не заметил у кого-либо из своих товарищей никакого намека на фотоаппарат.

Впрочем, аппарат, которым производили съемку, повидимому, был настолько мал, что его могли и не заметить. Правда, Колесникову до этого случая не приходилось встречаться с микрофотоаппаратами при расследовании различных дел. Но раз был фотоаппарат, следовательно, был и фотограф.

Кто же он?

Все участники испытаний были изображены на снимках по нескольку раз и в одиночку и группами. На четырех снимках все пятеро участников испытаний были изображены вместе. Можно ли считать это доказательством того, что никто из этих пяти не был таинственным фотографом?

Нет, нельзя.

Самый характер снимков говорил о том, что аппарат действовал автоматически. Однажды заведенный, он в дальнейшем самостоятельно каждую минуту производил съемку, пока не кончилась пленка. Следовательно, человек, который завел аппарат и установил его в определенном месте, мог потом появляться перед объективом. Автоматическим характером работы аппарата, рассуждал Колесников, объясняется и то, что в объектив попали случайные предметы, конечно, не интересовавшие фотографа.

Но тут возникал новый вопрос: в каком месте полигона был установлен аппарат?

Долго и тщательно с альбомом в руках Колесников изучал обстановку и пришел к бесспорному заключению, что снимки производились из разных мест, причем аппарат непрерывно передвигался по площадке, иногда, повидимому, с большой скоростью.

Колесникову удалось установить еще одно важное обстоятельство: три последовательных снимка были сделаны с разных точек полигона, отстоящих друг от друга на значительном расстоянии. Подполковнику понадобилось десять минут, чтобы обойти их быстрым шагом. А ведь кадры снимались каждую минуту...

Значит, фотограф бежал во всю прыть из одного конца полигона в другой? Для чего? Только для того, чтобы сфотографировать груду кирпича? А вслед за тем снова мчаться назад и снимать смеющееся лицо начальника полигона?

Если допустить, что таинственным фотографом был один из участников испытаний, то мог ли он, двигаясь с такой скоростью по полигону, одновременно выполнять свои обязанности испытателя?

Нет, конечно, не мог.

Колесников подробно опросил офицеров и сержантов, производивших испытания. Никто из них не заметил в поведении своих товарищей никаких странностей. Никто не отходил от места испытания более чем на пятьдесят метров. А груда кирпича, попавшая на один из снимков, находилась почти в двухстах метрах от места испытаний. Загадка казалась неразрешимой.

Одна гипотеза сменяла другую. То Колесникову казалось, что фотоаппарат передвигался самостоятельно, без помощи человека. То он предполагал, что снимки производились издалека, при помощи телеобъектива. Десятки догадок следовали одна за другой, но затем все тут же опровергались фактами.

3

Однажды утром Колесников вынул из чемодана фотоаппарат «Зоркий» и несколько катушек пленки. Зайдя к начальнику полигона, он попросил его собрать всех участников испытаний для того, чтобы в их присутствии повторить снимки, сделанные таинственным фотографом.

Попеременно заглядывая в альбом и в искатель фотоаппарата, Колесников стремился заснять все объекты в тех же ракурсах, в каких они были изображены на снимках. Для этого ему почти все время приходилось ложиться на землю и, ставя фотоаппарат под некоторым углом, снимать снизу вверх.

Когда же он попытался уложиться в то время, которое было затрачено загадочным фотографом, то убедился, что для этого нужно непрерывно и очень быстро бегать по полигону, с размаху бросаться на землю, потом вскакивать и бежать дальше.

Колесников вычертил схему движения аппарата по полю. Получилась паутина ломаных линий, покрывшая густой сеткой план полигона.

Человеку физически не под силу было бы произвести подобную съемку в течение шестидесяти минут. Не мог выполнить эту работу и прибор, так как ни один механизм не смог бы, автоматически меняя скорость, совершать путь по таким кривым.

Вернувшись к себе в комнату, Колесников всердцах швырнул фотоаппарат на койку и опустился в кресло. Проявлять снимки он не стал.

После обеда он пошел гулять, затем сел на скамейку в скверике неподалеку от полигона.

Густая листва деревьев тихо шелестела под легким ветерком. В большом ящике с песком играли дети. Женщины с вязаньем или книжками в руках сидели на скамьях, наблюдая за детьми. Подошедший дворник в белом фартуке с папироской в руке попросил огонька. Колесников чиркнул спичкой. Дворник прикурил, поблагодарил и ушел.

Начинало темнеть. Колесников бросил окурок в урну, встал и направился к полигону.

4

Прошло три дня. Колесникова вызвали телеграммой к начальнику.

Доклад подполковника был краток и неутешителен; начальник не скрывал своего недовольства. Выслушав Колесникова, он неожиданно вынул из письменного стола фотографию. Колесников с изумлением смотрел на снимок: фотография изображала его самого в форме, которую он носил на полигоне.

— Почему вы снимаетесь в таком виде да еще не бережете фотографий? — спросил начальник.

Колесников не отвечал, его мысли стремительно ринулись в город Н., к полигону, который он оставил несколько часов назад: таинственный фотограф продолжал свою деятельность, зная, что его ищут.

— Почему вы не отвечаете?

— Я не знаю, что вам сказать,— ответил Колесников.— Я не фотографировался в этой форме. Это — дело их рук.

— Чьих?

— Тех, кого я разыскиваю.

Начальник нахмурился. Некоторое время он молча рассматривал лицо Колесникова. Потом сказал:

— Не волнуйтесь, Петр Васильевич, и не обижайтесь на меня. Прочитайте-ка это письмо.

Он протянул лист бумаги. Четкими, крупными буквами там было написано:

«Посылаю тебе фотографию моего нового друга. Сообщи, женат ли он. Катя».

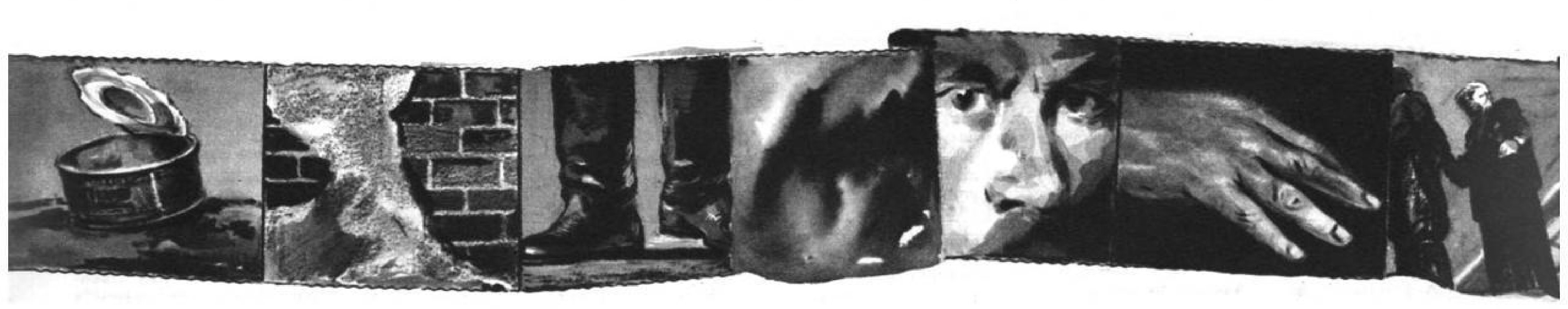
— Как вы думаете, что имеет в виду автор письма? — спросил начальник.

Колесников не отводил глаз от письма, стараясь постигнуть его скрытый смысл.

— Стало быть, они не только заметили меня на полигоне,— медленно сказал он,— но и догадались, зачем я приехал.

— Пожалуй, это так,— ответил начальник.— А знаете, как попало ко мне это письмо?

— Даже приблизительно не догадываюсь.

— Это довольно любопытная история. Мы хотели повидать одного человека, который обвинялся в связях с иностранной разведкой, но уже не застали его: накануне он ушел из дому и больше не возвращался. На другой день в корреспонденции, которая прибыла на его имя, оказалось вот это письмо и ваша фотография.

— Откуда послано письмо?

— Из города В. Это в пятидесяти километрах от Н.

5

Солнце невыносимо пекло.

Лежа на траве в тени заборчика, окружавшего метеорологическую станцию полигона, Колесников перебирал в памяти события последних дней.

После того, как он увидел в кабинете начальника свою фотографию, его неотвязно преследовала мысль, что на него постоянно направлен объектив фотоаппарата.

Колесников открывал глаза, прогоняя от себя навязчивое видение, но ощущение, что невидимый фотограф где-то тут, рядом с ним, оставалось.

В который уже раз он окинул взором ставший знакомым до мелочей полигон!

Вот, лениво потягиваясь, идет по траве кот Затвор — любимец команды, тот самый кот, который был сфотографирован неизвестным фотографом и чей снимок находится в альбоме.

Вот поднялся с крыльца и пошел за котом большой лохматый одноглазый пес Снаряд. Весело визжа, пес обогнал кота, повернулся к нему мордой, улегся на живот и пополз навстречу, словно приглашая начать игру.

Но сердитый кот, видимо, не был расположен к забавам. Он сел на задние лапы, оскалил зубы, распушил шерсть, правая передняя лапа его с выпущенными когтями поднялась для удара.

Когда раздалось злое фырканье кота, Колесников словно почувствовал удар электрического тока. Он вскочил на ноги, не сводя глаз с Затвора: ведь именно таким кот был изображен на снимке... Потом Петр Васильевич посмотрел на собаку и вдруг, резко повернувшись, побежал к дому.

Через несколько минут в его комнате собрались все участники испытания.

Колесников спросил:

— Я очень прошу вас припомнить, не было ли на полигоне в день испытания какой-нибудь собаки.

Офицеры и сержанты в один голос ответили, что на полигоне находился пес Снаряд.

— Это точно? — допытывался Петр Васильевич. — Почему вы это запомнили?

— А потому, — ответил начальник полигона, — что именно в день испытаний Снаряд вернулся на полигон после того, как пропадал два месяца.

— Я прошу вас, — сказал Колесников, — подробно рассказать мне, что случилось с собакой.

История исчезновения и возвращения собаки была довольно заурядна. Тем не менее подполковник выслушал ее с напряженным вниманием.

Два года назад солдаты подобрали на улице щенка, принесли в казарму, назвали Снарядом, и пес с тех пор стал постоянным обитателем полигона. Жил он в будке на краю поля и лишь изредка выбегал на улицу. Около трех месяцев назад в город забежала бешеная собака, и горсовет принял решение очистить улицы от безнадзорных собак. В одну из облав попал и Снаряд. На полигоне узнали об этом только на другой день. Снаряд был всеобщим любимцем, и солдаты решили выручить его.

Старшина направился к руководителю бригады, которая вылавливала собак. Но было поздно: бригадир сказал, что все пойманные собаки уже уничтожены.

Каково же было удивление и радость испытателей, когда через два месяца, утром 15 мая, на полигон ворвался живой и невредимый пес! Он бурно выражал свою радость, носился по полю, прыгал на людей, лизал им руки.

А вечером с ним случилась новая неприятность. Он убежал в город и вернулся оттуда хромая, с исцарапанной мордой и без левого глаза, видимо, потерянного в драке.

Колесников, выслушав историю похождений собаки, некоторое время молчал, потом спросил:

— Не было ли на Снаряде, когда он вернулся, ошейника?

На это последовал ответ:

— Снаряд никогда не носил ошейника.

Вечером Колесников внимательно осмотрел Снаряда и вызвал к себе бригадира, руководившего вылавливанием бродячих собак.

— Мне нужно узнать, — сказал подполковник, — кому вы три месяца назад отдали собаку, принадлежавшую воинской части и пойманную во время облавы.

Этот прямой вопрос явно смутил бригадира.

— Что-то не припомню такого случая, — пробормотал он, отводя глаза.

— Я понимаю, — сказал Колесников, — вы боитесь наказания за то, что нарушили инструкцию горсовета. Лично я не собираюсь привлекать вас к ответственности. Но предупреждаю, если вы будете запираться и лгать, последствия будут для вас очень неприятны.

Бригадир, стараясь не глядеть в глаза Колесникову, ответил:

— У меня этого пса выпросил дворник Сидоров из дома номер пять по Тележной улице.

— Как это произошло?

— Сидоров подошел ко мне, когда я повез животных за город, и попросил дать ему какую-нибудь собаку. Ну и уговорил.

— Он, что же, выбирал собаку или взял первую попавшуюся?

— Да нет, отобрал лохматого черного пса, надел на него ошейник и увел с собой.

— Что он вам дал за это?

— Самую ерунду, товарищ подполковник: на пол-литра.

6

В нижнем этаже большого старого дома на Тележной улице Колесников без труда разыскал квартиру дворника.

Сидоров сидел за столом и пил чай. На несвежей скатерти стоял медный чайник, початая бутылка водки, большая фаянсовая сахарница с отбитыми ручками и граненый стакан с недопитым чаем. На куске оберточной бумаги лежали кружки колбасы и горбушка хлеба.

Сидорову стало явно не по себе от неожиданного прихода Колесникова и двух его помощников. Прервав чаепитие, он вскочил из-за стола, схватил лежащий на комоде белый фартук и, наскоро вытерев им стулья, предложил офицерам сесть.

Заросшее щетиной, еще не старое лицо дворника носило следы беспорядочной жизни. Его большой нос и отвислые щеки были испещрены красными жилками. Видимо, Сидоров злоупотреблял спиртными напитками.

Странное впечатление производили глаза этого человека. Левый глаз беспокойно перескакивал с предмета на предмет, в то время как правый оставался неподвижным.

«А ведь у него правый глаз искусственный», — подумал Колесников, вглядываясь в лицо Сидорова, которое показалось ему зна-

комым. Колесников пытался вспомнить, где он встречал этого человека, однако, несмотря на хорошую память на лица, вспомнить не смог.

— Нас интересует: куда вы дели собаку, которую выпросили у бригадира после облавы?

— Шарика? — спросил, в свою очередь, Сидоров. Быстрыми шагами подойдя к открытому окну, выходившему во двор, он громко позвал: — Шарик! Шарик!..

Во дворе раздался лай, и через несколько секунд со двора на подоконник вскочил большой лохматый пес. Он спрыгнул на пол и, увидев незнакомых людей, зарычал на них, но, успокоенный хозяином, послушно улегся на полу.

— Вот она, эта собака, — сказал Сидоров.— А я и не думал, что из-за нее произойдут такие хлопоты. Ведь пес был бродячий. Я ему уже и номер купил.

Сидоров показал пальцем на жетон, блестевший среди густой темной шерсти на груди дворняги.

Закусив губу, Колесников с удивлением разглядывал собаку, похожую, как две капли воды, на Снаряда. Он даже руку протянул, чтобы погладить собаку, но та злобно оскалила зубы и зарычала.

Нет, это не был Снаряд: добрый, ласковый пес хорошо знал подполковника и всегда приветливо встречал его. Наконец, у Шарика оба глаза были целы, а Снаряд был кривой.

— Вы меня хотите обмануть, Сидоров, — сказал Колесников. — Эта собака только похожа на ту, которую вы получили от бригадира.

— Да нет же, товарищ начальник, — скороговоркой ответил Сидоров. — Провалиться мне на этом месте, если я вру! Это та самая собака. Да спросите хоть у Щекина (это была фамилия бригадира), он подтвердит. Верно, Шарик? — обратился он к собаке и погладил ее по спине.

Какая-то неестественная интонация слышалась в словах Сидорова.

— Ложь и притворство не помогут, Сидоров, — сказал Колесников, вставая. — Вот ордер на обыск. Попрошу показать ваши вещи.

— Да пожалуйста, смотрите. Я весь тут,— засуетился Сидоров.— Вот напасть-то какая! И что это я такое сделал, не понимаю?

Обыск подходил к концу. В комнате не удалось найти ничего, что могло бы заинтересовать Колесникова. Расстегнув воротник кителя, он наконец уселся за стол.

Офицеры отошли к открытому окну и закурили. На лице Сидорова мелькнуло что-то вроде улыбки.

«Рано улыбаешься»,— подумал Колесников и вдруг вспомнил, где он видел Сидорова. Это было около недели тому назад в городском сквере. К нему подошел дворник и попросил прикурить. Конечно, этим дворником был Сидоров.

Живой глаз Сидорова глядел куда-то в сторону, а искусственный был устремлен прямо на Колесникова, неприятно отливая стеклянным блеском. И весь ворох разрозненных наблюдений, которые постепенно накапливались во время расследования таинственного дела, сейчас соединился в сознании Колесникова в одну неразрывную цепь. Недостающее звено было наконец найдено.

И Колесников сделал то, что показалось совершенно неожиданным его спутникам, но было естественным и логическим выводом из всех его многодневных поисков.

— Дайте сюда ваш глаз! — сказал он, протянув руку к Сидорову.

Тот испуганно отшатнулся:

— Какой глаз?..

Колесников не опускал руки. Дворник дрожащими пальцами вынул глазной протез. Подполковник внимательно осмотрел его. Это был обычный искусственный глаз, не содержавший в себе ничего примечательного. Колесников вернул его дворнику, который к этому времени несколько оправился от испуга.

— Зря вы ко мне придираетесь, товарищ начальник, — вдруг жалобно заговорил Сидоров.— Живу я тихо, никому не мешаю, и вот, на тебе, обыскивают меня, словно я краденое покупаю или еще что нехорошее делаю, — и заискивающим тоном добавил: — Может быть, чайку хотите испить, товарищи офицеры, так я чайник вскипячу. Сейчас вот схожу к соседке за стаканами.— И, не дожидаясь ответа, Сидоров направился к выходу.

— Перестаньте кривляться, Сидоров! — резко сказал Колесников.— Обыск не кончен.

Произнеся эти слова, Колесников встал, взял в руки сахарницу и стал рассматривать желтые и синие цветы на ее стенках, потом перевел взгляд на Сидорова и увидел, что единственный глаз дворника тоже смотрит на сахарницу. Сидоров быстро отвел глаз и как-то судорожно глотнул воздух.

— Цветочки уж больно яркие, — сказал он неожиданно.

— Да, яркие, — подтвердил Колесников и снял с сахарницы крышку.

Сидоров напряженно следил за всеми движениями подполковника.

Колесников, любуясь искрившимися в ярком электрическом свете кристалликами сахарного песка, доверху наполнявшего сахарницу, казалось, не замечал, что происходит с дворником. Вдруг он перевернул сахарницу над столом.

Сидоров рванулся к двери. Собака с остервенением залаяла. Подбежавшие офицеры схватили дворника и усадили.

Колесников разгреб пальцами песок и извлек из него два небольших яйцеобразных футляра, обтянутых белым полотном, на которое, видимо, с помощью клея, был нанесен слой сахарного песка.

— Ну вот, — сказал удовлетворенно подполковник,— кажется, дело приближается к развязке. Не правда ли, Сидоров?

От лица дворника отхлынула кровь, он был страшно бледен, только жилки на носу и щеках побагровели.

Колесников раскрыл футляры. В большем находился глазной протез, похожий на тот, что был у Сидорова, в меньшем помещался искусственный глаз какого-то животного.

Офицеры с изумлением следили за подполковником.

Чтобы не повредить хрупкие детали, Колесников осторожно отодвинул задние стенки протезов и вынул из каждого из них по крохотному механизму.

— Вам никогда не приходилось встречаться с последними достижениями фототехники? — спросил Колесников, поднимая глаза на офицеров.— Полюбуйтесь на эти фотоаппараты. Позвольте, да один, кажется, заряжен! — И он извлек из меньшего протеза спиральку, напоминавшую по внешнему виду заводную пружину дамских часов.

Он раскрутил ее и поднес поближе к электрической лампочке.

— Вы не будете возражать, Сидоров,— произнес с иронией Колесников,— если мы ее засветим? Мой опыт подсказывает, что вам никогда больше уже не придется ею пользоваться.

7

— Самое сложное дело после того, как его распутаешь, кажется удивительно простым,— говорил Колесников начальнику полигона, сидя в его кабинете.

— Ничего себе «простое дело»! — возразил начальник полигона.— Собака — в роли фотографа!

— Конечно, — согласился Петр Васильевич.— Здесь есть некоторые необычные черты. Отчасти это объясняется личностью Сидорова.

— А что в нем особенного? Выродок! Продажная шкура!

— Да не так уж он прост, как кажется. Этот негодяй, скрывавшийся под личиной дворника, был когда-то студентом физико-математического факультета. Еще на первом курсе он обратил на себя внимание интересными опытами в области оптики. Это был тщеславный юнец, которому окончательно вскружили голову похвалы профессоров и поклонение друзей. За одну очень грязную историю Сидоров был исключен из университета. Благодаря связям отца Сидорову через некоторое время удалось поступить в медицинский институт. Некоторое время он держался, регулярно посещал занятия. Потом связался с компанией гуляк, стал завсегдатаем ресторанов. Пошли безобразные кутежи. Однажды в пьяной драке он потерял глаз.

Об этом стоит упомянуть потому, что это обстоятельство впоследствии сыграло роль в деле, которое причинило нам с вами столько беспокойства. Бывает, что несчастье отрезвляет человека. Здесь случилось наоборот. Сидоров озлобился. Он бросил учиться и поступил на работу в качестве лаборанта на оптический завод. Он продолжал вести разгуль-

ный образ жизни, не стесняясь в выборе средств для получения денег. Однажды Сидоров совершил растрату. Над ним нависла угроза суда. Довольно продолжительное время за Сидоровым следили агенты иностранной разведки. Ему предложили деньги для покрытия растраты в обмен на сообщение некоторых сведений о работе завода.

Павший человек не нашел в себе мужества отвергнуть гнусное предложение. Он стал предателем.

Физический недостаток Сидорова был использован его новыми хозяевами. Сидоров получил из их рук микрофотоаппарат, вмонтированный в специально изготовленный глазной протез. Объектив фотоаппарата, находившийся в зрачке искусственного глаза, открывался от нажима на глазное яблоко.

С помощью микроаппарата Сидоров несколько раз фотографировал важные чертежи и приборы. Преступление оставалось незамеченным. Но не могло не бросаться в глаза поведение Сидорова: систематическое пьянство и хулиганские выходки. Он был уволен с завода.

Когда разведка иностранного государства заинтересовалась деятельностью вашего полигона, предателю было предложено поступить к вам на любую должность. Под видом дворника он поселился в городе, выжидая удобного случая и присматриваясь.

Когда Сидоров увидел, что во время облавы схватили Снаряда, у него созрел план действий: вставить собаке глаз с фотоаппаратом и, пустив собаку на полигон, постараться таким путем получить данные, интересовавшие его хозяев.

Заманив к себе собаку, Сидоров усыпил ее и удалил ей левый глаз. Через некоторое время он получил изготовленный в оптических мастерских иностранной разведки автоматический микрофотоаппарат, находящийся в глазном протезе.

Когда рана у собаки окончательно зажила, Сидоров вставил ей искусственный глаз. Постепенно собака привыкла к инородному телу в глазной впадине.

Пятнадцатого мая, когда на полигоне должны были проводиться очередные испытания, собака была выпущена на свободу. Сведения о дне испытаний Сидоров получил у дворника полигона, болтливого старика, с которым предатель сумел подружиться.

Почуяв знакомые места, собака помчалась со всех ног к полигону. Глазной протез внешне ничем не отличался от естественного глаза, и никто не заметил в собаке никаких перемен.

Сидоров вел наблюдение недалеко от проходной, зная, что собака рано или поздно выбежит на улицу. И, когда Снаряд показался за воротами, он зазвал его в безлюдный тупик и вынул протез. Сидоров хотел увести собаку с собой, но она стала вырываться из его рук и убежала.

Преступник решил, что повторить опыт с этой собакой ему уже больше не удастся. Он переправил пленку резиденту иностранной разведки и стал ждать очередных инструкций.

В это время Сидоров заметил среди работников полигона незнакомого офицера. Это был я. Он счел необходимым выяснить личность нового офицера. Однажды, когда я сидел на скамье в сквере, он подошел ко мне с просьбой дать ему прикурить и сфотографировал меня с помощью своего искусственного глаза. Затем он послал фотокарточку и письмо резиденту — в целях маскировки из ближайшего города — и стал ждать ответа.

Несмотря на то, что Сидоров был уверен в невозможности разоблачения, он все же решил принять некоторые предохранительные меры. Оборудование своей фотолаборатории он отослал к родственникам. Затем разыскал собаку, очень похожую на Снаряда, и приручил ее. Этим он хотел не только обезопасить себя на тот случай, если бригадир выступит в роли свидетеля, но одновременно избежать и расспросов соседей, которые видели Снаряда.

Иностранный резидент, опасаясь ареста, бежал. Когда пришли к нему на квартиру, шпиона уже не застали, но перехватили там письмо Сидорова и мою фотографию... Ну, а остальное вам известно,— закончил Колесников свой разговор с начальником полигона.

БЕЛОРУССКАЯ

ГДЕ МНОГО НЯНЕК...

Один из представителей:— Коллеги, а не пора ли дать возможность председателю колхоза самостоятельно стать на собственные ноги?

Рисунок А. Волкова.

КАКИМ ВОВОЧКА ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ...

...маме, ...папе, ...и какой он есть на самом деле.

Рисунки Е. Ганкина.

САТИРА

„Вожык" в гостях у „ОГОНЬКА"

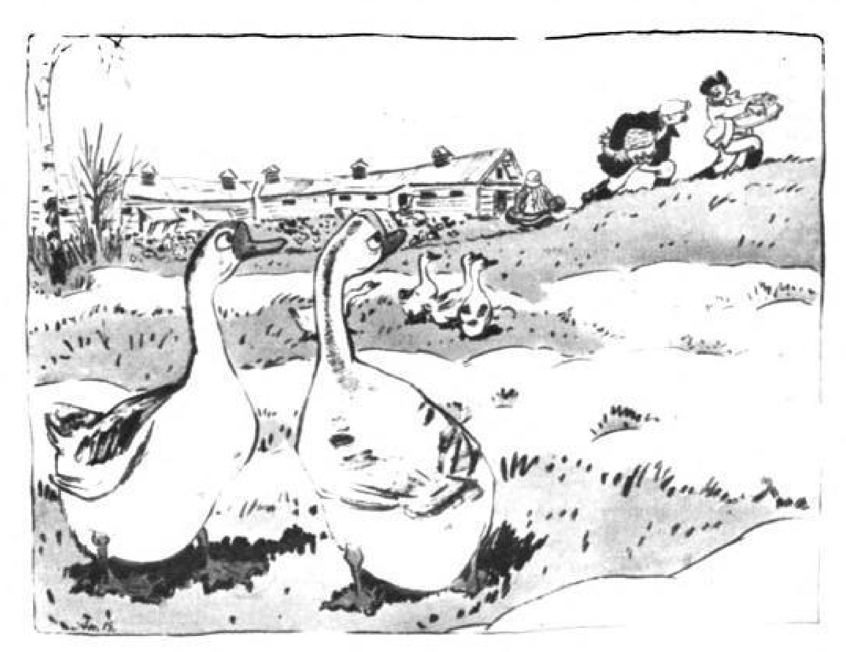
С БОКУ ПРИПЕКА...

Пекарня и... домик заведующего пекарней...

Рисунок В. Ждана.

Гуси: — Га-га-га!.. Мы нанесли, а они понесли.

Рисунок А. Волкова.

— Д-две недели не пить! Б-бедное животное!

Рисунок В. Тихоновича.

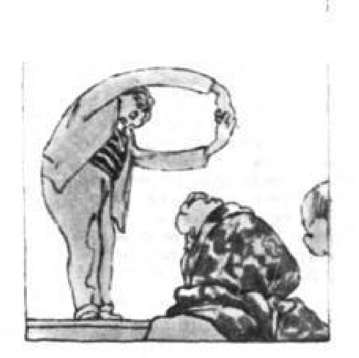
КОГДА НЕТ НАГЛЯДНЫХ ПОСОБИЙ

— Мостик комбайна имеет вот такую высоту...

— Вот примерно ширина бункера...

— Штурвальное колесо имеет вид примерно такой...

— А винт закручивается вот так...

Рисунки Е. Ганкина.

СЦЕНА И ЖИЗНЬ

— Больше всего мне нравятся в этом спектакле антракты. Здесь хоть настоящих людей увидишь! А на сцене что? Одних моральных уродов показывают.

— У вас есть иголки?
— Мы такой мелочью не занимаемся!

Рисунки В. Ждана.

Виноград на окне

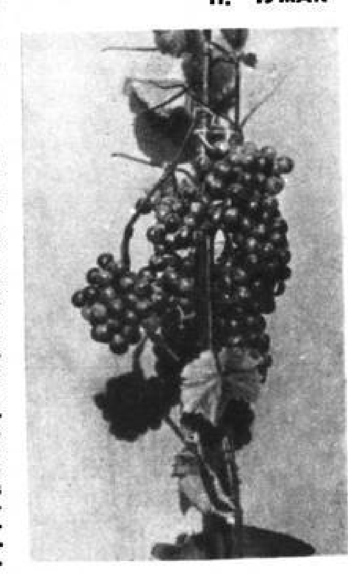
Этот куст винограда — Жемчуг Саба. Его зеленовато-желтые с золотистым отливом ягоды почти прозрачны на солнце, кожица их тонкая, мякоть нежная, очень приятная на вкус, с мускатным ароматом. В горшечной культуре наряду с другими ранними сортами виноград этот выращивается в теплицах Московской сельскохозяйственной академии имени Тимирязева, но можно вырастить плодоносящие кусты винограда и в комнатных условиях, в школе или дома.

Короткие, размером в три — четыре сантиметра, отрезки чубука с одной почкой (глазком) сажают в маленькую тепличку. Здесь они в песке при температуре 20—28 градусов и поливке легко укореняются. Затем их пересаживают в горшочки шести — семи сантиметров в диаметре с песчано-дерновой землей. Когда у них разовьется густая, мелкоразветвленная корневая система, их помещают, не разрушая земляного кома, в горшочки большего размера—девяти сантиметров в диаметре, наполняя их дерново-перегнойной землей. Для того, чтобы не застаивалась вода в земле и не портились корни, делают дренаж, то есть на донное отверстие горшочка кладут черепок выпуклой стороной кверху, насыпают слой мелко изрубленного мха и добавляют немного речного или промытого песка. Такие перевалки молодых растений из меньших горшочков в большие производят несколько раз в течение лета. В результате, если чубуки с глазком были укоренены в январе — феврале, то к осени виноград даст уже хорошо развитые лозы, способные плодоносить в будущем году.

Следующей весной саженцы винограда пересаживают в горшки или кадки диаметром в 25—30 сантиметров, прошлогодний побег обрезают, оставив на нем пять — шесть почек. Осторожно изогнув этот побег, подвязывают его к шпалере так, чтобы на изгибе была хорошо развитая почка. Эта почка даст побег для плодоношения в следующем году, а развившийся из нее побег прищипывают после образования восьми — десяти листьев. Другие же плодоносные побеги прищипывают перед началом цветения, над третьим листом—выше соцветия. Как правило, эти растения с весны до осени, исключая время цветения, опрыскивают утром и вечером. Подкармливают несколько раз жидкими удобрениями. Осенью, после сбора урожая, весь старый горизонтальный побег обрезают, оставляя один замещающий его побег. Следующей весной его так же подрезают, как указано выше, и подвязывают горизонтально.

Ежегодно верхний слой земли заменяют свежей дерново-перегнойной землей, а через два года виноград пересаживают в кадки большего размера. Начиная с ноября, виноград помещают на зиму в прохладное место (подвал или простенок) с температурой от нуля до шести градусов тепла или же прикапывают его в землю на глубину около полуметра, насыпая сверху земляной холмик. В марте виноград переносят в комнату, а летом выставляют на балкон, веранду или в сад под прямые лучи солнца.

П. ЧУМАК

Мускат комнатный

Отвечаем читателям

—Дельфины! Дельфины!..

Мерно катит свои волны Черное море, знойно и тихо на пляже, вдруг раздается крик:

— Дельфины! Дельфины!..

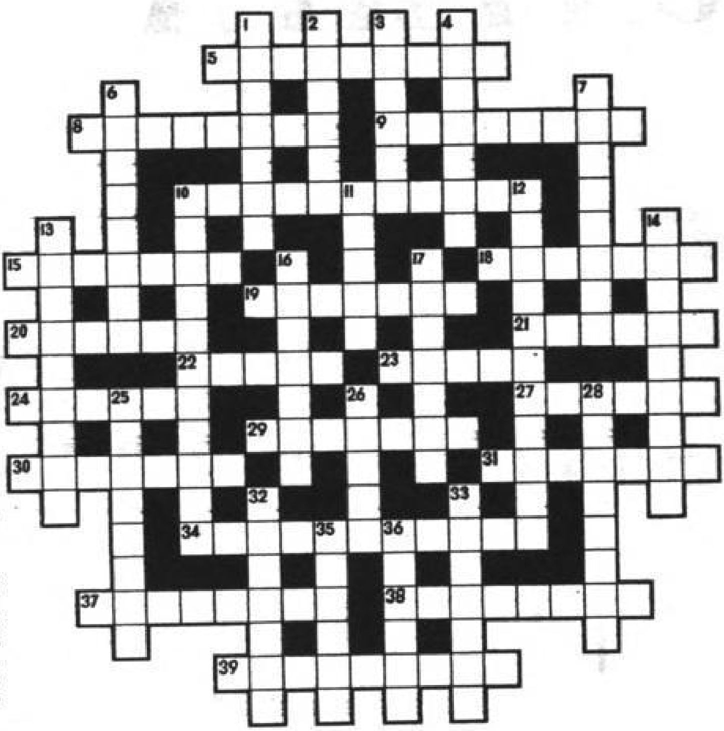
Пляж оживает. Все глаза устремляются туда, где, сверкая на солнце мокрыми черными спинами, видны играющие дельфины. Купальщики спешат к берегу, лишь немногие подплывают поближе к дельфинам.

Читатель «Огонька» Д. И. Ведмецкий (из Астрахани), побывавший на Черноморском побережье, интересуется, справедливы ли слышанные им рассказы о нападении дельфинов на человека.

За разъяснениями мы обратились в Институт морфологии животных Академии наук СССР. Доктор биологических наук С. Е. Клейненберг сообщил нам следующее:

— По роду своей работы в течение многих лет я изучал черноморских дельфинов: самых распространенных — белобочек, небольших морских свиней, или азовок, и наиболее крупных — афалин. Не однажды я купался рядом с дельфинами, но никогда мне не приходилось наблюдать, чтобы дельфин причинил какой-либо вред человеку. Это исключительно мирное, и если хотите, добродушное и веселое животное. Питается дельфин преимущественно мелкой рыбой и крупной добычи не берет. С купающимися, по своему веселому нраву, он может разве только затеять игру: кружить около, выскакивать из воды, фыркать и плескаться. Рассказы о том, что дельфин распарывает тело купальщика спинным плавником, необоснованны, так как плавник этот мягкий. Таюке не опасен и случайный удар хвостом. По сути дела, наши пресноводные щука и сом куда свирепее безобидного дельфина.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Служебное сообщение. 8. Разновидность капусты. 9. Учение о звуке. 10. Отдел учреждения. 15. Форма стихотворения. 18. Музыкальное произведение. 19. Русский механик, конструктор и изобретатель. 20. Великий русский актер. 21. Решетка. 22. Город в Житомирской области. 23. Русский крейсер. 24. Группа, категория. 27. Краткий вывод. 29. Русский художник. 30. Линия, соединяющая две точки окружности или шара. 31. Чешский композитор. 34. Способ обработки поверхности металла. 37. Помост. 38. Ценный минерал сложного состава. 39. Составитель погодной записи исторических событий.

По вертикали:

1. Приземление летательного аппарата. 2. Теснина, ущелье. 3. Состязание на гребных или парусных судах. 4. Советский писатель. 6. Овощ. 7. Водолазный костюм. 10. Отрасль сельского хозяйства. 11. Город в Италии. 12. Вид стихотворения. 13. Способность, талант. 14. Персонаж трагедии В. Шекспира «Отелло». 16. Русский полководец. 17. Органическое вещество, необходимое человеку и животным. 25. Специальность филолога. 26. Шотландская овчарка. 28. Руководитель массовых игр, развлечений. 32. Представитель одного из европейских народов. 33. Басня И. А. Крылова. 35. Разговор. 36. Персонаж из «Руслана и Людмилы».

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ в № 33

По горизонтали:

5. Созидание. 8. Форпост. 9. Сенегал. 12. Полиспаст. 15. Акведук. 16. Таможня. 17. Раунд. 19. Поти. 20. Крон. 21. Ариозо. 22. Мамонт. 23. Сеул. 25. Иран. 26. Слава. 27. Гимнаст. 29. Станция. 30. Тетраметр. 31. Утконос. 33. Шалость. 34. Экскурсия.

По вертикали:

1. «Колобок». 2. Лист. 3. Манс. 4. Пианист. 6. Коллегиальность. 7. Радиоактивность. 10. Искус. 11. Склонение. 12. Публицист. 13. Таксометр. 14. Аннотация. 17. Резус. 18. Драга. 24. Фасад. 28. Техника. 29. Стеллит. 32. Саки. 33. Шарж.

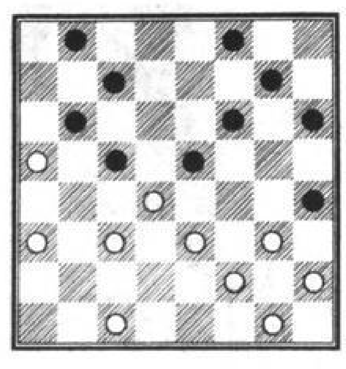
Шашки

под редакцией мастера Г. Я. ТОРЧИНСКОГО

КРАСИВАЯ КОМБИНАЦИЯ

В полуфинале XVI первенства СССР по шашкам (Москва, октябрь 1953 г.) московский мастер Ефим Семенов выиграл черными партию у одного из сильнейших ленинградских шашистов, Петра Святого, проведя в безнадежной, казалось бы, позиции красивую комбинацию.

В этой партии после ходов: 1. c3 — d4 d6 — c5 2. b2 — c3 f6 — g5 3. c3 — b4 g5 — h4 4. b4 : d6 c7 : c3 5. d2 : b4 d8 — c7 6. b4 — a5 b6 — c5 7. a1 — b2 g7 — f6 8. e1 — d2 e7 — d6 9. b2 — c3 a7 — b6 10. c3 — d4 d6 — e5 11. d2 — c3 h8 — g7 создалась позиция, показанная на доске.

Положение на доске после 11-го хода.

П. Святой, игравший белыми, не был знаком с анализом этой позиции, принадлежащим Е. Семенову, и решил форсировать выигрыш жертвой шашки.

12. a3 — b4? . . .

Следовало играть 12. c3 — b4 e5 : c3 13. b4 : d2 и т. д.

12. . . . c5 : a3
13. e3 — f4 h6 — g5!

Этого белые не ожидали.

14. f4 : h6 . . .

После 14. f4 : d6 c7 : e5 15. a5 : c7 b8 : d6 черные легко выигрывают.

14. . . . e5—f4!
15. g3 : e5 b6—c5!!
16. d4 : g5 h4 : b2

и вскоре белые сдались.

Эту превосходную комбинацию Е. Семенов «изобрел» несколько лет назад, но только в этой партии «внедрил» ее в ответственном соревновании, получив ценное очко и моральное удовлетворение.

РЕШЕНИЕ ЭТЮДА Н. ГОРОДЕЦКОГО (№ 33)

1. b2—a3! (при любом другом ходе черные добиваются ничьей, например, 1. b2—f6 f4—g3! 2. f6—d4 g3—h2 3. d4—f6 h4—g3 с угрозой g3—f2 и h2—g1 4. f6—h4 b4—a3 5. h4 : e1 a3—b2 и ничья) b4—c3 2. a3—d6! h4—g3 (если 2... c3—b2 или c3—d2, то 3. d6 : g3. На 2...f4 g3 следует 3. d6 : h2 и от угрозы 4. h2—g3 нет спасения). 3. g1—h2! с последующим 4. d6—e5 и выигрывают.

В этом номере на вкладках: четыре страницы репродукций картин И. Н. Крамского и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор—А. В. СОФРОНОВ.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление И. Уразова.

А 06213. Подп. к печ. 17/VIII 1954 г. Формат бум. 70 × 108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 650 000. Изд. № 698. Заказ 2043. Рукописи не возвращаются.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

МОДЫ

На этой странице мы печатаем модели дамских платьев, созданные художницами Венгрии, Польши, Чехословакии, Германской Демократической Республики.

1. Венгрия

Платье из шерстяной ткани, прямого силуэта, с двубортным лифом и втачным рукавом. На юбке прорезные высокие карманы. Воротник в форме шарфика из этой же ткани, застегивается на две верхние пуговицы лифа.

2. Венгрия

Сарафан из шерстяной ткани. На лифе и юбке отстрочные карманы. Носить его можно с клетчатыми блузками или яркими свитерами.

3. Польша

Платье из легкой шерсти или плотного шелка. Лиф свободный с цельнокроенным полудлинным рукавом, по линии талии притянут широким фигурным втачным поясом. Юбка прямая, узкая, с высокими прорезными карманами под клапанами.

4. Чехословакия

Блузка из темного блестящего шелка с цельнокроенным полудлинным рукавом и глубоким вырезом. Юбка клеш-солнце из шерстяной клетчатой ткани.

5. Германская Демократическая Республика

Костюм из шерстяной ткани. Жакет прилегающий с втачным рукавом и карманами с клапанами. Юбка шестишовная, клешевая. Швы на жакете и юбке отделаны двойной строчкой. К жакету надевается белый воротничок и шляпа из мягкого фетра конусообразной формы.

Рисунки Н. Голиковой.

Цена номера 3 руб.